

Подвенечное платье

...Люди очень похожи друг на друга в разговоре, смехе, ходьбе, в еде и во сне. Они толпами идут в одну сторону, толпами возвращаются откуда-то, но они никогда не едины. У каждого свой путь. Каждый должен идти своей дорогой, каждый должен прожить свою жизнь...

Остался позади серый, удручающий своей пасмурностью месяц, унося вместе с собой бесцветные, скучные воспоминания. Ушел март, вместе с ним и беды. Все вокруг проснулось. В один из таких, полных аромата весенних дней небольшой поселок недалеко от Баку наполнился звуками свадьбы. В окнах недавно построенного Дома торжеств, с еще не потускневшими внутри и снаружи красками, можно сказать, каждый вечер загорались яркие свадебные огни. Свадьбы играли одну за другой.

Свадьба Саррафа была третьей или четвертой в новом Доме торжеств. Радостные танцевальные звуки, извлекаемые молодыми музыкантами в белых рубашках, черных брюках, красных пиджаках и таких же красных галстуках, не могли заглушить топота ног танцующих, рокота разговоров, даже исторгаемые гитарой самые жалостливые аккорды, касались листьев ив, окутанных лунным светом, и уносились к самым дальним домам небольшого поселка.

На противоположном конце от юных музыкантов на почетном месте сидели рядом Сарраф и Садига. Сарраф был одет в черный костюм, а Садига – с ног до головы во всем белом; как белоснежные облака в небе, как белоснежные лилии, во всё белое была одета Садига... Подобно только что выпавшему снегу, покрывающему пути-дороги, луга и поля, поляны и лужайки, деревья и горы, она сияла и горела, как свеча...

Ну и что же, что Дом торжеств был переполнен гостями? Что с того, что эта свадьба была в оживленном месте поселка, в этом новом, роскошном доме, где еще не поблекло сияние красок, отдающих серебром? Главным было то, что окруженные чистотой, белизной Сарраф и Садига стояли сейчас в родном месте отца Саррафа – Габилы, рано ушедшего из этого бренного мира, но оставившего по себе светлую память. Свадьбу эту играли в семье проворной Хаят, рано потерявшей молодого мужа, но сумевшей в одиночку в нужде поднять троих детей. Может, поэтому в поселке было особое отношение к этой женщине, которой так не повезло в личной жизни. И поэтому люди от всей души веселились, радовались и желали счастья Саррафу...

И сейчас в разгар свадьбы, когда со всех сторона на ее сына сыпались поздравления и пожелания счастья, Хаят успевала перемолвиться словом с каждым, иногда бросить тайком, а иногда и явный взгляд на сидящих на почетном месте зала сияющих, как свечи, детей, ей хотелось танцевать от счастья, слезы радости, не вмещающиеся в этом огромном зале, струящиеся из ее глаз, были подобны жемчужинам, она хотела подарить это счастье. Временами, незаметно для окружающих, она смахивала их ладонью и мысленно возводя руки к небу, шептала: «Благодарю тебя, Всевышний, за эту милость!». Больше она ничего не говорила. Временами лишь обрывки вспомнившихся молитв вырывались из ее груди. Все осталось позади: пересуды, шушуканья. Словно все обращения к Богу, которые Хаят знала наизусть, она раздарила по одному, буква за буквой людям. Сегодня Хаят в своих молитвах была не одинока. Сегодня молилась не

только она, все родные, близкие, собравшиеся на эту свадьбу – все словно вслед за ней хором повторяли эти слова.

В самый разгар свадьбы Хаят расстроилась: «Если бы ты был жив, Габиль! Увидел бы и ты этот день! Почему же Всевышний не дал тебе этого, не позволил дожить до сегодняшнего дня? Да будет благословенно решение твое, о Аллах!»

Гости понемногу расходились, остались самые близкие: родственники, друзья жениха, подруги невесты...

Конечно, они должны были остаться до самого конца. Но заканчивать должны были не здесь, а в родном доме жениха...

Еще днем двоюродный брат ее мужа Салех киши велел Хаят, которую любил больше, чем собственную сестру, закончить свадьбу у дверей родного очага, где и встретили невесту.

Под айвой был привязан жертвенный баран, лоб и шея которого были помазаны хной, а на шею повязана красная лента. На веранде стоял, выпятив грудь, Салех киши, который, открыто улыбаясь, точил нож о брусок. В этих его движениях был странный, мягкий ритм. Казалось, Салех киши не нож точил, а танцевал, размахивая руками.

Ближе к полуночи Дом торжеств опустел. Официанты все убрали, звук ножей и вилок стих до следующей свадьбы, и Дом угомонился в ожидании нового торжества...

Караван машин подъехал к дому Саррафа. Зазвучала мелодия «Вагзалы»¹. Жених с невестой медленно, степенными шагами вошли во двор. Кроме них, почти все танцевали. Двор был широким и место хватало всем. Никто даже не заметил соседских ребят, тоже зашедших во двор. Для них только сейчас начиналось самое интересное, и они не меньше взрослых радовались торжеству.

Звучала «Вагзалы». Одному богу известно, когда была создана эта полная очарования музыка? Явно было лишь то, «Вагзалы» летним ветерком кружила, летала над всеми, увлекая людей в новые, еще не пережитые ими чувства. Она словно заставляла взрослеть подростков, тревожила души молодых, уносила пожилых в прожитые ими годы, в неповторимую молодость, напоминая о самых сладких ее мгновениях. Может, именно поэтому, в эту минуту свадьбы Саррафа и Садиги танцующие, раскинув руки, совсем не хотели, чтобы «Вагзалы» заканчивалась. Звуки музыки наполнили сиянием и так аккуратный двор Хаят. Светились лампочки, висящие на деревьях, их свет сливался с сиянием ночи и, подобно нынешней невесте Садиге, сияла в небе и луна, источая серебристый свет, и ее сияние соединялось со светом бесконечной любви. И в такой радостной атмосфере дружелюбие людей, их теплое отношение, полные любви взгляды, улыбающиеся лица будили в душе прожившей тяжелую жизнь Хаят свежесть молодости, которую она сохранила в своем сердце.

Сарраф сильней прижал к себе руку Садиги. Подобно двум лодкам под парусами, они плыли в толпе людей навстречу течению жизни. Каждый шаг жениха и невесты будто окутывался звуками «Вагзалы». Люди – танцующие, хлопающие – расступались перед женихом и невестой, давая им дорогу: всем хотелось вблизи рассмотреть молодых. Естественно, что этот полный тайн прекрасный мир оживлял недостижимые, недостижимые для пожилых воспоминания, затрагивал в молодых еще только пробуждающееся чувство любви.

Белоснежное, расшитое яркими нитями платье невесты плотно прилегало к телу. Словно это белое платье, плотно обернутое, вокруг ее молодого тела оберегало девушку от дурного дуновения прохладного воздуха. Это платье подходило, очень подходило,

¹ Свадебная мелодия, сопровождающая вход невесты в дом жениха.

делало ее выше, чем она была на самом деле. В ее груди трепетало сердце и в этом трепещущем сердце хранится облик одного-единственного человека, его родное лицо. И властелином этого белоснежного мира был Сарраф. И наверное, его власть никогда не закончится.

Кажущиеся взволнованными жених и невеста будто позабыли о том, что они давно знакомы друг с другом. Они были очарованы в этот миг, вступая в новую, совершенно незнакомую для них жизнь. И хотя никто не мог сказать, что ждет эту пару в будущем, сейчас они были счастливы, как никогда...

Достигший уже семидесяти лет Салех киши² молодецки схватил барана, в одно мгновение повалил его на бок, повернув лицом в сторону Гиблее³. С ножом в руках, поставив одну ногу на ноги барана, он посмотрел на стоящих перед ним молодых. Как они были счастливы! Было время, когда и он был так же счастлив! Пятьдесят лет назад! Где теперь это счастье! Ах, мимолетность жизни...

Но нет, Салех киши всегда был человеком, умеющим ценить жизнь, ее философский оптимизм. Он всегда думал: врут, что живем пять дней, мы живем сто лет, тысячу лет, бесконечно, только нужен ум, чтобы познать эту бесконечность, надо, чтобы Аллах подарил человеку глаза, видящие красоту...

Все взгляды были устремлены на нож в руке Салеха киши и барана под его ногами. Так, словно сейчас будет издан последний указ о бесконечности счастья в этой новой семье. И придет этот указ сверху, с самых небес в виде крови жертвенного барана. Может, сейчас Салех киши стоял у врат Создателя, ждал, чтобы праздничный указ был ниспослан сверху, и потому не спешил провести ножом по горлу барана.

А счастливая пара, которая молча наблюдала за исполнением этих дошедших с древности обычаев, ощущала волнение, видя традиции рождения новой семьи. Эта невидимая тропинка, на которую они сейчас стали, тропинка, конец которой не виден, может увлечь их и в райские кущи, залитые лучами солнца, или в бесконечно темную пропасть. Всякое может случиться в этом переменчивом мире, всякое... но сейчас, в эти мгновения Сарраф с такой любовью сжимал руку Садиги, что...

Произнеся: «Бисмиллах», Салех киши провел ножом по горлу барана:

– Да примет Аллах эту жертву, будьте счастливы! И чтобы никогда вы не говорили: «что делать?», «как быть?», – воскликнул он.

Родственница Саррафа со стороны отца, полная тетя Ханум, осторожно макнула пальцем в теплую кровь барашка и провела им по своему лицу, по лицам стоявших рядом детей, по лбу Хаят:

– Да примет Аллах эту жертву, будьте счастливы, – произнесла она.

Гости, словно только этого и ждали, расступились, уступая дорогу жениху с невестой. Хаят вышла вперед:

– Потерпите минутку, – сказала она, и, подняв над головой хончу⁴, взяла с нее разноцветные конфеты, сладости и стала сыпать их на голову жениха с невестой и гостей.

Подростки, старались поймать налету, упавшие на землю сладости доставались малышам. Хаят разбрасывала конфеты в пестрых обертках с таким волнением, что конфеты долетали до лиц, плеч стоящих в задних рядах; кому-то удавалось поймать их, а остальные падали на землю.

² Киши – мужчина, в данном контексте используется, как добавление к имени, указывающее на пожилой возраст персонажа. Точно так же к имени женщин добавляется слово «арвад».

³ Гиблее – сторона света, куда поворачивается молящийся.

⁴ Хонча – поднос с праздничными сладостями.

Одна конфетка в золотой обертке коснулась щеки Финае, тихо стоявшей среди подруг, и упала на землю. Подружка рядом тут же схватила конфету и протянула ее Финае.

– Возьми, это твое счастье...

Финае взяла конфету. В глазах девушки в этот момент промелькнули печаль и ожидание, но никто этого не заметил.

Коснувшаяся ее щеки и упавшая на землю конфета, которую теперь сжимали ее ладони, заставила содрогнуться все тело. Все внутри дрожало от волнения. Что-то почувствовав, она опасалась быть опозоренной, в то же время не могла взять себя в руки. Эти терзания сжигали ее еще во время свадебного веселья, делали невыносимым ее пребывание на свадьбе.

...Садига несколько раз ударила ножкой, обутой в туфельку на высоком каблуке, по брошенной ей под ноги тарелке, разбила ее и вошла в коридор, а оттуда в комнату невесты. Едва она вошла, как почти в то же мгновение луна скрылась за облаками и стала невидимой. Во дворе потемнело. Из-за того, что небо потемнело, черная тень упала и на лица собравшихся. Тень покрыла и лицо Финае...

Финае училась в одной группе с Садигой. И на свадьбу она пришла вместе с подругами, но среди поздравляющих Финае была единственной, кто внутренне был тревожен. Эту тревогу рождал страх глубокой пропасти, существующей между ней и одетой в белое платье и похожей сейчас на ангела Садигой. И казалось, у Финае, ощущающей, как все у нее внутри обрывается, ноги отказывались двигаться, она не могла пошевелиться.

Последние поздравления, последние пожелания... Жених тоже поднялся по ступенькам и скрылся за дверью. Люди по одному, по двое стали расходиться. Приехавших издалека перед калиткой ждали легковые машины. По сути, отсюда было близко в любую сторону, всего пятнадцать-двадцать минут пути и ты дойдешь, куда шел.

Финае тоже была в числе тех, кто ехал в город. Отчего-то все свадьбы с их шумом, радостью представлялись ей искусственными. Ей казалось, что весь этот шум затевается только для того, чтобы невеста показалась людям в свадебном платье. Эти свадьбы для взрослых женщин и мужчин. Именно поэтому они женят своих детей, надевают на женихов костюмы, на невест – подвенечные платья. По крайней мере, так казалось Финае, и именно этот страх, полагала она, и заставляет сейчас сжиматься ее сердце...

Одно удивляло ее: такой белизны, как в платье Садиги, она до сих пор не видела ни в белых хлопьях снега, ни в белых цветах.

Финае на мгновение попробовала представить себя в белоснежном подвенечном платье, представила свое свадебное торжество. И лицо ее тут же помрачнело, словно набежала на него осенняя туча. Разве сложно представить себя в образе невесты? Для этого нужен еще молодой, подходящий и любящий человек, который шел бы рядом и держал под руку...

Она еще более поникла, и дело совсем в том, что справа от себя она не увидела жениха, а в том, что душа и сердце ее было пусты. Лишь в тот момент, когда конфета, брошенная матушкой Хаят, коснулась ее щеки и упала на землю, тоска в душе немного уменьшилась, и что удивительно, в тот же миг Финае не только, вздрогнув, не пришла в себя, но, напротив, перед ее глазами пронеслась прожитая как попало жизнь, дни, события, целые отрезки куски жизни промелькнули в ее сознании, и поэтому и без того грустное настроение еще больше ухудшилось. Студенческие годы в одно мгновения незаметно растаяли, люди, которых встретила, всё пережитое, все происшедшее события, а их было немало, может быть, даже слишком много. Что происходило, кто были эти

люди? Пустота постепенно завоевывала все большее пространство, в ней словно выстраивались в ряд люди. Это были не просто прохожие, это были люди, каждый из которых оставил след в душе Финае. И не имело значения – эти следы благоухали как цветы или как пуля ранили... Вот, впереди стоит Харис. Харис, который старше нее на двадцать лет. А вот художник Юсифджан. Финае звала его Юджином. И сама не могла понять, что общего между драйзеровским Юджином и Юсифджаном. Ничего общего между ними не было. Может, дело было лишь в созвучии имен?.. Может быть. А затем профессор Махар, за ним поэт Алфи, за ними другие... Хорошо еще, что она не забыла имен тех, кого знала. Но что это? Сердце ее было готово разорваться. Никто не видит, как сердце ее рвется, словно попавшая в силки птица. Так бывает, когда человек во сне задыхается. На две-три минуты тоска принесла утомление всему ее существу. Время показалось ей ужасно долгим. Может, ей все это чудится? Уже покойный Харис стоит необыкновенно близко, застыл, словно каменный, и ему все равно, что она сейчас чувствует. Он тянет руки к Финае, погубившей его, словно хочет утащить за собой в адские глубины. Иначе с чего это он стоит неподвижно, как камень, и смотрит выпученными глазами на свою бывшую «возлюбленную»? А чуть позади виднеется голова Юсифджана. И он стоит недвижим и глаза его выпучены еще больше, чем у Хариса. Над Юсифджаном – Махар, а еще выше – Алфи, и все стоят, выпучив на нее глаза. Глаза Алфи полны отвращения. «Как, ты смогла натянуть это подвенечное платье?» – интересно, кто из этих людей, в глазах которых сожаление и обида смешались с гневом и насмешкой, сказал эти слова. Откуда у Финае силы разбираться в этом?

Кто-то потянул ее за руку. Это была одна из девушек, которая давала знак, что пора идти. Свадьба закончилась, откуда же могла знать девушка, дотронувшаяся до ее руки, что творилось в душе Финае? Закончится ли когда-нибудь эта проклятая свадьба?..

Напутствуя молодых юношей и девушек, матушка Хаят приговаривала: «Да будет вам благословение Саррафа и Садиги, дети мои»...

Когда смеющаяся ватага молодых людей добралась до метро «Ичери шехер», было уже около часа ночи. Кто-то предложил спуститься вниз и прогуляться по парку. Но страшные мысли одолевали Финае. Вдруг она подумала, что испачкается в луже, образовавшейся у входа в их двор. Из-за высокого каменного забора, тянувшегося вдоль входа, достаточно было пары капель воды, чтобы тут же образовывалась лужа. Отец Финае обращался в разные организации, в ЖЭК, чтобы положили конец этому безобразию, но все было безрезультатно. После того, как он стал чувствовать себя хорошо, отец потратил много средств, чтобы избавиться от этой проблемы. Но успеха не добился. И обвинять было некого. В земле образовался провал, поэтому здесь всегда собиралась грязная вода. В конце концов, они смогли только выложить это место распиленными деревьями, чтобы можно было проходить по двору, не испачкав обуви. А со временем смирились с этим. Поэтому предложение Заура погулять после шумной свадьбы пришлось Финае по душе.

Финае училась в университете на третьем курсе факультета журналистики. По стечению обстоятельств большинство студентов в группе были девушки. Но только одна из них была близка с Финае – Рахиба; с Рахией они вместе приходили в университет, вместе уходили. Тот день Финае запомнился навсегда.

За Рахией заехал ее дядя. Когда Рахиба садилась в машину, дядя окликнул стоящих рядом девушек:

– Садитесь, девочки, я вас тоже подвезу...

Но девушки отказались. Рахиба оглянулась и посмотрела на дядю. Его неожиданное предложение и ей показалось странным. Харису было лет сорок-сорок пять,

это был красивый, стройный мужчина. Позже Рахиба говорила, что Харис каждый день занимался гимнастикой. Этот живой, подвижный молодой мужчина долгое время работал в органах прокуратуры. И, как говорила Рахиба, из-за какой-то неприятности на прокурорской карьере дяде пришлось поставить крест. Родственники, знающие, в чем дело, говорили, мол, слава Богу, он смог хорошо выпутаться из такого запутанного дела. Сам Харис не любил говорить об этом, а если вспоминал, то приходил в ужас, чуть с ума не сходил от ужаса. Побыв некоторое время без работы, он устроился юрисконсультom в одну из иностранных компаний.

В семейной жизни Хариса произошли два важных события. Он рано женился и поэтому успел выдать замуж повзрослевшую дочку, и через год после замужества дочери развелся с женой по причине, которая была известна только ему одному. Но люди шептались, что жена не выдержала легкомысленного образа жизни мужа и ушла жить к замужней дочери. А Харис словно только этого и ждал, он ни разу не пошел за женой, поэтому не ходил и к дочери. Жил один. Впрочем, это нельзя было назвать одинокой жизнью. Не проходило и недели, чтобы он не встречался с дамами, известными ему по прошлой жизни. Некоторые из этих женщин задерживались в доме Хариса на какое-то время. При этом он ни капли не стеснялся соседей, жил с этими женщинами, как муж живет с женой. Хоть Харис и получал вполне приличную зарплату, но прежняя куча денег оставалась для него теперь недостижимой мечтой. Любовниц у него было много, каждая встреча уносила много денег. Поэтому он решил завязать со старыми случайными знакомыми, «просеять» своих дам и, как говорится, «закончить с ними». И в дальнейшем жить нормальной жизнью...

Харис еще раз повторил свое джентльменское предложение. В его манерах было упорство, он верил, что его предложение будет принято.

– Не стесняйтесь, забирайтесь в машину, девочки, вы же не хотите, чтобы Рахиба уехала одна? Она же соскучится, – настаивал он.

Настойчивость Хариса, к тому же понимание, что это не посторонний человек, а дядя их подруги, возымели действие. Девушки подошли к машине. С проворством спортсмена Харис подскочил и распахнул дверцу. Рахиба села вперед, рядом с дядей, а Финае и другие девушки – на заднее сидение. Временами Харис поглядывал на девушек в зеркало машины, и если встречался с кем-то из них взглядами, делал вид, что ищет просвет в убегающей вдаль дороге. Он сразу отличил Финае от других девушек по золотым, спадающим на спину волосам, и восхищенному взгляду. Да и сама Финае старалась поймать в зеркале взгляды Хариса. «Кажется, самой сговорчивой из них будет эта самая Финае...»

Харис немного высунул руку из машины. Прохладный осенний ветерок наполнил ладонь, коснулся лица, пробудил в нем хорошее настроение. Стоящие позади сосен кусты роз уже наполнились бутонами и готовы были раскрыться. Харис остановил машину. Вышел, подошел к розам. Сорвал несколько бутонов, уже готовых раскрыться, и вернулся. Рахиба не одобрила этого поступка дяди. Она даже немного сжалась. Он заметил состояние племянницы, но не подал вида:

– Не смог сдержаться, сорвал, впрочем, кажется...

– И прекрасно сделали, цветы для того, чтобы их рвали...

Девушки вышли из машины. Финае сделала пару шагов, но споткнулась. Едва не упала. Стоявший возле машины Харис, словно заранее предчувствовал, что девушка споткнется. Он тут же подхватил ее под руку. Все это произошло почти мгновенно. Словно с Финае ничего не произошло, просто Харис прижал к груди девушки собранный им букет. Душа Финае возликовала. Глаза ее вспыхнули, заблестели, ресницы часто задрожали.

Это ее волнение передалось и Харису. Ему даже показалось, что он слышит, как бьется его сердце...

Финае мало интересовали мальчики из ее группы, многие ей вообще не нравились. Некоторых она даже оскорбляла, говоря им «ты – ребенок» или «ты – крестьянин». При этом ей очень хотелось, чтобы Закир или кто-то иной возразил на эти оскорбления, задевающие до глубины души. Мало было ребят, которые становились ее кумирами. Ее сердце стремилось покориться властному мужчине. Все эти робкие, как девочки, мальчишки... Собрать бы их вместе и утопить в море...

Финае всегда была такой. Еще на первом курсе... Она днями и ночами мечтала о сильном, решительном мужчине, лица которого еще не видела, имени которого не знала. Она потеряла всякий покой.

«Эти мальчики думают только о том, удобно это или нет. Где же решительные мужчины?!»

Мальчики словно проглатывали язык, когда хотели что-то сказать ей. А если они оказывались рядом с ее прекрасным лицом, то от волнения краснели, словно спелые гранаты. Временами один из ребят, набравшись смелости, подходил к ней. Но о том, чтобы пробудить нежность в душе девушки, и речи быть не могло. Пока что эта дикая лань не попадалась в сети самых умелых охотников. Финае была страстной, огненной, горячей. Кроме этого Всевышний наградил ее природным даром: ее стихи украшали все литературно-художественные собрания, которые проходили в университете. Слушатели награждали ее бесконечными аплодисментами. Были и такие, кто считал ее вольной птицей. Однако среда, в которой она родилась и воспитывалась, могла оказать на других ужасающее впечатление.

Ее мать – Зинае – не обладала ни одним достоинством, которое могла бы в качестве примера унаследовать дочь. Финае, как и все, знала о ее легкомысленном образе жизни. Впрочем, общественный имидж матери, ее готовность презреть всякий стыд ради легкой страсти не оказывал на Финае никакого влияния. В этом смысле девушка была нема, слепа и глуха. А другие что хотят пусть болтают.

Но в какие бы ледяные одежды не укутывалась Финае, образ жизни матери, словно тушью, впечатывался в ее мысли, ее чувства, характер. Вот вам маленький пример: на все сто процентов дочка переняла у матери ненависть к слабым мужчинам. С другой стороны она была сторонницей того, что женщина должна быть совершенно свободна. Захочет – будет любить, захочет – возненавидит, это ее дело. Она даже однажды спросила у матери: как же ты живешь с мужчиной, которого не любишь, как делишь с ним постель? В это мгновение решительная Финае ни на грамм не испугавшись матери, выложила ей все свои мысли. И мать ответила ей, что вот уже сколько времени живя с ее отцом под одной крышей, ложась с ним в одну постель, она думает, что она рядом со своим любовником, и эта мысль ее спасает. «Я этого никогда не допущу, – ответила Финае, – тело мое должно быть там же, где и душа». Он была против слов матери: «Жизнь течет извилистыми путями, иногда цепляет человека зубами и затаскивает в такие неожиданные, неизвестные места, о которых даже дьявол не догадается. И вдруг оказывается, что уже поздно сопротивляться. Мука смолота, а решето вертится впустую». И что удивительно, временами в сердце Зинаи возникала зависть к дочке. Она поражалась ее решительности, теряла свою рассудительность, сравнивая себя с Финае. И именно в такие мгновения ей казалось, что она зря прожила свою жизнь, не насладились сполна свободой молодости и потому ревнует, нервничает...

Зинае была кокетливой женщиной, стройностью и красотой не уступающая дочери. Она многих сводила с ума. На вечеринках она выделялась своей пылкостью, сиянием. Наиболее решительные перебрасывались с ней парой слов: лишь бы оказаться вблизи от этой первой красавицы, вдохнуть исходящий от нее сводящий с ума аромат. Нерешительным мужчинам лишь оставалось издалека украдкой бросать на нее взгляды и довольствоваться этим. Можно сказать, что большинство мужчин поражались, услышав необычное имя этой женщины. Хотя для удивления особых причин не было.

По словам самой Зинаи, первую часть ее имени взяли у матери, а вторую – у отца: Зинаида и Ямен. И своей дочери имя выбрала она, точнее срифмовала с собственным: Зинае – Финае...

Ее встретила мать:

– О, тебя просто не разглядеть среди роз!.. Кто подарил их тебе?

Финае ответила тоном, допустимым, скорее, для подруги, чем для дочери:

– Должен же быть хоть кто-то, кто подарит мне цветы, или нет? – произнесла она и, поведя плечами, громко засмеялась. А потом, обняв мать за шею, поцеловала ее в щеку.

Лишь в этот момент, когда жаркое дыхание Финае коснулось ее щеки, мать поняла, что перед ней созревшая женщина, причем очень красивая. Жаркая как огонь, полная любви к жизни...

Матери очень понравилось, что Финае созрела как женщина. Она не стала продолжать расспросы о цветах.

Финае выбросила из вазы сорванные несколько дней назад у них на даче увядшие цветы и сменила в вазе воду. Потом осторожно поставила в вазу розы; ей казалось, что цветы были похожи на Хариса, сорвавшего их для нее: столь же свежи и очаровательны. Тайком поглядывая на дочку, Зинае усмехнулась: выросла проказница красоткой, дай ей Аллах всего, что она заслуживает!..

Отец Зинаи Ямен был азербайджанцем, а бабушка его по матери – армянкой. Будучи партийным работником, Ямен занимал ответственные должности в разных районах, а когда в Карабахе начались бурные события, неожиданно скончался. Вслед за ним скончалась и мать Зинаи – Зинаида. Не зря говорят: «Дочка по каждой ветке поднимется на дерево, по которому поднялась мать». Зинае была вся в мать. В девушках она была красавицей, любила свободу. У нее была привлекательная внешность, сладкая речь, которой она увлекала понравившихся ей парней, играла нравящимися ей мужчинами, а потом, не задумываясь, в один день бросала их, тут же забывая. Она гордилась тем, что за ней бегали толпы молодых людей, ей это нравилось. Когда же она встречала серьезных, умных парней, то задумывалась, а потом, решив, что «нет, дорогой, у нас ничего не получится, из меня рабыни не выйдешь», отдалялась от них. Тем не менее каким-то образом зацепилась за Гадира. Получилось это так: увидев на одной из вечеринок высокого Гадира, она засмеялась и подмигнула ему:

– Послушай, наклонись-ка немного, чтобы головой не стукнуться о потолок, и скажи, какая погода наверху?..

Гадир действительно был высоким парнем и за ним бегало много девушек. Поэтому он тут же сказал в ответ:

– Да и вас Всевышний не обидел ростом...

Зинае действительно была рослой девушкой. Ей его слова понравились и она от души рассмеялась.

– Рост... а я никогда не задумывалась над этим, рост у меня высокий, но ты настоящий Гулливер, – ответила она, призвав на помощь филологическое образование.

Гадир обвел ее взглядом.

– Разве рухнет мир, если на этой вечеринке Гулливеру достанется одна из лилипуток?

Зинае прекрасно понимала, что начинается новое приключение, и все прочие любовные истории ничто в сравнении с ним. Она с бесконечной благосклонностью протянула ему руку.

– Зинае...

– Гадир...

Гадир взял ее руку и долго не отпускал ее.

– У вас удивительное имя, я до сих пор не слышал такого, а что оно означает?

– Много будешь знать – скоро состаришься...

– Есть мгновения, ради которых не жалко не только состариться, но даже умереть,

Зинае ханум...

Зинае снова засмеялась.

– Да не может быть? Прекрасные слова!..

Высокий парень смог «похитить» ее сердце. Именно в тот день Зинае показалось, что он всегда будет выше всех, будет на самом вершине. Ей показалось, что этот парень, которого она при первой встрече в шутку назвала Гулливером, пальцами, похожими на гребень, взяв ее под руку, поднял высоко над головой. И она смотрела на мир с этой высоты. А потом, как ни странно, часто менявшая парней Зинае относилась к Гадиру с особым уважением. Он в ее глазах был выше остальных. Так она согласилась выйти за него замуж.

Дай Бог здоровья родителям Зинаи! Свадьба была замечательная, пышная, на свадьбе было много уважаемых людей, занимающих высокие должности. Впрочем, Гадир выбрал Зинае не просто так, он и хотел иметь большую поддержку. Положения и места в обществе он связывал с возможностями человека. Впрочем, и красота Зинаи сыграла в этой женитьбе не последнюю роль. Возможности семьи вполне устраивали парня. Не зря же говорят: «покупал патоку, а оказалась медом». Еще в самом начале приключения Зинае почувствовала, что Гадир не ревнив. Но, тем не менее, она временами переходила всякие границы, одним словом, ни во что не ставила его, и это мучило Гадира, заставляло его нервничать.

Но, видно, достоинство в крови человека. Некоторые же покидают этот мир, даже не узнав о существовании этого прекрасного качества.

Гадир очень быстро впитал законы среды, в которой оказался. Низко склоняя шею, он за счет тестя продвигался вперед, поднимался вверх по служебной лестнице, превращаясь в покорную овечку.

Он купил себе участок земли, построил там дом. Когда Финае исполнилось десять лет, приватизировал эту землю. Собственно, это было сделано по желанию Зинаи.

Ее сердце разрывалось в четырех стенах на втором этаже обычной квартиры, словно у привыкшей летать птицы связали крылья...

...Весь этот день Финае ходила как сумасшедшая. Куда бы она ни бросила взгляд, отовсюду ее преследовали жаркие взгляды Хариса. Уходила ли она в свою комнату – там был Харис. Закрывала ли рукой глаза – она видела Хариса.

Девушка совсем не хотела, чтобы образ Хариса исчезал. Ей казалось, что человек, о котором она мечтала долгие годы, вдруг явился перед ней въяве. Ей не было никакого дела ни до возраста Хариса, ни до его семейного положения.

Некая сила, с которой она не могла совладать, с небывалой уверенностью тянула к Харису ее взгляды, губы, каждую мышцу ее тела. Девушка не находила себе места. Она разделась и попробовала улечься спать. Но встала перед зеркалом с обнаженными руками, полуобнаженной пышной грудью и румяным лицом. Взгляд ее устремился на две точки, чернеющие под едва прикрывающую грудь рубашку. Мягкими подушками пальцев она прикоснулась к точкам, похожим на высохший виноград, на ягодки кишмиша. Она не стала проверять, закрыта дверь или нет, растянулась на кровати. Ей казалось, что постель горячая. Но это был жар ее тела, огонь и страсть ее души.

Финае змеей извивалась на мягкой постели. Душа ее не желала никого, кроме Хариса. Лишь временами перед ее мысленным взором мелькали лица ребят, с которыми

она училась – Заура, Фаика, но они тут же меркли, исчезали, как тени в ярком свете мыслей о Харисе.

Эти мечты мучили, мучили ее сердце... Она и не заметила, как заснула. Но и во сне к ней являлся Харис. Ей снилось, что Харис хочет обнять ее, но робеет. Она услышала его нежный голос. Харис говорил ей:

– Ты похожа на спелый гранат, Финае, чуть нажму, и ты сомнешься...

Она проснулась рано утром. От увиденного сна в памяти сохранилась только эта фраза. Ее она несколько лет назад слышала от мужчины, который на балконе жарко прижимал к груди ее маму. А мама тогда шептала в ответ: не бойся, прижимай, до сих пор еще никто не выжал моего сока.

Финае несколько не корила мать. Подобно другим физическим потребностям, должны удовлетворяться и интимные желания человека. Человек – существо биологическое, он является носителем многих древних черт. Семья строится не для того, чтобы поставить преграду желаниям и мечтам человека. Хорошо, если женщина обретет покой в семье. Но если муж не может доставить ей этого наслаждения, если его можно найти с другим лицом...

Она была влюблена, ей казалось, что дарованную небом долю можно прожить на земле.

Финае подошла к окну. Посмотрела на воробьев, которые, чирикавая, объяснялись друг с другом в любви. Все живые существа на земле живут только благодаря любви, подумала она...

Она прошла в ванную и умылась. С кухни послышался стук посуды. Мама была там. Финае захлопнула дверь ванной комнаты. Разделась и открыла душ. Сильный поток воды намочил ее волосы, плечи, спину и стекая по груди подарил замечательное ощущение покоя всему телу. Она залила шампунем лицо, шею, маленькие и красивые ушки, грудь. Шампунь был дорогим, от него шел прекрасный аромат. Касаясь руками различных частей тела, она наслаждалась своей гладкой и нежной кожей, наслаждалась самим фактом своего существования. Финае выпятила грудь. Вода полилась между грудями, достигла пупка, коснулась крепких как мрамор бедер и бесконечным потоком побежала по нежным ногам. Казалось, что несравненная нагота ангельского тела побеждала все прочие созданные природой красоты. Финае горела под теплой водой, словно ее обернули в атлас, в сияющий атлас. Эту влюбленную в себя красавицу в это мгновение не с кем было сравнить. Она просто купалась в легендарном божественном водопаде, а чистая, прозрачная вода окутывала своей чистотой эту «созданную» природой «статую». Финае не могла оторвать глаз от зеркала, восторгаться собой, своим изображением, словно созданным божественной кистью художника. Ее небольшие, круглые, крепкие соски отдавали желудевым оттенком. С этих сосков желудевого цвета стекали капли воды. Она провела рукой по груди, пупку, задержала ладонь на покрытом волосами «венеринном холмике». И... ей показалось, что она уже слилась с Харисом. От сладости этого ощущения она едва не лишилась сознания. Это чувство словно принадлежало не ей, а Харису. Она встала под струю воды, и не выдержав этой любви и печали, от которой сотрясалось все ее тело, заплакала. Это была печаль счастья, любви. Девушка стояла на пороге счастья. Откроет ли судьба перед ней эту дверь? Соединит ли ее с Харисом?..

Когда она вытерлась и вышла из ванной, лицо ее было мягким, как сливки, сияющим, как полная луна. Она выглянула из окна во двор. За прошедшие полчаса – сорок минут мир словно бы еще более изменился, все вокруг источало аромат весны – лучшего времени года. Неужели за столь короткое время могли произойти такие изменения. Или это лишь так казалось Финае? Как знать, может, нежданная любовь подобна неожиданной смерти – все происходит в одно мгновение?..

Куда ведут ее мысли? Что будет в конце этого пути? Что обещает ей начавшаяся улыбаться жизнь? Неужели это действительно счастье, о котором она думает? Она не знала, просто ничего не знала... Пришедшая вместе с весной сумасшедшая страсть затронула в ее поэтическом сердце самые нежные потоки слов:

Сколько радости, печали
Кольшется на моем лице,
Я хочу купаться
В море любви.

Смоют ли мой грех
Воды этого моря?
Если есть т, Всевышний,
Принеси мне весну.

Я люблю волны
Как голос свидания,
Ожидание тонет в водах,
Как в морских волнах...

Финае бессвязно попробовала восстановить в памяти черты своего Хариса, создать единый образ. Пока что этот образ основывался на словах Рахибы: «Дядя сказал то, дядя сделал это...» и так далее, и тому подобное...

Образ решительного, сильного мужчины, в одно мгновение покоряющего женщин, она сравнила с тем, что у нее получилось. По ее мнению, сходства было много.

Мысли, сотрясающие все ее существо, окончательно отогнали сон. Двери всех чувств, мыслей, связывающих ее с миром, были перед ней закрыты, широко распахнута была лишь одна дверь и в этой двери стоял только Харис.

А с другой стороны бесконечные вопросы, вопросы... Хоть мысли ее были растрепаны, но она не спеша, по одному искала на них логические ответы. Финае сравнивала себя с героинями прочитанных ею когда-то литературных произведений. И в конце концов пришла к выводу, что женщины этого города, ведущего полуевропейскую-полуазиатскую жизнь, должны быть не простыми, а именно такими, как она. Финае не из тех девушек, которые готовы «скормить мясо коту». В этих вопросах она была далека от мысли повторить свою мать. Но память мчится бурным потоком, перелистывая былое, как кадры киноплёнки, приводит к настоящему. Вот они, мужчины, с которыми тайно встречалась ее мать. Тогда мать, считая Финае ребенком, не обращала на нее внимания и делала, что хотела...

Как-то отец уехал лечиться в Ессентуки. Финае, хоть и легла, но еще не спала. Мать же в соседней комнате предавалась радостям любви с любовником. Часто, оставаясь с каким-то из мужчин, она не закрывала двери в комнату. Вдруг, говорила, ребенок проснется, испугается, заплачет. Сейчас Финае очень хорошо помнит, как в ту ночь она проснулась и как сумасшедшая бросилась на развлекающегося с матерью мужчину, стала бить его.

Вот пролетело еще одно старое воспоминание. Как-то «гость» матери засиделся. Как мать ни старалась уложить дочку спать, Финае капризничала, не хотела спать.

– Слушай, почему ты не спишь? – спросила мать.

– Не буду спать, пока этот мужчина не уйдет!..

– Но почему он должен уйти?

– Я не хочу, чтобы он ложился на тебя...

Правда, после этих слов «гость» собрался и ушел. И Финае уже не знала, вернулся ли он потом или нет? Во всяком случае, после этого случая мать стала вести себя осторожней, больше не считая дочь ребенком.

Отчего-то ей не было стыдно вспоминать эти старые истории, напротив, прикрыв ладошкой рот, она тихо засмеялась. Зинае, наливая в поставленные рядом две чашки чай, увидела, что дочка беспричинно смеется, не сдержала удивления:

– Что такое, дочка, ты спишь наяву?

– Да, мамочка, и вижу сладкие, как мед, сны.

– Не забывай только, что очень сладкие сны впоследствии превращаются в яд, так что из головы дым идет.

– И часто тебя мучили сны с хорошим началом и плохим концом?

Зинае вздрогнула. Кажется, эта девочка знает о самых тайных, секретных мгновениях из жизни матери.

Ее муж Гадир уходил на работу рано утром. Таков был распорядок дня в компании, где он работал. Правда, Гадир был недоволен этим положением, но понимал необходимость подчиняться установленным правилам. Был он работником сообразительным, умелым, поэтому и зарплата у него была хорошая. Если бы он не приносил в дом денег, то Зинае его вообще бы за человека не считала. Но Гадир умел хорошо зарабатывать. Поэтому Зинае уделяла особое внимание тому, как он одевается. Одежда Гадира всегда была чистой и аккуратной. Прежде чем проводить Гадира, Зинае проводила рукой по его галстуку, поправляла в нем какую-то мелочь, проверяла, отглажена ли его рубашка, брюки. Иногда, когда Гадир уходил, он хотел поцеловать Зинае, но Зинае кокетливо отклонялась, чувствуя на шее дыхание высокого Гадира.

Услышав вопрос дочери, Зинае тут же представила себе Гадира. Она невольно огляделась, словно кто-то мог подслушать их разговор. Надир был на уроках. Дома были только они двое. Зинае захотелось откровенно поговорить с дочерью. Но она не решилась. Только после долгого молчания проговорила:

– Лишь бы потом муки твои не оказались напрасными.

У Финае от обиды на мать сжалось сердце, словно та сказала ей: «Пусть мясо твое ест любая кошка, лишь бы ты смогла потом поймать хоть одну из них...»

Подобные мысли со вчерашнего дня мучили Финае. Одна из соседних девочек, еще будучи школьницей, в шестнадцать лет вышла замуж: выяснилось, что она была беременной. А через год ей сунули в руки ребенка и дали пинка под зад. Мать ее о той девочке сказала, что она слишком рано дала мяса коту... Но сейчас Финае это было все равно. Она хоть и чувствовала огненные взгляды Хариса на своем лице, глазах, полуобнаженной груди, хоть они ей и доставляли удовольствие, но она не чувствовала себя в плену ненужных чувств. Она хотела выйти замуж, но становиться домохозяйкой не собиралась. Ей были смешны подобные наивные мысли. В любых случаях вершину желаний этой юной дамы составляло быть вместе с сильным, очень сильным мужчиной.

Она выпила чашку утреннего чая. Пора было уходить в университет. Она стала перед зеркалом, показывающим ее в полный рост, и привела в порядок прическу. Тонкая белая кофта и черная юбка сидели на ней как влитые, так, словно девушка была обтянута змеиной кожей. Шелковистые волосы волнистыми ивовыми ветвями падали ей на плечи. Чуть отдающие голубизной глаза ярко блестели. Она слегка тронула помадой губы, капнула на шею и за уши французских духов и повернулась к матери. Финае чувствовала, что мать хочет что-то спросить у нее. Так оно и получилось.

– И куда это ты направилась с Божьей помощью?

Она естественно поняла значение вопроса, – мать интересовалась, в университет или на свидание собирается дочка.

Мелькнувшее между шелковистых волос красивое лицо Финае слегка покраснело. Она промолчала.

Чтобы не ступить в грязную лужу перед воротами, она постаралась пройти почти у самой стенки по сухим местам. На углу несколько котов поймали кошку и с угрожающим рычанием скалили клыки. А кошка, выпятив грудь, ласкалась о спину крупного кота, шерсть которого стояла дыбом, а полосатой шеей ласкала шею другого взъерошенного кота. В другое время коты, испугавшись, разбежались бы в разные стороны. Но теперь они словно не видели Финае. Может быть и сама Финае, топнув ногой, пригрозила бы котам, разогнав их. Но сейчас она осторожно прошла мимо них. С легким отвращением она удалялась от кошачьего собрания. Было противно смотреть на молодых котов, похожих на мокрых куриц, столпившихся вокруг кошки. Сама не понимал, почему так получилось, но, удаляясь от этих созданных Всевышним несчастных тварей, она подумала о своих знакомых в университете – о Фаике, Зауре, Закире. Но в тот же миг, почувствовав нелепость подобного сравнения, подумала, что сейчас «не до хны»⁵.

Действительно ли она влюбилась в Хариса или это мимолетное увлечение? Если бы кто-то задал ей этот вопрос, то вряд ли Финае смогла бы ответить. А правда была в том, что со вчерашнего дня все мысли этой юной девушки были устремлены к Харису. Харис владел всем ее существом.

Финае буквально летала и никак не могла найти объяснения охватившему ее состоянию. Она знала лишь то, что не властна над собой. В глубине души, как бы на пасмурном небосклоне, яркими молниями вспыхивали временами искры сомнения. «Может, Харис и не думает обо мне. У него же один Аллах знает, сколько любовниц, развлечений. У каждого свои развлечения: один курит сигареты, другой думает о водке. А этот, наверное, думает о женщинах. Может, это не так, но ведь он не стар... Он молод, он же должен удовлетворять свою страсть к женщинам? И не верю, что каждая женщина сможет найти путь к его сердцу. А то, что они влюблены в Хариса, то это еще ничего не значит. Ну и что с того, что они любят Хариса? Просто «кот съел мясо и удрал». Остались лишь воспоминания, будящие странные приключения... А это называется иначе».

Финае считала Хариса истинным мужчиной, ей не хотелось видеть его слабым перед женщинами. Но кем он был? Просто ли он безумец, скиталец, до краев полный жаждой любви, или ловец прекрасного?! Этот скиталец, блуждая по миру женщин, ищет удовлетворения своей душе, пытается обрести душевный покой, найти теплое дыхание, которое сможет согреть его душу. Таким может быть только лишь человек, душа которого вмещает в себя любовь, просторную, как небеса, глубокую, как океан. Подобные странники были во все времена; они изъездили прекраснейшие уголки разных стран, бывали в райских краях, по так и не смяли найти пленительного пристанища. В каком же уголке земли скрыто это место, где оно прячется? Увы, оно там, куда еще не ступала нога человека!.. Оно подобно сороковой комнате в душе женщин. Тайнство, которое можно искать всю жизнь...

Пройдут годы, закончится жизнь, но, быть может, ничья нога так и не ступит на эту неизведанную землю. Это и не важно, человек в своих мыслях доберется до этого неисследованного острова мечтаний, чтобы жизнь существовала, а душа человека была в вечных поисках любви...

⁵ Цитата из классической оперетты У. Гаджибекова «Не та, так эта».

Харис довез свою племянницу последней, высадил перед дверью и вернулся домой. Поставив машину в гараж, он поднялся наверх.

Дом давно уже ведущего холостую жизнь Хариса согревался дыханием «гостевых». Он часто в шутку говорил своим любовницам: «Вы тепло моего дома»

Он говорил это не серьезно, да и женщины не придавали значения выдумкам хозяина. Харис в своих «квартирных кабаках» с ночи до утра при свечах наслаждался звуками музыки, а смотря иногда сексуальные фильмы по видео, предавался счастливым и сладострастным мечтаниям. Но сейчас в доме действительно было холодно. Харис удивился, ведь на улице стояла жара. Он по одной обошел все комнаты. Дом был богат, в нем было все для создания спокойной жизни человеку. Чего же не хватало? Стены чуть ли не обрушивались на него, комнаты стонали. В своих мечтах Харис видел Финае ханум в самом красивом уголке квартиры, они бы взявшись за руки, осторожно переходили бы из комнаты в комнату, вышли бы на балкон, посмотрели бы на море, виднеющееся между домами.

Ему стало тоскливо, кажется, он заскучал. Чтобы как-то развлечься, снова погрузился в мир мечтаний. Ему показалось, что сейчас он, обняв Финае, ведет ее в сторону спальни.

Финае была легка, как птица, она громко смеялась, торопливо снимала с себя верхнюю одежду и бросала куда попало. Когда Харис упал на мягкую широкую кровать, лоб его стукнулся обо что-то твердое. Он прижал руку к голове и сердито заворчал. Уже в который раз он ударялся головой о край кровати. И каждый раз проклинал себя. «Гостыи» обычно прикладывали к раненному месту прохладную воду, а потом целовали это место. И Харис тут же забывал о боли, словно ее и не было. Но сейчас Финае, призывающая его к себе движением руки, лишала его воли. Погруженный в мир мыслей Харис в душе рассматривал два варианта. С одной стороны, он жаждал почувствовать тепло родной, милосердной, чистой руки. Другое чувство, поднявшее голову, как змея, было жаждой сладострастия.

Он был один. Некогда горькое чувство одиночества расценивалось им как покой, сейчас оно прошло по его телу как удар тока. Харис утомленным взглядом окинул стены спальни. Ему показалось, что вместе со страхом это одиночество принесло ему задушевность. Задушевность – это покой человеческой души, ее уверенность. Найдет ли это чувство окончательное место в его душе, его сердце? Возможно ли это? Как хорошо, что сейчас душа Финае была в его доме. Она уже поселилась и в реальном доме и в душе Хариса...

Он включил телевизор. Показывали диких обитателей саванны. Хищники были совсем рядом с другими животными, но не трогали их. Впрочем, нет... Один из львов внезапно прыгнул и впился в горло джейрана. Харис вздрогнул и лев стал ему ненавистен. Он нажал кнопку пульта и выключил телевизор. Вспомнил, что после завтрака больше ничего не ел. Он мог бы подкрепиться в квартале от дома, в столовой, расположенной в сквере, но передумал. В другое время он позвонил бы какой-нибудь из знакомых женщин и мог бы, как он говорил, с успехом закончить день. Но обворожительный образ Финае, сияя, как яркое летнее солнце, превратил образы других женщин и их самих в тусклую тень.

Окончив среднюю школу, с документами под мышкой он приехал в столицу из городка, где родился, не имея ничего, кроме пиджака.

Он поступил на юридический факультет университета и на «отлично» окончил его, а потом, как говорят журналисты, получил распределение в следственные органы. Он был, умел, предупредителен, смог занять достойный пост, поднялся, стал помогать своей родне. А сколько друзей и родственников, по их же словам, смогли с его помощью занять хорошие посты!.. Многие из них сейчас даже не знают, где Харис, на что он живет? Как-то он намекнул жене, что в свое время помог многим родственникам.

– Если ты мог помочь другим, – ответила жена, – помог бы и себе...

Жена намекала на другое, а именно на его одиночество. Сейчас же судьба дала ему шанс, в то же время поставив на распутье. Либо навсегда избавиться от одиночества, либо же продолжать, как пчела, «собирать нектар с цветов», «перелетая с цветка на цветок». Впрочем, что он был за «пчелой»? Как говорят поэты, оказался вдали от меда и тосковал по меду.

Неужели жизнь одинокого скитальца, проводящего каждый день между колен новой женщины не сегодня, так завтра не наскучит ему?

Появление Финае, которая нараспашку открыла двери души Хариса, резко изменило его жизнь. Она окрылила давно увядшую от одиночества душу, дала начало новому импульсу в жизни этого одинокого мужчины и очень близко придвинула этому одинокому мужчине выход на новый уровень.

Финае приняла окончательное решение: тяжелый психологический кризис остался позади. В душе ее шла война, настоящая война, известная только ей одной. Разрушила преграды, к которым не могли приблизиться другие. Сейчас ею руководила единственная мысль – быть свободной и счастливой. Приблизился миг вознести повелителя ее души на пьедестал.

Финае росла свободной. Принимая решение, она не интересовалась чьим-то согласием. Хариса она встретила сама, он ей понравился, и решение шло от сердца. Именно это называют окончательным решением. Финае не хотела взваливать на свои плечи оковы семейной жизни. Ей казалось, что семейная жизнь своими утомительными правилами и законами мешает свободной жизни человека.

К автобусной остановке Финае подошла, полная спутанных мыслей. Увидела газетный киоск и вспомнила, что в журнале «Лунный свет» должны быть опубликованы ее стихи. Киоскер, инвалид карабахской войны, увидев девушку, тут же снял с витрины свежий номер «Лунного света». Он знал, что Финае поэтесса. Каждый раз, когда в какой-то газете или журнале выходили новые произведения Финае, девушка радостно подходила к киоску, покупала это издание и уходила. И было все равно – рано или поздно она пришла, потому что инвалид-киоскер всегда сохранял для нее нужный номер.

Она протянула в узкое окошко киоска, которое находилось чуть дальше середины будки, три маната. Продавец, сжимающий в руке номер журнала, во все глаза смотрел на девушку, в глазах его был восторг. Даже после того, как Финае взяла журнал, он так и остался смотреть на нее с протянутой рукой и глазами полными ожидания. Будь на его месте другой, Финае сказала бы что-то обидное, но этому парню она ничего не могла сказать, а улыбнулась и отошла. Киоскер так и остался сидеть, глядя ей вслед. Никто не умел в таких ситуациях проявить столько чуткости, сколько Финае. Она понимала чувства парня. И невозможно было не заметить, как эти чувства достигли фанатичной влюбленности. Бедный киоскер!..

Впрочем, и этот парень был себе на уме. Это были взгляды человека, который встречался лицом к лицу со смертью. И взгляд Финае, обращающий самых настойчивых горделивых поклонников в камень, не действовал на него. В отличие от остальных этот парень хорошо знал свое место и пустых надежд не питал. И отчего-то Финае не смотрела на него с иронией, как на остальных.

Было смешно наблюдать, как другие теряли рассудок под взглядами девушки. По мнению Финае, все они были рабами вождения. И список таких рабов вождения был велик. Редакторы, публикующие ее стихи, читающий им лекции молодой кандидат наук Назир муаллим, студенты-старшекурсники, пытающиеся познакомиться с ней после

вечеров поэзии... До чего же бессмысленные, неприятные, жадные взгляды бросали они на нее!..

А киоскер в отличие от них, был совершенно бескорыстен. В его взгляде не было ни капли страсти, а только лишь восхищение, и это восхищение возвышало его, человека, которому так не повезло в жизни, в глазах Финае. Можно ли было считать это счастьем, этого Финае не знала.

Она споткнулась. Может, это взгляды киоскера мешали ей идти дальше? А может, эти взгляды видели пропасти, грязь, которые ждали Финае впереди?..

Финае посмотрела на место, о которое споткнулась. Нога ее запуталась в проволочную сетку, торчащую из-под земли. Ей ничего не оставалось другого, как поморщиться от злости и горько усмехнуться. Как ей избавиться от этих мыслей... «Нет, молодой человек, я не для тебя. Может, ты хороший человек, прошел кровавую войну, но мир любви, борьба за женщину – совсем другая война, жалко тебя, лучше, если ты покончишь с этой любовью». Она невольно тряхнула головой. Посмотрела на людей, собравшихся на остановке. Перешла улицу, подошла к автобусу и в это мгновение машина Хариса подъехала к тротуару и остановилась.

– Я ждал тебя, – сказал Харис. – Привет!

Финае, полная радости, бросилась к машине.

– Доброго и вам дня.

– Почему ты так поздно?

– Как это – поздно? Разве мы условились встретиться?

– Нет... Но я жду с самого утра, чтобы увидеть тебя.

– А если бы я сегодня не должна была идти на занятия?

– Я бы прождал все триста шестьдесят пять дней года.

Финае рассмеялась, засмеялся и Харис. Едва Финае села на переднее сидение рядом с Харисом, машина тронулась. Финае стала листать журнал, и хотя она тщательно рассматривала каждую страницу, мысли ее были заняты Харисом. Словно она хотела угадать, что он за птица. Первым впечатлением было – Хариса не утомляет будничная жизнь.

Впрочем, у Финае не было достаточного жизненного опыта, чтобы понять причины его жизнелюбия. А Хариса вполне можно было считать человеком, повидавшим жизнь. Ведь он был на много лет старше Финае. Но дело ведь не в возрасте... Жизнь Хариса руководили пустота и бессмысленность, мучившие его. Он был недоволен своей судьбой. Поэтому появление в его жизни такой красавицы можно было считать не обычным делом, а Божьим даром. Взять бы ее белоснежные руки – и можно было прямо сейчас достичь райского уголка на другом берегу самого далекого океана. Впрочем, желать – это одно, а истина – другое. Прежде всего, он должен был разрушить преграды между собой и Финае.

– Что это за журнал?

– «Лунный свет». Здесь опубликованы мои стихи.

– В самом деле? Ах, да, Рахиба говорила, что ты – поэтесса.

Харис остановил машину на вчерашнем месте, где он накануне сорвал цветы. Он протянул руку, чтобы взять журнал, но ладонь его легла на локоть девушки.

Если на меня не прольется теплый весенний дождь...

Я смогу дотерпеть до этой весны.

Руки мои в ссадинах,

Ноги мои в царапинах.

Поднимись на эту вершину, сказал ты;

Я поднялась вершок за вершком,

Путь мой к этой равнине лишь до половины.

Я плачу, изнывая от тоски,

Беззвучно рыдая.
Налитое мне в пиалу,
Пью, приняв за шербет,
Обрывая связь надежд.
Жизнь моя продлится до листопада, до осени.

Харис хорошо прочитал стихотворение. Видно, он умел это, передавал правильно интонацию, верно ставил смысловые акценты, и потому тепло, милосердие строк заставляло забыть об их разнице в возрасте. Финае была на седьмом небе, порхала меж звезд. Ей так казалось, что мечты Хариса улететь из этого мира преследуют ее мечты. Что это была за тайна, которая придавала жизнь этим мечтам, поднимала их вверх, смешивая с собой и мечты Хариса?

Харис коснулся руки девушки, опьянении свой сумасшедшей любовью. Состояние Финае передалось и ему. Волнение ударило в голову, лицо его покраснело. Мгновение спустя... они не могли оторваться друг от друга, словно мечтали друг о друге тысячу лет...

Они оба вздрогнули от неожиданного резкого сигнала машины. Кажется, впереди столкнулись две машины. В мгновение ока люди тут же обступили место катастрофы. Почти тут же подъехала и машина дорожной полиции.

Финае сжалась. Неужели все закончилось? Неужели она потерпела фиаско? Или и ее счастье потерпело катастрофу? Если это так, то кто придет на помощь на ее крики о помощи? Эта девушка, которую Всевышний наградил неземной красотой, своими вопросами «почему?» и «может быть?» оказалась на краю кипящего обрыва или перед краем глубокой пропасти. Однако, кроме своей красоты и девичьей страсти, иного оружия у нее не было.

Удивительно: столкнувшиеся в лоб две металлические машины собирают кучу народу, тогда как уничтожение цветущей жизни не привлекает к себе никакого внимания.

И вдруг Финае показалось, что люди бегут не к машинам, а именно к ним. Что произошло? Может, это именно машина Хариса попала в катастрофу? Почему они оказались вверх ногами? Колеса машины кружатся в воздухе? Во всем виновата я. Почему я рядом с этим человеком? Кто он? Неужели я люблю его? Впереди всех, кажется, бежит, хромая, парень-газетчик. Что он может сделать? Хватит ли у него сил поставить на колеса перевернувшуюся машину? Отчего произошла эта катастрофа? Кто лишил Хариса разума? Куда же делась уверенность, хранящая ее девичью гордость? Когда и как произошло, что она оказалась в объятиях Хариса?

Если бы Харис не потянул за руку Финае, находящуюся в полуобморочном состоянии, она бы еще долго барахталась в потоке вопросов. Машина стояла на месте. Никто на них не смотрел. Продавца газет не было видно. Одна рука Хариса лежала на ее талии, другая – на плече.

Финае не могла остановить Хариса, жаждущего покрыть ее горячими поцелуями, но сумела собраться и отодвинуться. Удивительно, но лицо продавца газет, словно портрет, висело между Харисом и Финае. Она рассердилась на продавца. «Что он смотрит, как баран? Почему не переворачивает машину? Почему он не набросится на Хариса, не разорвет его в клочья? Почему не душит Финае, не бросает в нее камнями? Нет, это не твое дело, продавец!» Дыхание ее сбилось, она задыхалась. Голова начала сильно болеть. Харис открыл дверцу машины, вышел, взял ее под руку и вывел из машины. Когда свежий воздух коснулся щек Финае, она немного успокоилась. Но попала из огня, да в пламя, теперь перед ее глазами стояло лицо Зинае.

«– Что, девушка, не ты ли говорила, что счастье падает с небес?»

«– Ладно, пусть будет по-твоему, но ни о чем меня не спрашивай, сама увидишь, что...»

«— Цветок хорош, когда он сорван вовремя, ему все равно гнить».

Финае чувствовала иронию в словах матери. И вдруг ей показалось, что мать ее — это сгнивший фрукт, она отвратительно пахнет и те, кто проходят мимо, вынуждены обходить это место...

Финае уже не смотрела на шагавшего рядом с ней Хариса, она так крепко сжимала кулаки, что ее длинные маникюренные ногти вонзались в ладонь. В душе Финае боролись два чувства. А в сердце ее, под мраморной грудью, пылал очаг, который вот-вот должен был ярко вспыхнуть. И страсть, как непрерывный поток, неслась к этому очагу. Сможет ли этот поток погасить огонь, охвативший все ее тело?

В тот день, несмотря на настойчивые уговоры Хариса, Финае с ним никуда не пошла. Они только побродили по парку. Потрясение, охватившее Финае, прошло. Но причина, уменьшающая потрясение, — сладость его поцелуев, еще жила в ее сердце. В минуты, когда она прогуливалась с Харисом по парку, ей хотелось определить, рушится ли ее внутренний мир или внутри нее возводится новый величественный дворец. Несомненно, во всем происходящем она не считала себя виноватой. Если шаг, который она сделала, естественен, если она себя ни к чему не принуждала, значит, ее вины в этом и нет. Ей некого винить в том, что произошло. И она не находила причин ругать себя. С кем такого не случается? Если она слегка и стеснялась, это чувство было мгновенным и проходящим, как вспышка молнии: вспыхивала и тут же исчезала. Финае была красавицей, должна же была она однажды отдать свое сердце какому-то парню или нет? Но кому? Не глядящему же на нее, как на героиню волшебных сказок, киоскеру, или кому-то из своих сокурсников — Зауру, Закиру, Фаику или Саррафу?..

Сарраф учился в Экономическом университете. Они познакомились во время телевизионного конкурса. Студенты факультета журналистики университета год назад проиграли этот конкурс команде из Экономического университета. Капитаном экономистов был Сарраф, а капитаном журналистов — Финае. С тех пор Финае и Сарраф подружились. Саррафу, кроме Финае, нравилась и Рахиба, он всегда здоровался и с Садигой, расспрашивал, как ее дела. Но отношения Саррафа были далеки от какой-либо легкости. И как бы Финае не хотелось, она ни разу не ловила на себе взглядов Саррафа.

Распростившись с Харисом, Финае прошла пешком до центра города и, утомившись от прогулки, остановилась на одной из автобусных остановок. К ней приблизился какой-то молодой полицейский.

— Ханум, не стоит попусту стоять здесь.

— Почему?

— А вы разве не видите, по этой улице автобусы больше не ездят.

И действительно, улица была пуста. Почему-то Финае не обратила на это внимания. Когда она уже собиралась идти дальше, полицейский, забыв об исполнении своих обязанностей, сказал:

— Можно вас проводить, заодно, может, и познакомимся?

— Не стоит беспокоиться, — сквозь губы ответила Финае. Этот полицейский был самым настоящим прилипалой и в глазах его горело сладострастие. Этого невозможно было не заметить. Финае от всего сердца рассмеялась. А полицейский, приняв ее смех за согласие, еще больше воодушевился. Но Финае, напротив, решительно зашагала прочь.

— С чего это вы решили, что со мной можно так просто познакомиться?

— Стоите здесь одна, мне показалось, что вы скучаете. Может, ждете кого-то?..

Финае, будучи девушкой сообразительной, прекрасно знала городские манеры. Она не раз замечала, как «клиенты» на машинах подъезжают к стоящим в одиночестве или парно девушкам. Иногда в ней просыпалась жажда приключений, и тогда она

изображала из себя девушку, ждущую клиента, издевалась над желающими познакомиться. Но сегодня у нее было совсем другое настроение. Сегодняшний день не был похож на предыдущие. Поэтому она не могла решить – отделаться ли ей от полицейского или же немного пройтись с ним, чтобы пошутить над ним? Оставив на потом решение этой проблемы, Финае обернулась к полицейскому:

– Молодой человек, у вас на плечах погоны, а вы ведете себя как ребенок.

Все это Финае сказала самым серьезным тоном, лицо ее было полно гнева.

– Простите меня. Я решил, что...

Но Финае уже не слушала полицейского, а быстрыми шагами пошла прочь.

Сарраф устроился на работу, поэтому на летние каникулы никуда ехать не собирался. Узнавшая об этом Финае часто предлагала ему съездить на пляж. Впрочем, это Финае предлагала всем своим одноклассникам, оставшимся на лето в городе. Сарраф думал о том, что если счастье заключается в том, чтобы таким образом избавляться от всех проблем, то счастливее Финае в мире нет человека.

...Когда Саррафу было еще три месяца, скончался его отец Габиль. Кроме Саррафа остались еще один брат и сестра. Сердце Хаят, оставшейся в захолустном селе одной с тремя детьми на руках, обливалось кровью. Дом их стоял посреди села на вершине маленького холма. В этих местах злой ветер начинал дуть с начала осени, принося с собой сильный холод. Они закрывали щели в стареньком бедном доме обрывками старой одежды, но холод все равно просачивался внутрь, заставлял детей дрожать от холода в сырой постели.

Казалось, скончавшийся осенью Габиль унес с собой тепло дома. По мнению Хаят, если осень началась с холодов, что, значит, и зима будет суровой. Глядя на своих детей, жмущихся под одеялом друг к другу, она думала о том, что ей так и не довелось познать радость жизни. Неужели ей на всю жизнь уготованы невезение, преодоление трудностей? Иногда ей приходила в голову мысль, что побледневшие от холода дети не сегодня – завтра умрут, и эта мысль приводила ее в ужас. От прокопченных стен дома веяло нуждой и безнадежностью. Иногда она массировала свою грудь, чтобы накормить Саррафа, но из пустой груди ребенку не доставалось ни капли. И маленький Сарраф плакал от голода. Хаят вглядывалась полными слез глазами в лицо сына, словно хотела этими немymi взглядами убедить ребенка, что все кончено. Соседки, заходившие утром, интересовались ребятами, в особенности здоровьем Саррафа.

Через пару месяцев после кончины Габиля двоюродный брат Салех забрал Хаят и ее детей к себе в пригород Баку. И правильно сделал, ведь тем, что из милости приносили соседи, детей накормить было невозможно. Хоть у Салеха киши не было нормальной работы, но он не хотел, чтобы семья Габиля погибла. Аллах милостив, думал он, глядишь, и Хаят найдет себе дело.

После долгих хождений Хаят удалось построить в школу нянечкой. В поселке женщин, занимающихся этой работой, называли уборщицами. Она должна была ежемесячно получать зарплату. К тому же после смерти мужа и ее детям полагалась пенсия по утрате кормильца. Оставляя Саррафа на руках жены Салеха – Гюллю, Хаят выходила на работу. После того, как дети прожили две зимы, знакомые стали говорить, что этих детей никакая смерть не возьмет, они вырастут, питаются воздухом и водой.

Как раз в поселок приехал врач, который делал детям прививки от оспы. Мать повела Саррафа к этому врачу. Дети выстроились в линейку, врач обходил каждого с белым, блестящим инструментом в руке, проводил им царапину, а потом брал жидкость из стакана и мазал ею по образовавшейся царапине. Дети, которым это сделали, плакали, но Сарраф стоял молча, словно ничего не случилось.

Через два дня после прививки рука Саррафа покраснела, распухла. А потом это оцарапанное место превратилось в рану. Мальчик слег с высокой температурой. Все заходившие к Хаят говорили, что «мальчика сглазили». Гюллю арвад вскипятила какую-то траву и дала Саррафу выпить этот настой. Мальчик успокоился и заснул. Во сне он вспотел, и температура его спала.

Многое из того, что с Саррафом приключилось в детстве, он сразу и вспомнить не мог. В таких случаях помогали рассказанные нежным материнским голосом истории, которые происходили с ним в детстве. И тогда уже ставший студентом Сарраф вновь возвращался в детские годы и перед его глазами вставали их бедный однокомнатный домик, и такая же школа, которая отличалась от дома лишь количеством комнат, и мать, работавшая в этой школе уборщицей. И тогда же с быстротой молнии он мысленно переносился в университет, к девочкам, с которыми познакомился там, которых он сравнивал с матерью. То есть он смотрел на девочек глазами своей матери. Которая из них была похожа на мать? И в душе его начинался долгий выбор, который ему никогда не надоедал. Конечно, в этом выборе главную роль играла красота девочек. Но тем не менее, Сарраф уделял больше внимания их характеру. Девочки тоже не были равнодушны к нему. Взять хотя бы Финае. Она самоуверенна, временами так ведет себя, что просто не знаешь, что делать: стыдиться ли ее поведения или поставить на место, а может, просто не обращать внимания? Но сколь бы ни была самоуверенна девушка, она с Саррафом считалась. Но даже мысленно Сарраф не впускал ее в свою душу. А вот Садигу... Нет, она была совершенно из другого мира. Мать его говорила: «Если человек не найдет себе ровню, дни его пройдут во вздохах». Эти слова, сказанные матерью, он с уверенностью ставил наравне с лекциями вечно хмурого и печального старейшего преподавателя философии, который часть приводил цитаты из корифеев науки.

С ним как будто что-то произошло. Какая-то буря, причина которой была ему не ясна, поднялась в его душе. Не поняв ее причин, он понесся в университет, встал у дверей факультета журналистики, пытался даже поговорить с Садигой. Девушка почувствовала это исключительное отношение к себе. Она долго обсуждала это с Финае и Рахибой.

Днем Сарраф учился, а по ночам работал охранником, поэтому он получал не только стипендию, но и зарплату. В противоположность предположениям Финае, он на первых порах приходил в университет не потому, что влюбился в какую-то из девушек, а ради общения со своими сверстникам. Но чувствовалось, что его хождения постепенно приобретают определенный адрес. И этим адресом стала Садига. Из различных каналов, точнее, из разговоров Закира, Заура, Фаика, Сарраф смог выяснить, что его семья сходна с семьей Садиги. Сколь бы умен ни был Сарраф, но он затруднялся в объяснениях. Единственное, чего он жаждал, это существования Садиги и возможности видеть ее.

Шли дни, маленькое чувство, зародившееся в его душе, постепенно вырастало. И самым главным было то, что Садига тоже не была к нему равнодушна, видно было, как при его появлении ее щеки начинают краснеть.

Те, кто утверждают, что любовь является нежданной гостьей, скорее всего, ошибаются. Крупинка за крупинкой, заполняющие душу Садиги, робкие предположения из подозрений лишь постепенно переросли во взаимное уважение, признание. Садиге стало ясно как день, что Сарраф, общающийся с Финае и Рахибой, мастерски отвечающий на их приколы, положил глаз именно на нее. Иного быть не могло, это было ясно на все сто процентов. Накануне весенних экзаменов Садига в университете, можно сказать, почти не появлялась. Экзаменов было много, они были серьезными. Поэтому она и готовилась тщательно. Хотя Сарраф несколько дней и крутился там, но девушку не видел.

Скоро экзамены закончатся, все разойдутся кто куда. Сарраф проклинал себя за то, что почти год ничего не предпринимал, молчал как рыба. «Почему я не сказал ей? – думал он. – Откуда мне знать, как она относится ко мне?» Что он забыл в университете, разве не ради Садиги ходил он сюда? Сарраф остался подобно судну без весел посреди бушующих волн океана. Мысли бросали его из стороны в сторону и никто не мог сказать, к какому берегу он пристанет. Если он не будет барахтаться, махать руками, не будет пытаться куда-то пристать, то утонет... Он уже был на грани «спасения из бушующих волн», избрать какую-то дорогу, прийти к какому-то решению.

Он отправился в университет, чтобы решительно поговорить с Садигой. По счастью, ему удалось встретиться с девушкой, которую он не видел несколько дней:

– Здравствуй, Садига!

– Это ты, Сарраф? Здравствуй!

Они посмотрели друг на друга, как люди, давно скучающие друг без друга.

– Почему ты быстро уходишь? Сегодня нет экзаменов?

– Должен был быть, но преподаватель заболел. Экзамен перенесли. Ребята ушли пить чай, я не захотела. Пойду домой.

Они стояли совсем близко друг к другу. Девушка чувствовала, как парень волнуется, тяжело дышит.

– Давай спустимся, я провожу тебя, – проговорил Сарраф.

Они до самой остановки прошли рядом. Подъехал автобус, они сели в него... До самого метро «Ичери шехер» не сказали ни слова. Но сердца их разговаривали друг с другом.

«– Почему ты молчишь?»

«– Что мне сказать, ты сама все прекрасно понимаешь...»

«– Но ведь одним только моим пониманием дело не ограничивается. Нужно твое решение»

«– Нет, последнее решение будет твоим».

Изредка Сарраф бросал взгляд на Садигу, но тут же отводил глаза. Садига тоже хотела что-то сказать, но молчала. Сарраф предложил ей пойти во Дворец Ширваншахов. Она согласилась.

Сарраф купил в стеклянной будочке билеты. В эту минуту два этих билета, зеленоватые листки бумаги, соединенные вместе, были для Саррафа самыми драгоценными документами.

Перед порталом в Диванхану их встретила смуглая, современная, европейски одетая молодая женщина лет тридцати-тридцати пяти:

– Здравствуйте, я буду вашим экскурсоводом.

Сарраф хотел запротестовать, но Садига улыбнулась:

– Это будет прекрасно, просто замечательно.

– Хорошо, – согласился Сарраф.

Женщина подошла к входу в Диванхану и начала объяснение:

– В этой части Дворца, именуемой Диванханой, шах рассматривал судебные вопросы и решал важные государственные проблемы. Любой, кто приходил сюда, чтобы предстать перед шахом, брал на себя большую ответственность. За преступления в Диванхане подвергали наказанию, за добрые поступки награждали.

...Женщина продолжала рассказывать. В эту минуту мечты двух молодых людей – Саррафа и Садиги, чей любовный цветок только распустился, соединялся с душами людей, чьи образы впитали эти удивительные камни. А экскурсовод продолжала:

– Шах сидел вот здесь.

Когда они поднимались по каменным ступенькам, Сарраф взял Садигу за руку. Садига руки не отняла. Так они и стояли друг рядом с другом, чувствуя тепло ладоней друг друга, ощущая каждое биение сердца, и смотрели на помещение, которое занимал

шах. Они оба стояли перед шахом. И это был не просто очередной шах, а вечный повелитель, имя которого было Любовь.

А экскурсовод продолжала:

– Шах не любил лжи. Никто из тех, кто дал слово и не выполнил его, не мог избежать его кары.

Ладони еще крепче прижались друг к другу. Словно с каждым мгновением эти два молодых человека становились еще ближе друг к другу, и души их сливались все крепче.

Чуть позже и их плечи соприкоснулись, слились, теперь они только слышали голос экскурсовода, но не понимали того, что она говорит. Сейчас они были в таинственном сне каменного мира, погруженные в молчание столетий. Поверх древних камней струился странный свет, похожий на человеческую улыбку. Ужас, живущий в этих камнях, страх остался по другую сторону. Они почти явственно видели, как над ними порхают души, подобные ангелам. Этим стоящим друг подле друга молодых людей благословляли ожившие камни. И в этом благословлении была какая-то уверенность. Уверенность в том, что их клятва не будет нарушена, что пламень, сжигающий сердца этих молодых людей, с годами не угаснет, а превратится в семейный очаг.

Они поднялись на верхний этаж. Через полукруглое окошко был виден город, море и другие фрагменты Баку. Именно благодаря любви жили эти камни, любви, которая передавалась из душ людей и этим камням. Камни бывают счастливы только тогда, когда по ним ступает нога человека. Вдруг Сарраф, оторвавшись от своих философских раздумий, произнес: «Я, кажется, стал поэтом».

Они совсем разомлели от жары. Когда обойдя все помещения Дворца молодые люди вышли во двор, они стали друг для друга гораздо роднее и ближе, чем были. Правда, при этом они не произнесли ни слова, не дали никаких клятв. Их чистые побуждения говорили сами за себя. За них беззвучно говорили их чистые души. А древние камни были свидетелями их клятв. Выходя из ворот шахского Дворца, Сарраф и Садига все еще держались за руки. И ничто не могло бы сейчас оторвать их друг от друга – не человеческая сила, ни сила рока...

Видно было, что Финае за последние дни очень изменилась. Это была уже не та Финае, что несколько дней назад, а совсем другой человек, она стала тщательно следить за своей внешностью и к тому же целыми днями висела на телефоне. По мнению Зинае, после этого Финае должна была поздно приходить домой, проводя дни с парнем, в которого она влюбилась. Судя по всему, Зинае недостаточно хорошо знала свою дочку. На самом деле Финае, живя в мире своих иллюзий и чувств, тщательно скрывала их, старалась ни слова не говорить матери. Это обижало Зинае. Мать смотрела на дочь и вспоминала свою молодость. Ей и сейчас очень хотелось испытать чувства, переживаемые в молодости. Потому что смыслом жизни для Зинаи было наслаждение и больше ничего. Когда она думала о причинах холодности, возникшей между ею и Гадиром, она и себя считала виноватой, но, в конечном счете, весь груз ответственности за это перекладывала на плечи Гадира. И тогда она уже не замечала хороших заработков мужа, лишь сожалела о том, что, запертая в четырех стенах, оказалась рабыней домашних забот. Раньше Зинае не ревновала Гадира и была довольна, что и он не ревновал ее. Довольная собой Зинае на вечеринки ходила одна, где прекрасно проводила время. Но время стремительно текло, жизнь таяла на глазах. Прежние знакомые постепенно отходили от нее. На вечеринках, куда она являлась, место «звезды» занимали более юные создания. По мнению Зинае,

женщина – это непредсказуемый поток. И сила, мощь этого потока в страсти. И все должны получить от него свою часть. Когда на вечеринках Зинае поняла, что интерес к ней падает, она вынуждена была четырьмя руками цепляться за Гадира. Но Гадир словно бы и не видел ее...

В честь двадцатилетия свадьбы Гадир сделал Зинае подарок: очень дорогой гарнитур из ожерелья, браслета и серег... Зинае, и без того утопающая в золоте, благодарно взглянула на мужа: «Благодарю, Гадир!» Гадир желал казаться способным на все, но Зинае не могла видеть мужчину в этом человеке. Глубоко в ее душе жила обида, потому что двадцать лет тому назад, в брачную ночь, Гадир, когда обнаружил, что Зинае не подарила ему самого главного – своего целомудрия, промолчал. Будто все именно так и должно было быть и ничего позорного не произошло. С того дня желания Гадира перестали быть обязательными для Зинае. И их интимная жизнь зависела полностью от желаний Зинае...

В полутемной спальне ярко блестело ожерелье, браслет и серьги Зинаи. Она разделась и легла к Гадиру, положила руку ему на шею и притянула его к себе, стала с юношеской страстью целовать и ласкать его. Но Гадир не реагировал на ее ласки. Зинае зашипела, как расвирипевшая змея и отодвинулась. Гадир, хоть долгие годы жил с нею, часто по ночам был с ней как чужой. И вдруг Зинае со всей глубиной ощутила горечь прожитых лет и начала плакать, сначала тихо, а потом навзрыд...

Заканчивалась летняя экзаменационная сессия. Мысли всех студентов, более-менее чувствующих ответственность, были заняты только тем, чтобы не было «хвостов».

После последней встречи с Финае Харис вел себя, словно ничего не случилось. Он хотел, чтобы Финае сама искала встреч с ним, чтобы сама позвонила или передала что-нибудь через Рахибу. Но Финае молчала. Харис превратился в раба своих мыслей. Потому что жаркое дыхание девушки, ее страстные взгляды говорили ему: «я не смогу быть ничьей, кроме тебя». «Человеком прежде всего руководят страсти. А если это так, то Финае рано или поздно придет. Надо выждать...»

Согласно программе, для студентов факультета журналистики проводился коллективный показ документальных, хроникальных фильмов, затем эти фильмы становились предметом обсуждения, мнение студентов об этих фильмах имели очень большое значение.

Как-то студенты смотрели фильм «Дикая природа». События, снятые американским режиссером, происходили в джунглях. Главный «герой» фильма – главарь стаи тигр – не пускал никакое иное дикое животное на помеченную им территорию. Под его руководством остальные тигры спокойно охотились за зебрами, оленями, бизонами. Он овладевал любой понравившейся ему самкой, и не позволял другим самцам приближаться к ней. В конце создатели фильма показали кадры, на которых соперники убивают этого тигра.

Во время обсуждения Финае сравнила жизнь животных с человеческим обществом: «Мне кажется, что в диктате своей воли другим есть больше героизма, рыцарства, чем гегемонии. Погибнуть как тигр, являющийся главой этой стаи в борьбе – есть героизм, рыцарство в дикой природе. Существующая в человеческом обществе победа сильных над

слабыми, отказ покоряться законам, духовная слабость, деградация – все это, по вашему, проявление цивилизации или возвращение к законам джунглей?» – Финае заставляла говорить страсть, овладевшая ее мыслями. Все законы общества, нравственные нормы она связывала с царящими в дикой природе естественными законами. Слушающим ее казалось, что все свое детство, юность она провела именно в джунглях. И странно, что возражающие Финае студенты и преподаватели после этого относились к девушке с большей любовью.

Финае всегда говорила вдохновенно, горячо, с жаром, так же, как и смеялась – от всей души. К тому же тем, кто наблюдал за ее походкой, осанкой, казалось, что она старается продемонстрировать всю свою красоту. Очень часто она одевалась весьма откровенно, и казалось, что эта девушка в любой момент может попасть в западню, но она вовремя умела осадить тех, кто переходил границы.

Какого же еще мнения можно было ждать от девушки, сравнивающей реальное общество с джунглями, ведущей себя в высшей степени свободно?

Финае стояла с друзьями в фойе университета и беседовала. Рахиба тоже подошла к ним.

– Есть сюрприз, – сказала она, поздоровавшись со всеми. Но сначала я должна договориться с Финае, а потом...

Рахиба отозвала Финае в сторону.

– Тебе привет от дяди...

– А где же он сам, совсем его не видно...

– В честь окончания сессия он хочет устроить банкет для ребят из нашей группы.

Это была неожиданная новость. Во всяком случае, Финае она обрадовала. Рахиба сказала, что на банкет каждый может прийти с кем захочет. Финае вдруг захотелось взять с собой маму, но она тут же передумала. Хотелось быть свободной. Она очень соскучилась по Харису. Ей хотелось, чтобы жаркие взгляды Хариса обожгли ее.

Ресторан «Сатир» находился на берегу, вдали от города. Название ресторана было взято из древнегреческой мифологии. Сатир – символ страсти. Финае, знакомой с древнегреческой мифологией, понять это не составлено труда. Молодец Харис, попал не в бровь, а в глаз.

– До банкета еще неделя. А Харис хочет видеть тебя скоро. Ведь ты же знаешь его адрес. Я поговорю с девочками и приду.

И Рахиба с Финае вернулись к товарищам. В группе все прекрасно знали Хариса. И все так же прекрасно знали о его особой симпатии к Финае. Сообщить о банкете Саррафу и Садиге было поручено «трем мушкетерам» – Зауру, Фаику и Закиру.

Финае звала Саррафа д'Артаньяном, и тот на эту шутку не обижался.

Садига хоть и сопротивлялась, но придти на банкет согласилась. Они получили согласие и от Саррафа. Вечером через неделю они должны были встретиться в ресторане «Сатир»...

Сложив свои новые стихи в отдельную папку, Финае понесла их в редакцию журнала «Лунный свет», где выделяли отдельные страницы для публикации творчества молодых. Редакция располагалась на четвертом этаже здания, построенного в начале XX века и теперь считавшегося памятником старины.

Когда она открыла дверь с табличкой «Главный редактор», секретарша приводила в порядок приемную. Не поднимая головы, она предложила Финае присесть. По

равнодушию секретарши можно было понять, что такие гости здесь бывают часто. В это время открылась дверь кабинета главного редактора и оттуда вышла поэтесса Бахбахли, с густым слоем грима на лице, которым пыталась скрыть морщины. Терпящая поражение в борьбе с наступающей старостью бедная Бахбахли была похожа на мертвого мужчину. Одевалась она по-девичьи в ультрамодную одежду, совершала с лицом косметические операции – и все для того, чтобы удержать молодость.

Бахбахли знала Финае в лицо, поэтому сквозь зубы поздоровалась с ней. Как и другие молодые поэты, Финае тоже была знакома с Бахбахли, читала ее стихи, часто публикующиеся в газетах и журналах. Когда она смотрела на Бахбахли, фотографирующуюся в разных позах, она думала, что причина, приведшая поэтессу в такое состояние, кроется не в ее творчество, а в кокетстве и жеманстве. А всякое ее жеманство унес ветер времени, и поэтому и главный редактор Сахил Алекперли, ровесник Бахбахли, по разным причинам отказывал ей, так что поэтесса вышла из его кабинета огорченная и расстроенная.

Секретарша кивком сделала Финае знак, что она может зайти. Главный редактор выбрал себе кабинетом одну из самых больших комнат старинного здания. Ножки кресла Сахилия Алекперли были немного приподняты, поэтому он и сам казался выше ростом. Он был почти лыс, волосы, оставшиеся по краям лысины, давно поседели. Лицо его было бледно, тем не менее он быстро, даже с некоторым воодушевлением поднялся и поздоровался с Финае.

Они были знакомы. Сахил Алекперли и раньше публиковал стихи Финае, а однажды в одной из своих статей написал о ее стихах несколько теплых слов.

Финае поздоровалась с достоинством, словно отвечая на бодрость, столь не подобающую возрасту редактора.

Сахил Алекперли каждый день встречался с молодежью, поэтому умел общаться с молодым поколением. Он держался бодро, говорил, смеялся, умел пошутить. А молодые авторы ради того чтобы их произведение было опубликовано, временами терпели неподобающие его положению неуместные шутки.

– Как дела, Финае ханум? Когда ты порадуешь нас новыми стихами?

Он нажал кнопку и сказал появившейся в дверях секретарше:

– Принеси-ка нам чаю.

Секретарша неохотно внесла поднос с двумя стаканами чая, дорогими конфетами и ломтиками лимона. Значит, беседа затянется. Сахил Алекперли сел напротив Финае, бросил в стакан маленькой ложечкой, больше похожей на игрушечную, ломтик лимона. Потом направил взгляд потускневших глаз на открытую грудь девушки.

– Я никогда не забуду вашего доброго отношения, Сахил муаллим!

– Наш долг – прокладывать дорогу молодым, Финае, жизнь принадлежит вам. Мы сделали, что могли, и жизнь наша уже того...

– Не говорите так, – возразила Финае, словно отвечая на его страстные взгляды, – вы сейчас проживаете самые лучшие годы своей жизни.

Это понравилось Сахилу Алекперли. Он встал и подошел к Финае.

– И стихи твои прекрасны, и слова звучат, как поэзия.

Финае ответила Сахилу Алекперли нежным, мягким, полным согласия взглядом.

«Люди, подобные Сахилу Алекперли – рабы страстей. Не дай Бог поверить их словам, они тут же будут считать себя самыми мудрыми людьми. Рано или поздно подобные «мудрецы» начнут объясняться в любви, а едва ты ненароком улыбнешься, они превратятся в твоих рабов».

Финае достала свои рукописи и положила их на стол. Красота юной девушки сводила глупого редактора с ума. Он еще больше приблизился к Финае. Положил руку на плечо девушке. Ее мягкая кожа была теплой. Кровь в нем заиграла, пульс забился чаще. Он провел рукой по шее, плечам девушки, спустился к ее шее, потянулся к груди. Финае с

серьезным видом поглядела Сахилю Алекперли в глаза. Этот взгляд заставил его прекратить домогательства. Подобно герою «Золотого яблока», который едва дотянувшись до заветного плода, из-под ноги его выскользнул камушек.

Сахил Алекперли угас быстро, словно очаг, на который вылили холодную воду, лицо его помрачнело. Несчастному часто приходилось так вспыхивать и гаснуть. Бедняге не везло, никогда не везло. Он так и провел жизнь, пытаясь сблизиться со всеми знакомыми женщинами. Но все они знали, что он сластолюбивый негодяй...

На мгновение мысли унесли Финае далеко. Девушка превратилась в гладиатора. В гладиатора, который в конце схватки наносит последний смертельный удар по поверженному противнику...

Они с Сахилем Алекперли познакомились в этом кабинете не так давно. Оставшись один после знакомства с Финае главный редактор, полный уверенности, что однажды он добьется интимной близости с юной поэтессой, предавался сладостным мечтам. Очевидно, сама Финае давала повод для подобных мечтаний. Ее красота с одной стороны, а с другой – свободное общение с главным редактором позволяли осуществиться мечтаниям главного редактора.

...Словно гладиатор, победивший соперника, ставит ногу ему на грудь и поднимает голову вверх, чтобы взглянуть в лицо главному зрителю этого кровавого зрелища – правителю Тирану, а зрители на трибунах кричат со всех сторон: «Убей! Убей!» Ну и что же, что их в кабинете было всего двое? В этот час, в это мгновение на невидимой арене на нее словно смотрела бесчисленная толпа, которая призывала к убийству. И что странно – в этой огромной толпе она отчетливо видела устремленную на нее пару глаз. Это был продавец газет, суровый и грозный... Эти глаза с ненавистью смотрели на Сахилю Алекперли, однако выносить приговор не спешили. Словно хотели убедить Финае, что конец всех гладиаторов – смерть. А победивший гладиатор получает не свободу, а лишь отсрочку смерти!

Ага, это же Харис, с довольным взглядом он стоит на стороне Финае. Резко, указывая пальцем на Сахилю Алекперли, он выносит окончательный приговор. Финае понимает, что он говорит: «Убей, убей его!»... Так и в природе: для того чтобы сберечь порядок, сильный убивает слабого...

Финае взглянула на Сахилю Алекперли, который ради минутного наслаждения, утратив самообладание, поддался своим чувствам. Казавшийся незадолго до этого тем могучим и великим Сахил Алекперли, сейчас, разоблаченный, казался ей ничтожной мухой. А мухе одно наказание, дабы она не вызывала отвращение: ее надо прихлопнуть и выбросить...

Холодным голосом Финае промолвила:

– Сахил муаллим, может, я прочитаю вам какое-нибудь из своих стихотворений?

Сахил Алекперли словно ожил. Это был хороший случай выйти из неудобного положения.

– Конечно, Финае, никто, кроме самого автора, так хорошо не прочитает свое стихотворение.

Финае выбрала стихотворение «Что такое камень?»

Когда Сахил Алекперли, извиваясь змеей, ласкал ее грудь, она увидела белый кусок мрамора. На черном письменном столе. И вновь, когда она взглянула в глаза главного редактора, перед глазами юной поэтессы встала картина минутной давности – тянущиеся, как змеи к ее груди пальцы, сластолюбивые взгляды, устремленные в ее глаза, и душу девушки охватило отвращение. Когда она среди рукописей отыскала листок, на котором было напечатано стихотворение «Что такое камень?», ей показалось, что она подняла тяжелый камень, подобный куску мрамора, лежащему на редакторском столе... Финае мимолетно взглянула на лоб Сахилю Алекперли...

– Ну, начинай, Финае, я слушаю тебя. – Сахилу Алекперли отчего-то показалось, что девушка стесняется читать. Напротив, Финае ничего не стеснялась. Ей хотелось, чтобы «умерший» Сахил Алекперли «ожил» и понаблюдал бы, как она ведет себя.

Финае мысленно хотела спросить его: «Ну, что пришел в себя?», и намеревалась нанести последний удар. Она знала, что эта минута пришла, медлить нельзя, она должна прочитать стихотворение и уйти.

Сахил Алекперли прошел на свое место. Едва он сел в кресло, как плечи его снова поднялись вверх. Подобно грабителям караванов, он стал есть Финае глазами. Именно этого и ждала Финае.

Взглянув на Сахилия Алекперли, она серьезным тоном спросила:

– Что такое камень?

Сахил Алекперли засмеялся, пожал плечами и ответил:

– Кусок материи.

– Камень, который увидела я, несколько иной, вот, послушайте!

И Финае стала читать. Содержание стихотворения было следующим: камень был для наших предков оружием, спасая их, вывел на арену истории. А позднее этот камень превратился для некоторых в совесть...

При первых строках этого стихотворения, у Сахилия Алекперли засосало под ложечкой. Что это значит? Неужели Финае рисует его образ? Да, в центре стихотворения он увидел себя. И хотя на окна, выходящих на улицу, лилось солнце, в глазах Сахилия Алекперли потемнело, он лишился дара речи. Остатки его волос, спадавшие по бокам, лезли в глаза. От «камня», который Финае из всех «сил» швырнула в самый висок, он сжался. Положив свои стихи перед главным редактором на письменный стол, она направилась к двери.

– Финае... – наконец-то смог произнести Сахил Алекперли.

Девушка остановилась, повернулась к нему. Но у Сахилия Алекперли не было сил сказать ни слова. То, что было написано в его глазах, могла прочитать только Финае.

– Как ты жестока!

– Такова философия битвы гладиаторов.

В последнее время перед ее глазами были два человека, и беспокойные мысли душили, причиняли страдания. Один из этих людей был решительный, уверенный в себе, не желающий отступить Харис, вторым был работающий в киоске рядом с их домом продавец газет. Самым странным было то, что Финае ему не только не давала никакого повода, но даже не одаривала улыбкой, которую с щедростью расточала многим. Каким же образом этот газетчик поселился в ее мыслях?

Почему же сейчас, когда ее отношения с Харисом приближаются к кульминационной точке, когда она ложится спать с радужными мыслями, упрямое лицо продавца газет всплывало перед ней, тревожа ее сон? А Финае отвергала его не откровенно резкими словами, а просто холодным отношением пыталась показать – как возник, так и исчезай, в моей жизни тебе места нет. Но он не уходил. Финае даже не знала, кто он, не знала его биографию. В тот день, когда она сошлась на «дуэли» с Сахибом Алекперли – перед ее глазами первым предстал продавец газет. Она не могла забыть, как он появился в кабинете и с ненавистью посмотрел на Сахилия Алекперли. Он жалел Финае, попавшую в этот «водоворот событий», мысленно хотел показать ей правильный путь. Эта девушка, никогда не нервничающая, с улыбкой встречающая любой поворот жизни, сейчас готова была биться головой о стену, лишь бы образ этого продавца газет навсегда ушел из ее жизни, оставил ее. Да и кто он такой? Сможет ли победить в соперничестве с Харисом? Нет, решительно сказала она, никто, кроме смерти не сможет заставить меня

изменить решение! Была еще одна причина, мучающая Финае, заставляющая ее нервничать...

Финае увидела какой-то странный сон, который не могла растолковать. Обычно в ее памяти оставались цветные, окрыляющие человека сны. Но на этот раз сон был совсем иным. Сначала она услышала крик ребенка, побежала и увидела, как повивальная бабка обернула плачущего новорожденного в саван и поднимает в небеса. Она закричала. Это был ее ребенок, которого она только что родила. Как же мучительно было рожать...

Вот она лежит на постели, на спине. Думает, что сейчас Харис войдет к ней либо через дверь, либо прямо в окно. С охапкой цветов в руке. Он положит цветы на край постели, возьмет ребенка на руки. Финае хотела кричать, сказать ему, чтобы держал ребенка осторожней, он еще совсем маленький, даже глазки еще не открыл. Но тут акушерка в ужасе бросает ребенка ей, быстро отходит в сторону и что-то шепчет стоящим рядом с ней медсестрам. Они от ужаса расширенными глазами смотрят на Финае. Финае, собрав силы, поднимается и берет ребенка к себе. Смотрит на голенького младенца. В нем нет ничего необычного. Она поднимает ребенка чуть выше. Акушерка и медсестры, расталкивая друг друга, жмутся в угол. Финае даже слышит голос акушерки, шепчущей: «Храни нас Господи, неужели конец света?»

Финае понимает необычность происходящего: ребенок ни мальчик, ни девочка!.. Не обманывают ли ее глаза?.. Нет!.. Она еще выше поднимает ребенка, насколько хватает сил. Да, так и есть, это не ребенок, а тяжелый камень. Финае поднимается, но у нее не хватает сил держать этот камень над головой. Камень падает из рук... И в этот момент через форточку палаты в образе птицы влетает продавец газет. Птица хочет подхватить этот камень, но не может. Камень падает на ногу Финае...

Зинае посмотрела на беспокойно спящую Финае и увидела на этом родном лице страшные мучения. Девушка была покрыта потом; в отличие от просто спящих людей, ее лицо не покраснелось, а напротив, побледнело.

Зинае отбросила в сторону одеяло, потрясла девушку за плечи. Финае с трудом смогла вырваться из объятий страшного сна. Открыв глаза, она некоторое время, ничего не понимая, смотрела в лицо матери.

Зинае еще раз потрясла ее:

– Слушай, вставай, уже полдень, разве можно столько спать? Все уже на пляжах.

Финае, трепеща от страха, осторожно огляделась, словно старалась понять, чем было увиденное ею – реальностью или сном.

Она с трудом опустила ноги и прихрамывая пошла в ванную. Мать пошла за ней. Помогла ей раздеться. Что-то сказала и вышла. Финае встала под душ. Теплая вода постепенно смывала озноб и дрожь с тела.

Пока девушка вытиралась и одевалась, мать заварила чай. Финае молчала. Мать, зная характер дочери, ни о чем не спрашивала, никаких вопросов не задавала. Впрочем, Зинае не была так уж обеспокоена. Она прекрасно знала, что такое бывает со всеми девушками, достигшими зрелости. А Финае до сих пор не могла избавиться от ужасов приснившегося кошмара...

Сегодня она не собиралась выходить из дома. До банкета, назначенного Харисом, оставалось еще несколько дней. Уже было ясно, что после этой встречи сила, связывающая их с Харисом, еще более укрепитя и достигнет наивысшего предела. Она считала, что с психологической точки зрения вполне готова к этому свиданию. Сейчас никто не смог бы разлучить ее с Харисом. А этот продавец газет?

Может, стоит одеться и выйти погулять в парк или поехать на пляж. Если бы мать не напоминала постоянно, что в таком состоянии ехать на пляж совершенно не нужно.

Финае хотела найти себе занятие дома, но ничего не получалось, она очень скучала, нервничала. Если б не ее уверенность в себе и гордость, она бы позвонила Харису, может, даже захотела бы, чтобы он пришел к ней домой. Или попросила бы, чтобы он взял ее куда-нибудь. Но она этого не сделала. По своему упрямству и терпению Финае ни в чем не уступала Харису...

Проклятье! Да ведь это он и есть – продавец газет. Стоит посреди дороги и глядит на нее. Кто знает, сколько времени он тут ждет.

Финае хотела пренебрежительно поздороваться с ним и идти дальше, но продавец опередил ее:

– Здравствуйте, Финае ханум.

– Здравствуй.

Финае точно знала, что продавец газет ждет именно ее, но не подала вида. Не остановилась, а пошла немного медленнее. Видно было, что парень на что-то решился, наверное, хотел ей сегодня сказать все, что у него на сердце.

– Я... – но продолжить он не смог. Его сбило, что Финае вдруг остановилась и странно посмотрела ему прямо в глаза.

– Пожалуйста, что вы хотели сказать? – немного смягчилась Финае.

Это придало парню смелости.

– Мне надо серьезно поговорить с вами...

– Интересно, какой у нас с вами может быть серьезный разговор?

Продавец газет пришел сюда по велению сердца и знал, что от этой встречи зависит его судьба. Он чувствовал, что более не может носить все, что накопилось в сердце. В то же время он увидел, что в последнее время Финае испытывает психологическое напряжение, и думал, что и девушка чувствует к нему то же самое, но ей тяжело сделать выбор.

Финае продолжала идти медленными шагами. Продавец газет шагал рядом с ней. Он был смущен и не мог скрыть своего волнения. Хуже всего было то, что, дойдя до остановки, Финае сядет в автобус. Разговор снова прервется, не начавшись. И одному Аллаху известно, когда он в следующий раз сможет подойти к ней...

Но все пошло не так. Финае не пошла к остановке. Она перешла дорогу, отойдя подальше от оживленного перекрестка. Какое-то время оба молчали. Наверное, оба про себя взвешивали, что происходило в их сердцах. Финае думала: хорошо, что все так идет, сейчас все выяснится. Определим, что мы принадлежим к разным мирам, и все вернется на свои места. Может, после этого я избавлюсь от его таинственных, многозначительных взглядов...

А парень думал, с чего начать: «Конечно, сначала я представлюсь, может, она и не знает, как меня зовут?»

Дойдя до тени, отбрасываемой сосной, Финае остановилась. Жар солнца сжигал все вокруг, люди боялись выходить из тени. Продавец газет прислонился спиной к стволу сосны, мечтая поскорее избавиться от одолевающих его мучений, выразить словами свои мысли. Что смущало молодого человека, прошедшего огонь войны?

– Ну, говори, молодой человек, я слушаю тебя, – сказала Финае, обмахиваясь платочком. Она намекала тем самым, что не спешит.

– Меня зовут Федаи⁶.

– А вдруг Ферари?⁷

Парень нахмурился:

⁶ Федаи – готовый на жертву

⁷ Ферари – дезертир.

- Я не верю, что вы издеваться надо мной.
- Нет, Боже упаси, я просто пошутила.
- Хоть вы и пошутили, но обидели меня. Потому что я видел много дезертиров.
- Может, ты бежал им вслед, чтобы поймать?
- Нет, не бежал. Потому что я не могу бежать, миной мне оторвало ногу ниже

щиколотки.

Услышанное поразило Финае, и она пожалела, что так пошутила. Сердце ее облилась кровью, она упрекнула себя.

Но хуже всего было то, что и Федаи почувствовал это. И ему не понравилось, что вызвал к себе жалость у девушки, которой собирался признаться в любви. Ему хотелось, чтобы девушка почувствовала всю глубину и чистоту его чувств. Ощутила, что душа его – неиссякаемый источник любви, готовый дарить ее сердцу летом прохладу, а зимой – тепло.

Федаи и без того был готов рассказать Финае, что он инвалид, с какими проблемами ему приходится сталкиваться. Что он хочет создать с ней семью, вкусить е любовь, стать отцом, вместе растить детей. Однако этот короткий диалог отдалил Финае от него, разбил вдребезги все его мечты.

Но вдруг в глазах Федаи потемнело. Поток теплого воздуха сменился ураганом, бурей. Словно он оказался сейчас не в Баку. А вместе со своими однополчанами – в составе роты разведки – готовясь перейти на другую сторону горы Муров⁸, где они должны были разведать расположение противника. Они, хотя в любую минуту могли столкнуться с армянскими боевиками, шли они уверенно, в их сердцах не было и тени страха. В ушах его прозвучали слова командира, сказанные в то время: «Мы в окружении врага. Но несмотря на это не боимся, потому что мы на своей земле. Придет день, и девушки будут встречать вас как рыцарей, они с гордостью будут выходить за вас замуж. Не найдется силы, способной одолеть сыновей, родившихся от вас. Погибшие вознесутся на священную вершину шехидов⁹. Дети, которым дадут имена шехидов, продлят их жизнь. Раненных, ставших инвалидами, народ будет носить на руках».

В каждую минуту войны, будь то в бою или когда наступает передышка, никто не может считать себя застрахованным от несчастья. Каждой минуты покоя относительна.

... На узкой тропинке, где приходилось идти по одному гуськом, снега было по колено. Семь человек, выполнив задание, возвращались обратно. Они уже были недалеко от места расположения части. Согласно донесениям находились в относительно безопасном месте.

Вдруг он почувствовал под ногами пустоту. Ноги коснулись чего-то твердого, и он остановилась. Кажется, под ногой был металл. Он с ужасом понял, что встал на мину. Если б он в ту же минуту убрал ногу, то осколками разнесло в клочья и его, и его товарищей. Давление под ногой постепенно усиливалось, он предупредил товарищей. Они тут же упали в снег. Федаи тоже отпрыгнул в сторону и упал ничком.

После взрыва товарищи подбежали к нему, подняли с земли. Одну ногу оторвало миной...

...И теперь Федаи со злостью прижимал ногу к земле. Хотя на правой ноге и был протез, он ощущал такую же сильную боль. Позже врачи сказали ему, что он еще долго будет чувствовать боль потерянной ноги. Особенно при сильном холоде или жаре, или когда будет нервничать...

Поток теплого воздуха поднимался снизу, опалил лицо, а потом, подобно золотому ветру, смешивал все вокруг. Впрочем, людям, привыкшим к летней жаре, он не мешал, не отрывал от дела. Проходившие совсем рядом, казалось, не замечали их. Это помогло

⁸ Муров – гора в Азербайджане.

⁹ Шехиды – люди, отдавшие жизнь за родину.

Федаи. А то если бы кто-то подошел и о чем-то спросил, пришлось бы объяснять, растолковывать или давать нежелательный ответ.

«Во все времена чистые помыслы людей, одурманенных любовью, сталкивались с насмешкой. Да, странные люди эти влюбленные – любовь сперва доставляет им муку, боль, а затем превращается в дастан, сказку. Может, это и есть мудрость? Может, в этом и заключается нерасторжимый Божий закон, который бросает людей время от времени в огонь любви. Бросает их, чтобы последующим поколениям был пример. Что же теперь делать? Выходит, что те, кто до нас горели в пламени своей любви, зря отдавали свои жизни? Кто же виноват, если мы в такие мгновения не видим любви, разгорающейся внутри нас? Ведь когда говорят об влюбленных, горящих в огне любви, во всем обвиняют среду, время в котором они жили, а самих влюбленных считают чистыми и невинными. Мы прошли с ней достаточный жизненный путь. Мы оба в состоянии отличить добро от зла, верность от неверности, правду от лжи. В таком случае, почему же мы не можем найти спасение своей судьбы от мучений?»

Мысли, поток мечтаний как горная река временами подхватывал его и уносил, швыряя о камни. Если по дороге не зацепится за корягу, не разобьется об острые скалы, то эта горная река вынесет его на спокойное место. Может, это равнина окажется неизвестным никому местом, и никто не будет знать, жив он или мертв. Какой вкус почувствуют птицы, терзающие его безжизненное тело, хищники, пожирающие его? Интересно, есть ли разница во вкусе плоти влюбленного человека и существа, не изведавшего любви? Но сейчас ему было не до мыслей о разности вкусов. Мысли его путались в поисках логичного ответа. Сейчас его занимало только одна мысль: распрощавшись с Финае, он должен будет встретиться с хозяевами киоска, рассчитаться с ними, а потом уехать к себе в деревню. Там он найдет себе и кусок хлеба, а старая мать пойдет сватать для него какую-нибудь девушку, и судьба улыбнется ему. В деревне все прекрасно знают, кто чего стоит. Хоть отец его и был беден, но в деревне его уважали. Отчего-то он вспомнил, как отец в холодную, снежную зиму приехал к нему в Муров. Они обнялись и долго ничего не могли сказать друг другу, наконец, отец заговорил: «Сынок, я приехал сказать тебе, чтобы ты был поосторожней, берегся от вражеской пули».

Федаи вздрогнул. Его слабое тело не выдержало такого напора мыслей. Федаи хотел отругать себя, но девушка еще не сказала своего последнего слова. Он вполне мог не понравиться Финае. Было ли у него право в чем-то обвинять девушку, не любящую его? Кажется, бывший солдат привык все измерять законами войны. Выходит, что для того чтобы Федаи был любим, должны грохотать пушки, реветь танки? Нет, мирная жизнь имеет свое течение.

Федаи верил, что Финае к нему не равнодушна, она видит родившийся в его сердце кристально чистый родник любви и верит, что он никогда не замутится. Но что же тогда мешает Финае? Этого не знал бывший солдат, храбрый разведчик, человек, обладающий огромной интуицией. Он сам искал ответ на этот вопрос...

Во всяком случае, Федаи нашел в себе силы сказать последнее слово:

– Я хочу сказать, что в вашем лице я представляю себе идеального человека.

Может быть, я ошибаюсь. Говорят, глаза могут предательски ошибаться...

– Значит, вы любите меня.

– Да, люблю.

– Хотите жениться на мне, создать семью...

– Конечно.

– Вы представляете меня в роли своей жены?

– Да.

– Федаи, я все прекрасно понимаю. Но для меня подвенечное платье нечто иное – как клетка. У меня сильные крылья. И никакая клетка не в состоянии будет удержать моей настойчивости.

В эти мгновения Федаи походил не на продавца газет. Его вновь охватило давно покинувшее его рыцарское чувство.

Его напряженные руки с трудом сдерживали рвущийся гнев.

– Финае ханум! – сказал Федаи и замолчал после этого обращения. На какое-то мгновение он хотел рассказать девушке неизвестные факты своей биографии; что учится он на третьем курсе заочного отделения, что скоро будет работать по специальности. Но ничего этого он не сделал. Потому что понимал: девушку волнуют совсем другие чувства. Ее кровь и плоть, вся ее душа построена на этих чувствах.

– Вы хотели что-то сказать?

– Больше мне нечего сказать. На фронте командир говорил нам...

– То, что говорил вам командир, это для войны.

Этот день имел значение и для Финае. Ей уже было ясно, что бывший солдат отнюдь не скромный и несчастный человек. Он не вымаливает любовь. Хотя она и чувствовала к нему явную симпатию, она не сожалела о состоявшемся разговоре. По меньшей мере, этот чистый юноша более не будет чувствовать боль и страдание. Финае посмотрела ему прямо в глаза. Его взгляд был огненным. Но в этом огне невозможно было не разглядеть и глубокого сожаления. Иначе и быть не могло. Ведь стрела любви, пущенная Федаи, попала и сломалась об камень.

– До свидания, – сказала Финае, – позвольте мне идти.

– А куда вы идете?

– На скачки. Сегодня скачут лошади.

Федаи не стал задумываться, серьезно ли сказаны эти слова, проговорил:

– Ступайте осторожней.

– А что, там могут оказаться заминированные участки?

– Именно.

– Война идет далеко от Баку...

Даже если бы кто-то из них задержался, то вряд ли бы это привело к какому-то результату. Все было ясно. Они разошлись. Финае собиралась выйти на станции метро «Гянджлик» и вдоль сосновой аллеи пройти к зоопарку. Проходя мимо касс ипподрома, она увидела афишу с изображением лошади. Любители лошадей приглашались на скачки. На афише лошадь, отдающая зеленым, стала на дыбы. А чуть ниже были написаны дата и время проведения скачек.

Скачки проводились сегодня. Говоря с Федаи, Финае нарочно упомянула о скачках. Интересно, было ли это простым совпадением или игрой судьбы? Может, ей действительно отправиться на скачки, посмотреть на соревнования?

Ставшая на дыбы лошадь закусил удила, словно жаждала ускакать на другой конец света, на свободу. Гордая поза коня и его протест против узды очень понравились Финае.

Фотографы и авторы рекламы добились своего. В жизни часто так не происходит, когда романтика на фотографиях превращается в реальность, она превращается в обыденность. Но здесь Финае не стала искать разницы. Потому что образ коня, который она представила себе, вполне сходил с ее идеалом. Этого же она искала в людях. По ее мнению, человек должен быть беспощаден ко всем, кто старается отнять его свободу, независимость. Как Федаи, который задыхается, стремясь стать на дыбы...

Интересно, не была ли она слишком беспощадна к нему? Мало того: Федаи оказался очень достойным парнем. Для того чтобы вспыхнуло пламя любви, нет более надежного средства, чем достоинство. Парням вроде Федаи чуждо желание лишать девушку свободы.

Финае хорошо знала это; вместе с тем были другие мысли, которые знала и понимала Финае. Федаи мог бы своей любовью навсегда покорить ее. Именно это и пугало Финае. По лицу Федаи можно было понять, что он будет хорошим отцом,

достойным главой семейства. Но Финае нужен был не муж, а такой же, как она, свободный независимый человек, который пойдет за своими страстями до самого конца, не ее раб, а единомышленник, который, окрыленный ее внутренней энергией, сможет смотреть на жизнь сверху вниз, сильный заступник, с которым они будут дополнять друг друга.

...Конные бега... Девушка придумала имя этому коню: Сильный.

Она должна была пойти на бега, чтобы увидеть Сильного. Как обычно, Финае забыла свой мобильный телефон дома. На верхних ступеньках метро стояли юноши, предлагающие позвонить с их мобильных аппаратов. Она решила позвонить Рахибе.

Подошла к парню с телефоном.

– Пожалуйста, ханум, можете позвонить в любой район, любую страну СНГ, за границу...

– Ладно, ладно, не приплетай сюда весь мир. А то потом места не хватит всех гостей принять.

Парень тоже оказался остроумным и тут же ответил:

– Да обрушится земля на голову того, кто откажется прийти к вам на встречу!

– Не говори так: если случится землетрясение, то ты лишишься телефона.

Парень с телефоном растерялся, сглотнул слюну, может, даже забыл, что этот телефон его единственное средство пропитания. Он обеими руками схватился за телефон, словно прямо сейчас должно было произойти землетрясение. Финае стало смешно и она громко рассмеялась. Парень с телефоном растерялся. От растерянности он не мог верно набрать номер. Наконец он успокоился.

– Алло, прошу вас, ханум.

– Рахиба, это ты? – спросила Финае.

– Слушаю, Финае, что случилось?

– Рахиба, я около станции метро «Гянджлик». Приезжай сюда скорее, сегодня скачки. До начала осталось больше часа, приезжай, ходим.

– Как это пришло тебе в голову.

– Приходи, будет интересно...

– погоди, сейчас приеду. Дяде позвонить?

– Ну, ты даешь!..

Конечно, нечего говорить, что весь день мучающее Финае желание увидеть Хариса охватило и сейчас все ее существо. Но, может быть, главной задачей женщин является до конца понять существа, именуемые мужчинами. Что может быть интересней этого... Так думала Финае. По этому она и сдерживала себя. Хотя по правде говоря, можно было сказать, что она дышала одним Харисом.

Не прошло и получаса, как они оба появились перед Финае. Приехали на новенькой иномарке. Настроение у Хариса было приподнятое. С Рахибой Финае поцеловалась. А ему подала руку.

– Ну, идем? – предложила первой Финае.

– Идем, – тут же ответил Харис.

Оба посмотрели на Рахибу. Рахибе показалось, что она здесь лишняя. Она даже раздумывала про себя, стоит ли ей оставаться с ними.

Но Финае, прочитав мысли подруги, сказала:

– Нет, Рахиба, с нами ты никогда не лишняя.

– Конечно, мы едины. Но сейчас, знаешь, о чем я думаю?

– О чем?

– Настоящий человек тот, кто желает счастья другим. Таким Аллах всегда воздает сполна.

Будучи старше обеих по возрасту, Харис считал себя более опытным и умным человеком. Поэтому рассудительные слова двух юных подруг привели его в изумление. Видно, настали новые времена, появились новые люди, новый образ жизни.

Харис не мог понять, что и его племянница Рахиба, и Финае, в которую он с каждым днем влюблялся все сильнее, отказывают от привычного образа жизни. В чем причина этого? Страх перед воспитанием ребенка или боязни оказаться в тисках бедности? А ведь родители обеих не дрожали над каждой копеечкой. Харис сравнил свою дочь с этими девушками, ее ровесницами. Нет, его дочь не могла бы пойти по этой дорожке.

На бакинском ипподроме народа было достаточно, но не так много, сколько Харис видел лет десять назад. Уже сколько лет он сюда не приходил. Когда он работал в органах прокуратуры, когда, по его словам, было хорошее настроение, они с коллегами приходили сюда, усаживались на лучших местах, заключали пари друг с другом, а потом на всю ночь закатывались в «Интурист» за счет проигравшего. Решение Финае увидеть скачки обрадовало его. Правда, он ожидал свидания с Финае в ресторане «Сатир», но это удача. Нельзя сказать, что Харис за это время не успел соскучиться по Финае. Иногда в его душе разыгрывались такие чувства, что он готов был презирать себя. Особенно он не мог забыть первое близкое свидание с Финае. Ведь Харис со многими женщинами был близок и проводил много дней с молоденькими девушками. Когда же его обожгло горячее дыхание Финае, то он понял, что до него ничье дыхание не касалось ее уст. Может, от этого она сильно волновалась и трепетала, когда он прижимал ее к сердцу. Эта девушка с необычной природой, иным характером, может быть, была бы счастлива с кем-то другим. Харис не собирался соблазнять Финае и сводить ее с пути истинного. Однако Финае не давала повода для этого, напротив, своим поведением она показывала Харису, что в нем нашла свой идеал. И еще одна черта Хариса: Финае от него ничего не требовала. Ее чистые помыслы были в достаточной степени бескорыстны. Зная, что Харис ведет холостой образ жизни, она или думала, что еще рано, не пришел срок, или почему-то еще, но никаких с ним разговоров о женитьбе, создании семьи она не заводила.

Для Финае отношения между юношей и девушкой, наподобие отношений между Саррафом и Садигой, ничего не стоили. По ее мнению, подобные отношения были предательством человека по отношению к себе. Садига умирает по Саррафу, чуть ли не сходит по нему с ума, а выйти с ним в город не решается. Что же в этом хорошего? Это значит, что ты все еще раба обычаев, от которых Европа отказалась еще двести лет назад. Если это так, то кому ты нужна? Значит, найден эликсир, заменяющий тебя. Он вместо тебя решит все проблемы. Этот эликсир – капитал... Осторожно крадущийся на железных подошвах капитал. Капитал, который будет по-рабски использовать нравственность, человеческую любовь, свободу. Капитал – единственное достояние. Все прочие достоинства придуманы слабыми мечтателями. В человеческом обществе сильнее капитала смерть и только смерть. Но иногда, если нет капитала, оказывается, выброшен даже труп самого достойного человека.

Сейчас деньги для многих не только совесть, честь, но даже красота! Господи, сейчас люди поклоняются деньгам наравне с честью, невинностью, святостью. Деньги способны нечистоплотного показать безупречно чистым...

Финае мысленно взяла Хариса под руку и прижалась к нему как кошка...

Что может быть прекрасней этого на земле? Только у капитала есть возможность исправить созданное Богом!..

...Всадники вывели подготовленных к скачкам лошадей на место старта. Харис сидел между двумя девушками.

– Ну, и с кем поспорим, кто проиграет...

– Еще не родился человек, с которым я могла поспорить.

– Человек, на которого я могла бы поставить, еще не пришел.

Рахиба хитро улыбнулась.

Финае рассматривала каждую лошадь, ища зеленого цвета Сильного, которого увидела на афише. Кажется, нашла. Она показала рукой на лошадь, на попоне которой красовалась цифра 21 и сказала:

– Победит эта!

Харис тоже присмотрел именно эту лошадь. Эта лошадь, казалось, воюет с небом и землей. На спине у нее сидел маленького роста жокей. Но как бы ни был мал ростом жокей, его мастерство всадника сразу ощущалось. Сильный слушался его решительных команд. Жокей словно внушал лошади, что та рождена только для побед!

Харис выбрал себе другого жеребца. Он тоже был не менее прекрасен.

– Давайте дадим лошадям имена, – предложила Финае, – ну, как? Моего коня зовут Сильный, а твоего?

Но Харис не думал об этом:

– А что будет решать кличка?

– Имя ведь тоже определяет жизнь человека. Может, все живое живет, согласно своим именам...

– Согласен, моего коня будут звать... – Он задумался. Сначала подумал: «А, может, назвать коня своим именем?» – Харис.

Финае заметила, что он задумался надолго, и предложила:

– Пусть твоего коня зовут Судьба.

Харис с Рахибой рассмеялись.

– Ладно, – сказал Харис, – я согласен.

Кони являлись для Финае символом силы и крепости. Они фыркали, дергались, жевали поводья. Каждый из них показывал себя, доказывая, что является сильнее других, словно за это они получали больше почтения, наград, уважения.

Скоро должен был прозвучать сигнал старта. После первого выстрела лошади, вырвавшиеся вперед, будут мчаться навстречу своей судьбе. Будет ясно, что победит тот конь, который сильнее, смелее. Может быть, кто-то будет говорить о мастерстве жокеев, специалисты вспомнят о родословной коней, об их достоинствах, которые были заложены в них вместе с генами и еще о многом другом.

Финае все плотней прижималась к Харису, ей хотелось все глубже почувствовать его тепло, каждой клеточкой впитать идущий от него жар.

Скачки начались.

Финае сначала сидела спокойно, чуть равнодушно следя за скачками, но ближе к концу ее охватило волнение. Впереди Сильного скакали три-четыре лошади. Они уверенно неслись вдоль линеек, словно на этой скорости хотели доскакать до конца света. После третьего круга Сильный вышел в лидеры.

На четвертом круге ноздря в ноздю с ним шла другая лошадь, а чуть позади мчался галопом тот самый серый жеребец – Судьба. Когда они прошли четвертый круг, вперед вышел другой, до сих пор державшийся незаметным. Между ним и Сильным было совсем небольшое расстояние. Вдруг Судьба, перейдя линию, вышел вперед Сильного и других лошадей, скакавших рядом. Впереди него оставался всего один соперник. Приблизились секунды, решающие итог скачек.

И в этот момент передняя лошадь споткнулась. Это ужасное происшествие, произошедшее за три-четыре метра перед финишем, вызвало гул на трибунах. Судьба должна была проскакать мимо, но это не произошло. Он задел крупом скачущую впереди лошадь и упал.

Все произошло неожиданно. Лошади падали одна за другой... Трибуны взорвались.

Сильный, можно сказать, проскочил между двумя упавшими лошадьми и достиг финиша на мгновение раньше соперника, следовавшего за ним. Зрители вместо аплодисментов победителю стали обсуждать причины столкновения лошадей. Как обычно, говорили о том, что поле не соответствует мировым стандартам, что организаторы скачек подошли к этому легкомысленно. Были и такие, кто ругал жокеев, считая, что во всем виноваты они.

Харис был вне себя – у Судьбы была сломана шея. Не лучшее положение было у другой лошади. Невозможно было списать происшедшее на невезение, говорится же, что конь – грозное животное. А, может быть, это действительно были не просто скачки, а испытание судьбы?

Рахиба, чтобы отвлечь побледневшего дядю, легонько тронула его за локоть. Харис был потрясен. Интересно, было ли это результатом фанатичной уверенности в том, что ему внезапно показалось, будто судьба, которая уже намеревалась постучать ему в дверь, внезапно отвернулась от него, или подняло голову внутреннее сомнения в верности избранного пути? А, может, для него было предупреждением то, что скачущая галопом лошадь, на победу которой он рассчитывал, вдруг сломала себе шею. Он не мог разобраться в этом. В любом случае, происшедшее нельзя было считать добрым знаком...

Организаторы через громкоговорители попросили у присутствующих извинения за произошедшее. И когда победителем была названа лошадь под номером 21, громкие аплодисменты разнеслись по всему ипподрому. От недавних сожалений на лицах зрителей не осталось и следа. Харис, придя в себя, тоже аплодировал Сильному. Он поцеловал прижавшуюся к нему Финае и поздравил ее с победой. Они все вместе ушли с ипподрома.

Было еще светло, вечерний холодок приятно ласкал тело, дарил спокойствие и хорошее настроение.

И вновь первой заговорила Финае.

– Я поняла, почему ты так нервничал.

– Финае, дорогая, в душе каждого из нас кроется что-то, связанное с судьбой.

– Может быть.

– Мы всегда на что-то надеемся, и если нам везет, то считаем, что наши ожидания оправдались. Это нечто, именуемое судьбой, постоянно следит за нами. Причем как близкий, любимый друг...

– Но при этом этот близкий, родной друг легко отворачивается от нас...

– И самое худшее заключается в том, что человек постоянно готов к этому...

– Харис, мне кажется, что везение – это внутреннее состояние.

– Хочешь сказать, что везение – рабыня ума, и от умного человека не отвернется?

А, может быть, ты хочешь сказать, что ум руководит судьбой?

Рахиба не сдержалась и вмешалась в разговор:

– Довольно вам, а то еще немного мы вмешаемся в дела Всевышнего. Может, лошади столкнулись по самой простой причине? А главными виновниками могут быть жокеи? А, может, это и не их вина.

– Причины могут быть разными. Дело не в этом. Самое странное произошло, когда через громкоговорители у нас попросили извинения. Организаторы выразили сожаление по поводу случившегося. На что это было похоже? На...

Финае, не дав Харису договорить, сказала вместо него:

– На соболезнование.

– Совершенно верно. А потом?..

– А потом все тут же обо всем забыли, словно ничего не случилось.

– Это сразило меня больше всего. Какие бы потрясения ни происходили в обществе, люди быстро примиряются с ними. Словно в натуре человека равнодушие к происходящему. Но почему?..

– Мне кажется, что человек должен быть готов ко всем неожиданностям жизни. Человек должен знать, что общество – это вечный караван. Общество сурово. Но в этой суровости таится его жизнеспособность...

– Выходит, что злоба, жестокость – источник силы?

– Нет, я этого не говорил. Жестокость у различных индивидуумов проявляется в различных формах: страсть, желание достичь своего...

– Каждый должен бороться для того, чтобы достичь своего. Естественно, что в этой борьбе есть победители, есть и проигравшие, которые переживают это.

– Одним словом, если я огорчен, то ты должна радоваться. Потому что в сегодняшнем пари победила ты, – засмеялся Харис, желая перевести разговор в легкое русло. Засмеялась и Рахиба. На лице Финае тоже появилась улыбка. В этот момент Харис понял, что девушка душой и телом принадлежит ему.

Они шли рядом по тропинке между соснами, иногда бросая взгляды друг на друга. Глаза их светились теплом. Оба в душе мечтали только об одном: поскорее сжечь мост, уничтожив расстояние, разделяющее их. Хариса немного смущала Рахиба. Однако он понимал, что это бессмысленно, есть люди, рожденные друг для друга, и как бы они ни жили далеко друг от друга, рано или поздно жизнь сведет их и сделает так, что бы они встретились, пробудив в их сердцах одинаковые чувства. Одни называют это любовью, другие страстью. К сожалению, когда они стесняются общественного мнения, подчиняются отрицательному мнению общества, это воздвигает между ними непреодолимую стену, и от этой стены в их душах остаются неизгладимые раны. Если у человека хватит сил, он обвинит себя в том, что в нужный момент не признался, не сделал решительного шага. Харис был уверен, что как мужчины, так и женщины испытывают такие чувства. Поэтому прекрасно понимают, что угроза, именуемая общественным мнением, для человека лишь выдумка. Кто-то может не согласиться с этим мнением. А это значит, что либо этот человек неискренен, либо же он лишен человеческих чувств.

Харис не мог сразу преодолеть эту преграду. Он с трудом сдерживал в себе желание немедленно отвезти Финае к себе домой. Еще рано. Хотя было видно, что и Финае хочет этого. Финае совсем не походила на девушек, с которыми он был знаком до сих пор. Кто же она? Священный ангел любви, призывающий человека к чистым, добрым чувствам, или дьявол в ангельских одеяниях, сводящий человека с пути истинного?

Но Харис гнал эту вторую мысль, пытающуюся внедриться в его сознание, он словно шел по воде, но ему было все равно, погибнет ли он в этом глубоком океане...

Вдруг жаркое дыхание льнущей к нему девушки обожгло его. Не в силах сдержаться, он обнял ее. Финае не сопротивлялась.

Идущая на некотором расстоянии и оглядывающаяся на эту парочку Рахиба с понимающей улыбкой на лице тихо исчезла. Словно ее вообще не было с ними...

...Финае, опьяненная, высвободилась из объятий Хариса. В упоении наслаждения и страсти ей виделись только скачки. Перед ее глазами был летящий по полю Сильный. Сейчас вся жизнь представлялась ей скачками. Люди бегут за своей судьбой, они готовы обогнать друг друга, готовы, если надо, растоптать других, лишь бы добиться своего. Одними движет корысть, другими – простой интерес, а для кого-то это почет и добыча. На этих скачках не имеет значения, кто отстал, а кого растоптали. Судьба каждого в его собственных руках. Для того чтобы пройти через лабиринт этих скачек, надо иметь чутье, ум и силу. А что же привело Сильного к победе? Умелый ли жокей, стремительность или хорошая выучка коня?..

На все эти вопросы давала ответ палитра чувств Финае. А разум тут же с готовностью соглашался с доводами сердца. Интересно, огонь, охвативший сердце Финае, – любовь? Пока под вопросом, любовь это или нет, но то, что это правда, нет никаких сомнений. Этот огонь охватил и Хариса. Нельзя закрывать глаза на правду. «Сильный, – подумала мгновением позже Финае, – я поняла источник твоей силы, страсти, увидела, как ты смог проскользнуть между двумя упавшими лошадьми... После сегодняшних скачек я убедилась в том, что верно понимаю жизнь. Никакие отрицательные мнения не могут поставить преграду моим свободным мыслям...» За последние пару месяцев Финае может быть сотни раз обдумывала эту мысль. Это не означало конец сомнениям. Этот вывод не означал страха споткнуться на выбранном ею жизненном пути, упасть в пропасть, напротив, это было желание не становиться рабом чего-либо, выпустить на свободу свое сердце.

Ресторан «Сатир» с открытым двором находился у самого берега моря. Это двухэтажное здание, построенное в европейском стиле, можно было считать памятником архитектуры. В качестве главного строительного материала использовался местный камень; арки, каменные колонны, балконы, удобные для того, чтобы гости могли любоваться морем – все было сделано умелыми руками мастеров. Стены украшали интересные рисунки. Человек чувствовал себя здесь так, словно он попал за много тысяч лет до нашей эры.

Джунгли и животные были нарисованы настолько живописно, с таким мастерством, что человек, впервые попавший в этот ресторан, не мог скрыть волнения. Каждый зал был украшен своеобразно. Стены главного коридора украшали изображения героев древнегреческой мифологии. Сатир – мифический персонаж, пожирал глазами стоявшую неподалеку богиню. А чуть дальше «дичь» уже была в его объятиях. Она с благодарностью смотрела на сатира, обнимающего ее сильными руками, и старалась продлить это наслаждение. Чуть поодаль из кустов на них со страхом смотрели нимфы, и в их взглядах было столько зависти и досады, что это находило отклик в сердцах современных зрителей. Выходило, что вес смысл сладость жизни заключался именно в этом. Тогда почему же они со страхом бегут от этой сладости?

Странные, ужасные существа из прошлого с полными страсти, жадности, любви глазами остаются в этом коридоре. Коридор вел в богатый зал ресторана, где люди испытывали чувство превосходства и привилегированности.

Финае и Харис пришли раньше всех и, стоя у лестницы, встречали гостей и провожали в зал для приемов.

Звуки морских волн, доносящиеся с берега, смешивались со звуками музыки из зала. Красота, созданная человеком, не нарушала гармонию природы; пришедший сюда поражался ритму мелодии, исходящей из глубин природы и рук музыкантов, и забывал обо всем на свете.

Финае, прочитавшая мысль Хариса по его глазам, со смехом покачала головой.

– Честное слово, человек здесь возвращается к своим истокам. Сейчас заботы, проблемы давят на человека как тяжелый груз, не дают дышать. Все стараются избавиться от этого груза, но не могут, груз забот до самой смерти висит на плечах. Он остается до тех пор, пока душа не расстанется с телом и, возносясь, не заберет с собой его проблемы и беды.

– Человек будет спасен...

– Точнее, избавится от груза.

– Да разве мы принесли с собой в этот мир весь этот самый груз? Нет, человек изначально чист. Этим грузом награждает нас жизнь...

Харис оценил логичность Финае:

– Честное слово, ты умница!

Пришли друзья Хариса. Не надо было думать о том, что что-то не в порядке. Финае, очень хотевшая, чтобы на этом мероприятии присутствовали и ее подруги, немного заскучала. Друзья-студенты задерживались.

Харис что-то почувствовал:

– Не беспокойся, Рахиба сказала, что они приедут все вместе.

Обещанное время вышло. Харис уже собирался отвести Финае в зал, как у дверей ресторана остановился микроавтобус. Оттуда вышли друзья Финае – Заур, Фиак, Закир, Рахиба; последними вышли Садига и Сарраф. Перецеловавшись с девушками, Финае не скрывала своей радости. Закир с букетом цветов подошел к Харису и Финае.

– Нам приятно оказаться на этой свадьбе.

Девушки засмеялись.

– Закир, это не свадьба, а прием.

– Простите, я и хотел сказать – прием.

Щеки у Финае покраснели.

Сарраф тут же отреагировал:

– На свадьбе жених и невеста бывают в особых нарядах. Невеста в свадебном платье, жених – в костюме...

– А я слышал, Сарраф, что вы ищите свадебное платье?

Садига стояла чуть поодаль Саррафа. Они невольно посмотрели друг на друга и почему-то застенчиво опустили головы. Это не прошло мимо внимания Закира:

– Я случайно назвал прием свадьбой, а вы-то что стесняетесь?

– У стеснительных не бывает сыновей, – это добавила Рахиба.

Они поднялись на второй этаж. Пришедшие ранее друзья Хариса стоя приветствовали вновь пришедших.

Харис с Финае сидели за одним столом, друзья-студенты расселись за соседним столом.

Ведущий, желая чтобы вечер проходил нескучно, произносил тосты, объявлял музыкальные номера. Было настоящее веселье, звучали шутки, комплименты, подавались вкусные блюда... Потом начались танцы. Тихие лирические танцы словно помогали людям с помощью самых душевных мелодий переживать лучшие минуты своей жизни.

Харис и Финае, прижавшись, друг к другу, под звуки музыки позабыли обо всем на свете. Сейчас Финае казалось, что она с Харисом некогда были одной единой душой, поделенной кем-то на две части, и так получилось, что пусть даже одна из частей была рождена на двадцать, двадцать пять лет раньше, им все равно удалось соединиться. К тому же судьбе было угодно соединить их для того, чтобы остальные люди поняли, что же такое счастье. По мнению Финае, мифологические существа, недавно увиденные в фойе – предвестники счастья. Они живут своими чувствами, и их не заботит, что кто-то может осудить их, ибо они свободны. И для того чтобы исполнить свои желания, им не надо ни перед кем отчитываться. Более того, на них вообще нет никакой одежды.

Свадебное платье – ей вспомнился недавний разговор во дворе – кто, интересно, придумал эту белоснежную клетку? Эта украшенная, осыпанная золотом одежда может испугать только слабых и хилых. Эти руки, которые сейчас обнимают ее за талию, для нее самое лучшее свадебное платье.

Финае льнула к Харису, если б можно было, она вошла бы в его сердце...

А ведущий праздника лез вон из кожи, чтобы веселить собравшихся. Во всяком случае, число тех, кому не нравилось его шутковство, было меньше тех, кто аплодировал ему.

Сарраф взглянул на Садигу. Садига по глазам поняла, чего он хочет всего лишь вместе танцевать. Садига знала, что завтра мать Саррафа придет к ним. В народе это

называлось «узнать о намерениях». Если бы речь шла только о Саррафе, то ему это «предварительно узнать о намерениях» было ни к чему. Но мать настаивала.

– Я не могу вести взрослых мужчин просто так в дом невесты. Если арбуз не разрезать, кто знает, каким он окажется? Пусть все будет, как велит нам Аллах!..

Для Саррафа каждая встреча с Садигой была как дар небес. Сейчас, в этом окутанном туманом зале, каждый был в своем мире. Сарраф чувствовал себя в этом тумане неуютно, как и его друзья. Видно было, как они скучают, чувствуя себя чужими в этой мещанской атмосфере.

«Цивилизованные традиции» современного мира, войдя в двери бакинского ресторана «Сатир», уносили на седьмое небо свободных женщин, девушек, нежащихся в мужских объятиях.

Для женщин появление в этот вечер в ресторане «Сатир» было продиктовано деловыми соображениями. Никто этих женщин не искал, никто не стал бы спрашивать, где они провели ночь. Среда открыла для парочек, здесь собравшихся, двери в совсем иной мир.

Друзья Хариса не обращали внимания на существующие правила. Женщины, которые пришли вместе с ними, были для них сродни дешевым или дорогим товарам, привозимым ими из Дубая, Турции, Европы.

«Ресторанные дивы» работали в компаниях, принадлежащих этим деловым людям, выполняли там различные поручения, зарабатывали деньги, а по вечерам считали своим святым долгом отдыхать.

Собравшиеся здесь были людьми совсем из другого мира. Они договаривались на этом приеме о дате другого приема, и вели себя так, словно давно для себя разобрались во всех сложных, запутанных вопросах этого мира. Они относились друг к другу предупредительно, но вместе с тем показывали окружающим, что этот мир принадлежит только им.

Сарраф взглянул на женщину, кокетливо проходящую мимо него. Кажется, она была пьяна. Во всяком случае, она чуть не упала на Садигу. Прозрачная кофточка едва прикрывала грудь.

Садига не выдержала и так, чтобы никто не услышал, сказала:

– Сарраф, пойдем отсюда...

– Немного потерпи, вечер скоро закончится.

– Но ведь это место не для нас...

– Я понимаю.

– У них нет ни стыда, ни совести...

Сарраф с Садигой понимали друг друга без слов с первого взгляда. В ответ на последние слова Садиги Сарраф подумал: «Зато они заработали множество дешевых и бессмысленных подарков». Садига пожалала плечами, ибо оказать должное воздействие на увиденное была не в силах. Она посмотрела на соседние столы, за которыми сидели ее друзья, жмущиеся друг к дружке, словно оказались в незнакомой ситуации. Веселилась одна только Рахиба. Она танцевала с теми, кто приглашал ее, разговаривала, смеялась. Видно было, что под парами шампанского у нее из головы выветрились в дымно-туманный зал остатки ума.

Вечер окончился поздно. Студенты как вместе приехали, так и уехали вместе.

Харис вышел из «Сатира» вместе с Финае и повел машину прямо к дому. Первым из машины вышел он сам. Потом обошел машину и открыл дверь перед Финае. Когда опершись на притянутые руки Хариса Финае вышла из машины, почувствовала облегчение, словно человек, попавший из темноты на свет. Ее окрыляла какая-то удивительная легкость. Весь мир казался ей сказочным. Вот внезапно возникшая птица Феникс подхватила девушку из колодца глубиной в сорок аршинов и унесла на своих крыльях. Закончится ли когда-нибудь этот полет?..

На это раз Харис решил не ставить свою машину в гараж. Он нежно взял девушку под руку и повел ее к лестнице.

- Добро пожаловать в наш убогий дом, Финае.
- С первого дня, как я увидела тебя...
- Мы рождены друг для друга...
- Ты – моя свобода...

Харис набрал номер кода, открывающего дверь. Дверь распахнулась. И в то же мгновение зажегся яркий свет. По комнате разлились нежные звуки музыки...

...Финае словно плыла вместе с Харисом над прохладными отвесными горами, темно-зелеными лесами. Она увидела, как они проплывали между белоснежными полосами, виднеющимися реками, горами и слились с океаном.

Это было для Финае всегда абстрактным и недостижимым счастьем. Пролетая над изумрудными полянами, счастливая пара возносились очень высоко, постигая истинное счастье. А внизу оставались не только живые существа, но и густые, зеленые леса, горы, похожие на тонкие полоски, а на деле бурные, полноводные реки, – все казалось им маленькими точками. И в эти божественные минуты для Финае не существовало ни матери, ни отца, ни продавца газет, ни Сахилия Алекперли, мечтающего взамен публикации стихов насладиться ею, ни подвенечного платья, ни Садиги, ни готовящегося надеть свадебный костюм Саррафа, ни других ее друзей-студентов, ни Рахибы – не было никого и ничего...

...Они все еще стояли в коридоре.

– Постой здесь минутку, – сказал Харис, потом вошел в комнату и тут же вернулся, неся в руке тарелку.

В глазах Финае появился смех. Конечно, она была невестой, и как все, по обычаю, должна была разбить тарелку, брошенную ей под ноги.

Харис у ног девушки повернул тарелку вверх дном.

- Разбивай, Финае...
- Не хватает только свадебного платья.
- Платье может быть, а может и не быть. Главное тарелка, разбей ее, чтобы наша любовь никогда не была разбита.

Финае подняла ножку. Еще секунда и она одним ударом разобьет вдребезги эту тарелку, распахнет перед собой двери к новому счастью...

Вдруг ее расширенные от ужаса глаза вгляделись в середину тарелки. Если она сейчас наступит на нее, то разобьет лицо продавца газет, повсюду будут кровь и стоны...

Интересно разбивает ли она свое зеркало счастья? Говорят, у каждого есть свое зеркало счастья. И если оно разобьется, его больше не склеить. Что ей делать?

– Бей, Финае, не бойся, у тебя хватит сил, – говорил Харис, – она стеклянная.

Причем из хрупкого стекла.

Харис взял Финае за руку.

- Поверь мне, Харис, я боюсь. Осколки попадут в нас.
- Ну и что, это же не кровь, чтобы попасть в нас, всего лишь стекло.
- Нет...
- Разбивай смелее...

Дыхание Хариса, обнимавшего ее за талию, чувствовалось на шее.

Финае была на руках Хариса. Харис прошел по осколкам разбитой тарелки и направился прямо в спальню...

Уже давно стемнело. Зинае сложила на угол журнального столика стопку фотоальбомов, которые листала, и выглянула из окна на улицу. Занятая фотографиями, она даже не заметила, как стемнело, хотя прошло уже достаточно времени. Этим вечером ей, кажется, предстоит быть одной. Она не знала, когда вернется домой Гадир. Их сын Надир пошел на день рождения одного из товарищей. И собирался ночевать там.

Харис устраивал прием для друзей Финае. Зинае из слов дочери поняла, что та вернется поздно.

Она очень скучала. Что бы хоть как-то избавиться от скуки, решила позвонить кому-то из подруг, расспросить, как дела. Но передумала. Потому что прекрасно знала, что скажет она, что ответит ей подруга. Значит, все это пустая работа, нечего вести пустые разговоры, но что-то она должна была делать, чем-то заняться. Может, прибраться в квартире? Но этим занимается домработница. Сколько же времени она не занимается домашней работой? Ей и в молодости не особенно нравилось домашняя работа. Она выросла в семье, где был достаток, поэтому часто не считала необходимым помогать в домашних делах. А после того как Гадир устроился на работу в нынешнюю компанию, их образ жизни несколько изменился. К тому же что за уборки в это время суток, слава Богу, в доме нет умирающего...

Зинае металась по дому, как тигрица. Ходила из комнаты в комнату, думала черт знает о чем.

Сейчас этот уставленный вещами дворец, богатый дом, роскошь стали для нее золотой клеткой. Когда она вошла в комнату, где хранила памятные вещи, драгоценности, в мозгу у нее затуманилось. Большинство из вещей здесь были подарены ей или ее мужу Гадиру. Здесь же хранились драгоценности, доставшиеся ей от родителей. Все это было подарено ее отцу еще при советской власти, когда он занимал высокие должности в разных районах.

Зинае взяла зеркальце в золотой оправе. Это зеркальце ей подарила мама. Это было, когда Финае исполнился годик.

– Подаришь Финае, когда она станет выходить замуж, – сказала тогда мама.

Зинае провела рукой по тяжелой золотой оправе зеркала. И про себя обратилась к Финае:

«– Очень дорогое. Некто подарил отцу за то, что тот взял его на работу, на должность начальника райпо. В то время просто так ничего не делали.

– Мама, как хорошо, что мы сохранили его, оно действительно из чистого золота?

– Действительно... А позже продавать его не было нужды».

Зинае взвесила зеркальце руками. Словно проверяла, прибавила или убавила в весе драгоценная безделушка, появившаяся к ней в доме лет тридцать-сорок назад. Кажется, зеркальце стало еще тяжелее. Она вертела его в руках, и свет люстры отражался в нем, временами зеркало отражало ломаные линии золотых отблесков, заставляя ее жмуриться. Зинае провела пальцем по поверхности зеркала. С блестящей поверхности на нее смотрели два зрачка. В зеркале отразилась женщина, еще не окончательно распрощавшаяся со своей молодостью и красотой, в глазах которой была страсть, перед зеркалом оставалась равнодушной к сохранившейся, а, может, и еще более увеличившей ценность золоту. Для нее вся ценность жизни заключалась в дыхании мужчины, отвечающего на эту страсть. А это осталось в прошлом. Но нет, с этим Зинае не хотела мириться. В белой кружевной накидке на плечах она выглядела гораздо моложе. В одежде, похожей на свадебное платье, она попыталась представить рядом с собой Гадира,

но не получилось. Ей хотелось перед этим сверкающим зеркалом увидеть рядом с собой кого-то из мужчин, с которым было хорошо. Память подсказала одного, двух... Но никто из них не задерживался перед ее взором, образы тут же менялись. Почему-то они сменяли друг друга. Это раздражало Зинае, выводило из себя. Она почти забыла про себя, про свои поступки. От нахлынувших воспоминаний она не могла подойти к подаркам, коснуться их, дорогая посуда жгла руки, глаза.

«Господи, отчего жизнь столь несправедлива?!» Выходит, что для нее все кончено. Еще подошла к зеркалу. Зажмурилась от блеска золотых украшений, сверкающих под светом. Комната осветилась молний. Перед глазами возник образ отца. Как будто все начинается снова и она младенцем лежит в колыбели. Кто-то протягивает зеркало ее матери и говорит:

– Это зеркало счастья я дарю Зинае на день рождения.

Когда-то некто, подаривший это зеркало, превратил кучу денег в золото и окантовал его. Зинае, взрослея, относилась к этому зеркалу не как к зеркалу счастья, а просто как к драгоценной вещи. Она вообще не обращала внимания на то, что является счастьем. Конечно, каждый сам пишет свою судьбу. Она всегда была довольна своей судьбой, потому что до сих пор жила хорошо. По мере того, как сменялись мужчины, с которыми она была близка, ее аппетиты росли, страсть рвалась наружу. Что же еще нужно для счастья? Это счастье продолжалось и после того, как она вышла замуж за Гадира. Гадир был малый не промах, однако не мог соответствовать все более растущим эротическим желаниям женщины. Истина была в том, что Зинае была способна за ночь принять хоть пятерых мужчин. Этого требовало ее тело. А для реализации этих потребностей рядом всегда были красивые мужчины с деньгами, с опаляющим, как южное солнце, дыханием. Она долго стояла перед золотым зеркалом, потом, оторвавшись от приятных воспоминаний, вновь взглянула в зеркало: «Это истинное зеркало счастья. Память от моих родителей. А я подарю его своей дочери. Это зеркало – свидетель моего счастья».

Бог знает сколько раз Зинае, стоя перед этим зеркалом, повторила про себя или шептала эти и им подобные слова...

...Была уже глубокая ночь. Беспокойство одолевало ее, Финае все еще не было. Прием, наверное, уже закончился. Она нигде не собиралась ночевать. «А вдруг не придет, не дай Бог», – подумала Зинае. Мать вспомнила в последний месяц постоянные разговоры дочери о Харисе. «Да кто же такой этот Харис? Как он выглядит, что у него за характер? Может, это хищный волк, заманивающий молоденьких девушек в свои сети и расправляющийся с ними?» Она много видела таких волков, с удовольствием сама превращалась в их жертву, получая от этого огромное наслаждение. И сейчас, охваченная завистливым чувством, она мечтала, чтоб ее обжигали, как крапивой, хищные, жадные взгляды: «Нет, ты уже, как жеваная жвачка. Всю твою сладость давно сжевали».

Зинае была охвачена тревогой. Сейчас вне зависимости все знакомые и незнакомые юные девушки превращались в ее глазах в соперниц. Как странно, эти еще не познавшие жизнь девчонки оттесняли ее с площадки. Почему же жизненный опыт и знания не приходят ей на помощь? Это зеркальце было свидетелем: ей не раз говорили, что и в сорок, и пятьдесят лет, и позже красота и очарование ее останутся прежними. Эта красота, эта любовь к жизни, этот горячий темперамент будет всегда напоминать вечный вулкан. Почему же тогда она сейчас сидит дома перед этим зеркалом-свидетелем, полная тревог? Даже Гадир проводит дни с молоденькими девушками. Сын у нее – подросток. Неизвестно, куда он ушел. И Финае, до сих пор не вернувшаяся домой, не говорила, когда вернется. Она должна была следить за всем этим. Надо было еще до того что-то предпринять. Может, этот Харис уже сорвал «выращенный ею цветок»? Может, он, как хищный волк, уже растерзал ее девочку...

Ее выпученные, чуть ли не вылезшие из орбит глаза рыскали по дому в поисках виноватого. Но найдет ли она того, кто виноват? Как бы ни был богат дом, он остается домом, то есть одной дверью, несколькими окнами и четырьмя стенами... И отличается он ценным вещам, их количеством, красотой, а еще уважением живущих в нем людей. Эти драгоценности подарили им в свое время на праздники, дни рождения. Сейчас даже трудно себе представить лица некоторых дарящих. Так, словно их существование в жизни Зинае занимало место, равное количеству подарков, вот и все.

А вот человек, принесший этот подарок, не забыт. Женщина вспомнила все, что было с ним связано. Он сохранился бы в памяти, даже если бы ничего не дарил.

Зинае улыбнулась. Этот, человек, образ которого она не забыла, был некогда секретарем школьной комсомольской организации, он водил старшеклассников на экскурсии и, говоря нынешним языком, был лидером активных ребят. Этот самый комсорг Зинае вместе с другими ребятами водил на Девичью Башню, а во время экскурсии шептал Зинае такие слова, которые она не забудет до самой смерти.

Она и позже встречала комсорга. Между ними были теплые отношения. Но тот трепет, который она чувствовала, когда слышала эти божественные слова, уже угас. В тот день Зинае под влиянием этих слов, прозвучавших словно с небес, потеряла свою невинность. Она готова была вспоминать все что угодно, любое хорошее или дурное событие, но только не это. После происшедшего она хотела подняться вечером на полную огней вершину Девичьей Башни и покончить с собой, но не решилась, сладкие дни, развлечения победили стыд и позор. Она позабыла обо всем, кроме наслаждений жизни. А теперь, когда она родила дочь и сына, она не могла понять, почему тогда хотела покончить с собой... Просто... Не стоит ни в чем винить людей, зарывшихся в собственное прошлое.

Ей стало смешно. Кажется, она все слишком преувеличивает. Подумаешь, молодая девушка, скоро вернется или останется ночевать у кого-то из подруг. Она зря нервничает. Может, завтра она будет стесняться своих черных мыслей?.. В любой ситуации есть вина и есть виноватые... Но кто виноват? Что же так мучает ее, будто она оказалась меж двух огней? Но с другой стороны ее мучает раздирающая изнутри животная страсть. Она думает о дочери, той самой дочери, которая не сегодня-завтра в свадебном платье выйдет замуж. «О, Всевышний, лишь бы не оказались тщетными мои мечты выдать дочь замуж». Вот главный вопрос, который мучает всех матерей... Никакой другой, а именно этот! Если мать честно не может надеть на дочь свадебное платье, то тогда весь этот богатый дом не стоит и копейки. Ни копейки... Ни копейки!

Но Зинае вдруг поняла, что даже если передаст дочери эту драгоценность, это окантованное золотом счастливое зеркало, она не сможет надеть на дочь свадебное платье. В эти минуты, когда уже проходит ночь, цена свадебного платья из-за множества клиентов поднимется до стоимости уникальной вещи.

Шла ночь, ей очень хотелось сейчас понежиться в объятиях мужчин, с которыми она была знакома до того, как вышла замуж за Гадира. Мысли становились все мучительнее, они сотрясали все ее существо. Нет, в жизни ничего не проходит бесследно. Что бы ни произошло, рано или поздно это становится явным. Как бы ни старалась Зинае ругать мужа, в чем бы ни старалась обвинять себя, но ни в себе, ни в муже никакой вины не находила. Но тогда?.. Может, вина в этом проклятом зеркале... Которое обо всем рассказывает молча, без слов. Именно оно – единственный свидетель ее счастья и несчастья. А что такое вина? Вина – это золотая змея, которая подползла и забралась в бездонную глубину оправленного в золото зеркало. Это зеркальце – теплое гнездышко для ядовитых змей.

Вдруг... Охваченная бесконечной печалью и беспомощностью она, давя в себе стон, двумя руками схватила зеркальце и швырнула его на сияющий золотом паркетный пол. И зеркало, с годовалого возраста свидетель всей жизни Зинаи, то самое зеркало, которое

было подругой Финае, когда та стала девушкой – расколосось на куски. Золото, придающее зеркалу красоту, расколосось на сверкающие куски и разлетелось по четырем углам комнаты. Сверкающие под ногами кусочки золота словно стеснялись. Но гнев ее не угас. Она схватилась за ворот кружевного платья, оторвала его и стала, словно безумная кружить по комнате и продолжала плакать навзрыд.

Кажется, родственники вернулись довольными. Потому что на их лицах были улыбки, счастье, радость, свидетельствующие об успехе. Будь у Хаят крылья, она бы летала, щеки ее горели, как лепестки только что распустившейся розы. Да, согласие на то, что девушку отдадут ее сыну, было получено.

– Ну, что, мамочка, удалось тебе разговорить новых родственников? – спросил Сарраф.

– А как ты представлял себе Хаят? Сказано, присылайте сватов, у нас есть старшие, как они порешат, так и поступим.

– Глядя на тебя, как говорят бакинцы, можно подумать, что ты получила согласие.

– Если я не получила согласия, тогда зачем нужны были бы сваты? Их приветливые лица это и есть их согласие. Да благословит вас Аллах!..

Сарраф и Садига... Два любящих сердца... Родственники, знакомые университетские друзья относились к ним как и родным, с почтением, говорили добрые слова, желали счастья молодым, благословляли их. В этот поздний час, после церемонии «предварительного узнавания намерений» в двух домах, две матери, сидя рядом со своими детьми, о чем-то шептались, материнские губы касались лбов детей, словно ставили благословляющие печати с пожеланиями счастья...

В ту же ночь Харис в ванной комнате искал место, куда бы спрятать окровавленную простынь. Почти что бесчувственная Финае равнодушно следила за его суетой.

Было уже далеко за полночь. Федаи еще не спал. Ворочался в постели, словно не мог найти себе места. То ходил из комнаты в комнату, то выходил на балкон, и все время молчал. Мать тоже не спала, наблюдая за сыном. Она видела, что Федаи без настроения, что его что-то беспокоит, и чувствовала, что на душе у него какая-то тяжесть. Но не хотела ни о чем спрашивать. Надеясь, что сын сам расскажет обо всем. Федаи с детства был скрытным мальчиком, даже с матерью сокровенным не делился.

Федаи родился в Баку. Отец его был рабочим на нефтяных промыслах, потом из-за травмы на производстве вышел на пенсию и вернулся в деревню. Их была два брата и сестра. Сестра давно была замужем. Живущий в России брат за долгие годы всего раз приезжал в Баку, когда узнал о смерти отца. После сорока дней он, не обращая внимания на уговоры матери и Федаи, вернулся обратно. По слухам, он там женился, у него были дети. Временами мать получала от него деньги.

Мать же снова собралась и вернулась в Баку, связывая все надежды с Федаи. Она часто говорила, что ему пора жениться, найти себе достойную девушку и создать семью. «У нас все есть, слава Аллаху, на кусок хлеба хватает», – говорила она.

Сказанные с лаской эти слова кинжалом вонзались в сердце Федаи. Словно в зажившую рану вонзаются новые осколки и эта страшная боль вновь овладевала его

телом. Вновь с этой болью он смотрел с балкона на ночную жизнь Баку. Вспыхивали и гасли рекламы огромных магазинов, вдоль мостовых в разные стороны проносились машины разных марок.

Федаи страдал от одиночества. Временами теплая рука матери касалась его плеча, он чувствовал на шее ее дыхание, но он все равно молчал, ни слова не произнеся, так и стоял, сгорая от внутреннего пламени.

Под вечер Федаи увидел, как мимо его киоска прошла Финае. Но почему она не вернулась обратно? Он долго ждал, даже закрыл киоск на два часа позже обычного. Потом ходил вокруг дома Финае. Этот дом, отличающийся от других близлежащих домов своей архитектурой, был похож на виллу из зарубежных фильмов. Федаи хотел, аккуратно перешагнув через грязную лужу перед домом, подойти поближе. Он стоял чуть поодаль, устремив взгляд на ворота перед двором. Он сейчас не мог понять – снится ему это или нет. Если это реальность, то почему он пришел сюда, отчего унижается? Ведь он шел, не моргая, против пуль. Перед лицом смерти готов был вместо павших друзей умереть. Был готов погибнуть вместо любого из своих друзей. Зачем он беспокоится из-за Финае, которая не смогла оценить чистоту его чувств, понять, как он любит ее? Кто он и кто – она? Почему он теряет голову? Как он может поделиться с матерью раздирающими его чувствами в доме, где жив дух его отца, живы воспоминания о его брате. Способен ли он на это? Хватит ли у него сил передать свои чувства? Не скажет ли мать: ты ошибаешься, она – не твоя судьба, подумай как следует?..

Купить участок земли на окраине и построить там дом не так уж трудно. К тому же участникам карабахской войны давали много льгот. Мало ли, много, но помощь оказывали. Федаи от природы был человеком, уверенным в себе, внутренне сильным, энергичным, он не хотел мириться с бедностью, строил в уме множество планов. Он верил, что скоро окончит университет, займет в обществе достойное место. Эта уверенность, бурля в нем, как родник, вела его, как проводник, к кажущимся на первый взгляд неосуществимым мечтам. Эти мечты еще более подняли головы после начала его отношений к Финае.

Иногда Федаи приходило в голову – а может, он выбрал неверный путь? Они с Финае люди разных кругов? Их звезды никогда не смогут сиять рядом. Но он тут же гнал эти мысли. Потому что видел в глазах Финае любовь к жизни, к ясности, уважение к чистоте, прозрачности. Но более всего волновали его мысли о высокомерии Финае. Федаи не ошибался в своих мыслях. Он просто не знал, что Финае считает себя частью не общества, а природы. А у природы свои законы – там сильный побеждает слабого. Финае в свою очередь знала о происходящем в душе Федаи. Знала, что он человек не легкомысленный.

Федаи в мечтах построил дворец на двоих – для себя и Финае. И теперь, когда Финае не вернулась ночью домой, у Федаи не хватало сил спасти этот дворец от полного разрушения. Что стоило рукопашную сражаться с противником на Мурове? В тот момент сражения Федаи был ранен. Противник тоже лежал неподвижно. Оба потеряли много крови. Федаи не мог подняться на ноги, поэтому он вынужден был обеими руками вцепиться в горло врагу. Вдруг он почувствовал сильный удар по раненой ноге. В глазах потемнело. Он чуть не потерял сознания. Он увидел, как противник встал на здоровую ногу, и постарался из всех сил навалиться на него, и скоро оба, подобно вырванным с корнем деревьям, рухнули на землю.

Сколько они там пролежали, он не знал. После боя наши солдаты нашли его во вражеском окопе без сознания. С трудом смогли оторвать его пальцы от горла армянского солдата.

Федаи никогда в жизни не забудет, как с Божьей помощью смог вырваться из объятий смерти, и говорил: «смерть, увидев мою силу, больше никогда не взглянет в мою

сторону». Тогда почему же он сейчас не может спасти рушащийся дворец любви? Где его сила?

Тетя Первана не могла больше смотреть на расстроенного сына:

– Федаи, сынок, да буду я твоей жертвой, в каком ты состоянии?

Ее голос пробудил затуманенное сознание Федаи. Откуда-то, словно из неведомой дали, он протянул руку к матери. Мать с сыном обнялись. Тетя Первана почувствовала боль, которая потрясала все ее существо. Это была боль, похожая на ту, которую она испытала, рожая сына. Насколько родной была эта боль! Она даже отчетливо услышала голоса женщин, кричавших: «это мальчик, кто даст ему имя?». Тетя Первана словно во второй раз рожала собственного сына. Мгновения очень походили одно на другое: большой и сильный Федаи в ее объятиях как младенец рождался на свет...

Они вошли в комнату и сели на старый, потертый по бокам диван. Боль, мучившая тетю Первану с ног до головы, совершенно отпустила. Она чувствовала, что и Федаи приходит в себя.

– Поздно, сынок, иди спать, отдохни. Завтра иди на работу. Не умаляя достоинства зарабатываешь ты на кусок хлеба. Иди, сыночек, – сказала тетя Первана, – ночь проходит, все спят. В доме уже все уснули.

Он хотел сказать: нет, мамочка, в городе много не спящих. Может даже в этом городе не спящих больше, чем спящих. Но ничего не сказал.

Зинае разбудил телефонный звонок. Постепенно приходя в себя, она поняла, что вчера, после того как в сердцах разбила зеркало, лишилась чувств. А после заснула.

Часы на стене показывали четыре. До утра оставалось немного.

Зинае сняла трубку. Послышался чуть глухой и усталый голос мужа.

– Зинае, ты не спишь?

– А что?

– Этой ночью я придти не смогу. Много работы.

Зинае подняла глаза на часы, которые своим тиканьем словно не протестовали, а издевались:

– Скоро ночь заканчивается, Гадир.

– Как это, ночь заканчивается?

– Ты знаешь, который час?

– Нет, я настолько занят...

Гадир выключил свой телефон. Зинае показалось, что весь дом, со всеми видимыми и невидимыми вещами громко хохочет над ней. Зинае, зажав уши искала место, где спрятаться. «Может, я схожу с ума, – мелькнуло в ее голове. – Может, Аллах за что-то разгневался на меня? Может, она разбила зеркало счастья дочери, и теперь эта вина преследует меня?..»

Загадочные вопросы не кончались. Зинае хотелось бежать от хохочущих над ней стен. С другой стороны, она чувствовала, была в растерянности перед этими вопросами, совсем потеряла голову. Ее мозг, мысли не слушали волю. Мысли путались, превращалась в гул, гоня Зинае из комнаты в комнату. «Будьте вы прокляты, да проклянет вас Аллах!», – но если бы в этот момент кто-то спросил ее, кого она прокликает, наверное, она не смогла бы ответить.

Ресторан «Сатир» называли «раем». Гадир хотел провести ночь здесь. Причем не один. Между ним и девушкой было тридцать лет разницы. Девушка предложила подняться на второй этаж, но Гадир не согласился, потому что его еще днем предупредили, что один бывший работник прокуратуры собирается встретиться здесь с друзьями. А выяснить, что это за бывший работник прокуратуры, у Гадира не было возможности. И без того завтра ему доложат во всех подробностях данные обо всех гостях.

Гадир был доволен. Он отдохнет в интимной обстановке тем самым отомстит миру, который был настроен против него, растоптав веру в самого себя. Он, кажется, собирался бежать за давно утраченными чувствами, ощущениями. И когда он звонил жене, даже не заметил, как прошло время.

– Жена твоя не спросила? – поинтересовалась девушка.

– Чего?

– Где ты находишься.

– Нет, не спросила. У нас таких проблем нет.

Гадиру хотелось спросить у девушки: «А как у вас?» Но не счел нужным. Потому что как-то девушка сказала ему, что не любит превращать мелкие разговоры в проблему, и эту черту она унаследовала от родителей...

Он взял пульт телевизора и прошелся по программам ночных каналов. На одном из каналов рекламировали магазин «Джентльмен», продающий богатые подарки к свадьбе. Золотые браслеты, ожерелья – одним словом, от драгоценностей слепило глаза. Девушка, посмотрев на свое золото, сложенное на соседнем столе, хотела поменять канал. Но в это время началась реклама свадебных платьев – одно лучше другого. Душа девушки устремилась к этим белым платьям. Она сама хотела оказаться на месте моделей, демонстрирующих эти свадебные платья.

Образ счастья, воплощенный в свадебных платьях, текст рекламы, льющийся с экрана, жег ее, грудь ее горела, пылала огнем. Свесив по-гулливерски длинные ноги поверх кровати, Гадир хотел притянуть к себе девушку. «Зачем тебе это? Ты ведь все равно никогда не наденешь его!» Лицо девушки побледнело, она была потрясена.

Гадир удивился. В ее взгляде он прочитал откровенную ненависть.

Летние вечера в Баку прекрасны. Кажется, жизнь только начинается.

Люди, задыхающиеся днем от жары, выходят по вечерам на улицы, чтобы спокойно подышать.

Друзья-студенты сошли с нанятого ими микроавтобуса у станции метро «Елмляр Академиясы»¹⁰. Они молчали, словно возвращались не с веселого приема-банкета.

Закир, Заур и Фаик как учились в одной группе, так и снимали одну квартиру. В полуподвальном помещении еле помещались письменный стол, три стула и три кровати. Они познакомились еще во время вступительных экзаменов и тогда же приняли решение жить вместе. Хоть они и попытались поселиться в общежитии, но это им не удалось, потому что общежитие университета было занято беженцами.

Иногда между ними возникали споры, которые временами чуть не заканчивались дракой. Но споры эти утихали, как летний дождь, не переходя в обиду. В группе их часто называли «три мушкетера». А когда к этой дружной тройке присоединился Сарраф, то он получил прозвище «д'Артаньян».

Приехавшие из провинции, эти парни поначалу не могли привыкнуть к свободной, городской жизни, противоречащей общественным нормам, но постепенно свыклись.

¹⁰ Бакинская станция метро «Академия Наук».

Особенно в последние годы, когда Баку стал меняться у них на глазах. Новостройки, иностранные машины, роскошные рекламы... Кроме облика города менялось и моральное состояние людей. Манера одеваться, принятая в Латинской Америке и на Западе, богатая жизнь, но наряду с этим чуждые обычаи оказывали влияние на многих жителей города, появлялись новые правила, моды, новый образ жизни. Он подчинял себе большинство, изменяя даже цвет глаз, волос, кожи.

Закир с товарищами собирались стать журналистами. Они видели, как то, что им говорят преподаватели об образе жизни народа, его исторических традициях, менталитете, противоречит реалиям жизни. Они видели, как то, что им говорят в студенческих аудиториях, входит в противоречие с тем, что происходит на улицах. Иногда их протест извергался, как вулкан. Так произошло и в этот раз.

– Человек, уважающий себя, имеющий самолюбие, не должен был идти на этот банкет, – сказал Закир.

– Надо было там паре человек надавать по морде, – тут же вспыхнул сильный Заур.

– А полиция приехала бы и забрала нас... Ну ладно, не спать же нам на улице, ночь проходит.

Все промолчали после этих слов Фаика и уныло отправились домой.

Закир наполнил чайник и на узкой кухоньке поставил его на плиту. Газ шел слабо. Закир приблизил руку к огню. Словно проверял тепло.

– Зачем тебе чайник, от него только жарко, надо было купить воды, – сказал Фаик, зная, что на дополнительные расходы денег нет. Потому что расточительно истратили деньги, купив цветы на банкет.

Когда Закир вернулся с кухни, на руку его была насыпана соль. Заур удивился.

– Что случилось, ты обжег руку?

Фаик тоже не стал скрывать своего любопытства:

– Ты же мастер в таких делах, так руку же почему обжег?

– Не беспокойтесь, я проверял сам себя. – Закир как ни в чем ни бывало потряс обожженной рукой.

Заур вышел из себя

– Кажется, жара на тебя плохо действует: как это – проверял себя...

– Да не беспокойся ты, с головой все в порядке. Просто хотел проверить... – Но он не договорил.

Заур снова рассердился.

– Ну вот, попробуй пойми, что он хотел сказать.

– Я имею в виду наших девочек. Они готовы хоть в огонь...

Фаик промолчал. Заур тоже что-то пробормотал и замолчал. В комнате наступила тишина.

Закир сел за стол, посмотрел на заголовок статьи, которую со вчерашнего дня собирался написать. Сверху страницы было написано всего четыре слова «Я не хочу ломаться». Эти слова, написанные большими буквами, занимали на странице много места. Заур хотел выразить протест против явной рекламы зарубежных фирм. Он полагал, что из-за рубежа в Азербайджан нельзя импортировать нравственность. Это вопрос гордости, который ломает нас.

Но выразить своих мыслей на бумаге Закир не мог. Осмысленные в уме предложения не укладывались в формат листа.

Он хотел дополнить статью впечатлениями от сегодняшнего банкета: «Нет, Харис организовал банкет не потому, что студенты сдали летнюю сессию. Харис организовал это пиршество, чтобы сломать нас и показать Финае, насколько он сильнее нас».

Закир хотел сказать ребятам об этом раньше, но видя, как они рвутся в ресторан, подумал, что нехорошо портить им удовольствие. К тому же Рахиба была племянницей Хариса, а Финае была ее подругой.

Он взял ручку и торопливо стал записывать мысли, приходящие ему на ум...

Прошло много времени. Терпение у всех иссякло.

– Брат, ну что твой чай?

– У меня палец очень болит, посмотрите сами, – отозвался Закир.

– Значит, губа у тебя распухла, поэтому не можешь напоить коня...

– А вот, пожалуйста, пройдите этот лабиринт, кто не сможет выбраться, тот пусть заваривает чай.

Заур и Фаик склонились над его рисунком. И действительно, под словами «Я не хочу ломаться» был нарисован странный лабиринт. В центре была изображена стрелка, от которой шла запутанная, очень запутанная дорога. Но как бы ни шли друзья этой дорогой, каждый раз натыкались на очередной тупик.

Закир увидел, что друзья с интересом смотрят на него, сказал:

– Вот, представьте себе, что это Финае, и она попала в такой лабиринт. Как ей из него выбраться?

– А откуда же нам знать, может, ты не хочешь заваривать чай и поэтому не указал здесь выхода?

– Нет, выход есть.

– Друг мой, тебе не жалко Финае? В эту минуту она считает нас маленькими воробышками, а Хариса гигантским орлом, и очень хочет, чтобы этот орел своими острыми когтями разорвал ее.

Закир задумчиво сказал:

– В детстве мы ставили силки на воробьев. Однажды я насыпал зерна около силков. Все ждал, что воробей попадет в силки и я его поймаю. Но мама увидела, подняла шум, воробей испугался и улетел. Я начал плакать. Но в этом вопросе отец был на стороне матери, с тех пор я больше не ставил силков.

Рассказ Закира если и произвел на Фаика впечатление, то он не показал этого, а сидел, уставившись куда-то в потолок.

– Вот, посмотри, Заур, там паук сплел свою паутину и затаился в засаде, ждет, когда жертва попадет в паутину. И что интересно, когда жертва, попав в паутину, начинает барахтаться в ней, ее положение становится еще хуже. И вот тогда-то паук и набрасывается на нее.

Вдруг Заур подпрыгнул и тетрадкой сбил паутину.

Фаик промолвил:

– Вот такую же паутину сплели на дороге Финае. И тот, кто ее разорвет...

– Нет разорвавшего эту паутину. И знаешь, почему? Потому что Финае сама хочет попасть в эту паутину...

Маленькая комнатка в полуподвальном помещении была тесной не только для металлических кроватей, на которых спали молодые люди, но и для их душ. Каждый из них приехал из разных районов. Заур с севера, и поэтому, как и многие северяне, отличался физической силой, суровостью и резкостью – все это было видно как в его характере, так и во внешнем виде. Закир был с юга – он выглядел немного хилым, тощим, хотя на самом деле был парнем сильным. Он хорошо знал классическую литературу. Его дедушка был сеидом¹¹, поэтому друзья иногда называли его «внук сеида». Фаик же, корни которого были из Борчалов, старался в размышлениях быть справедливым, не забывать истину. В его маленьком хилом теле таился гнев тысячи мужчин.

¹¹ Сеид – почетный титул у мусульман, возводящих свою родословную к пророку Магомету. В Аравии – представители знати.

Было нечто общее, объединяющее молодых людей: временами они начинали острые, эмоциональные дискуссии по вопросам, не имеющим к ним никакого отношения. Так, например, в случае с Финае их объединяло не сочувствие, так свойственное юношам. Они не могли переварить и смириться с поступками Финае.

– У нас, чтобы жениться, проходят сотни испытаний, – сказал Фаик.

Заур захотел поддеть Фаика.

– Не может быть! Они что, как герои из Деде Горкуд¹², стреляют из луков, сражаются на мечах? Да за тебя бы ни одну девушку тогда не отдали бы.

– Не беспокойся. Я тут послал вперед отца и мать: они и борются за девушку, которая мне нравится, стреляют из луков, дерутся на мечах. Но не с оружием как ты думаешь, а с помощью традиций.

Закир захотел закончить дискуссию.

– Девушка должна войти в дом жениха в подвенечном платье. И все это после свадьбы и благословения сватов.

– Ты прав, – поддержал друга Фаик, – но ведь это жизнь, временами, когда родители не могут договориться, самим влюбленным приходится решать свои проблемы. То есть парень похищает девушку. Но рано или поздно благословение старших должно быть. А то без благословения жениться нельзя, это глупость.

– Давайте ляжем спать, – предложил Заур. – Отец Финае не взял бы нас даже охранниками в свою организацию. Они – это одно, а мы – совсем другое. Не смотри, что они живут здесь, они давно «переселились» в Европу, Латинскую Америку. Их мозги работают по тамошним часам.

Спор утих. Каждый улегся в свою постель и замолчал. Закир снова размышлял над причинами организации этого банкета. Заур и Фаик хоть и не могли обмозговать этот вопрос до конца, но в их головах возникали разные идеи. Закир полагал, что Финае не случайно встала на этот путь. Может, она заведомо знала о страданиях, ждущих ее на этом пути. Финае обманута из-за своего простодушия. Но что же заставило ее отвернуться от вековых традиций своего народа, какая тут зловещая тайна? Закир не знал ответа на этот вопрос. Хотя, споря с ребятами, он никогда не испытывал недостатка в подтверждении или отрицании чего-либо. И хоть его часто звали консерватором, он от своего не отступался и говорил то, что думал.

Почувствовав, что друзья затихли, Закир поднял голову с подушки. Товарищи спали. Он хотел разбудить их, чтобы они разделись и нормально легли, но не стал этого делать. Спали они крепко, лампа в шестьдесят ватт золотом отсвечивала на их здоровых лицах. Что было написано на этих молодых лицах, какие отметины были на этих лбах? Или только свет тусклой лампы оттенял их лица? Естественно, однозначного ответа на этот вопрос нельзя было дать. У обоих лбы были широкие и открытые. Они напоминали путь, в конце которого человека ждет счастье. Странное сравнение: человеческий лоб и чистый путь. Закир долго так стоял, глядя на спящих...

Дедушка рассказывал старую историю о том, как однажды, когда он бульдозером выравнивал землю на холме, чтобы засеять там хлопок, вытащил ковшом кости людей. Вглядевшись в эти кости, люди увидели, что у них на лбу что-то написано. Председатель колхоза тут же стал разгонять народ.

– Расходитесь по своим делам, мы даже от наших предков не слышали, чтобы здесь было кладбище. Один Аллах знает, сколько тысяч лет этим могилам. Или вы думаете, что эти надписи на лбу с недавних пор?

Нашлись люди, которые смеялись над словами председателя. Но председатель пропустил это мимо ушей. А когда острый ковш бульдозера перевернул еще один слой земли, чей-то череп покотился прямо под ноги председателю. Этот череп, спокойно

¹² Древний азербайджанский эпос, насчитывающий более 1300 лет.

пролежавший в земле несколько сотен лет, подкатился к его ногам, словно усмехнулся над глупостями, которые он сболтнул. Зубы у черепа были белыми. Над кем смеялся череп? Почему он смеялся? Председатель, глядя на белеющие зубы черепа, пришел в ужас. Не сдержавшись, он пнул череп. Люди, стоявшие напротив председателя, в испуге попятились. Череп раскололся и посыпавшиеся на землю зубы забелели так, как будто смеялись над никого не слушающим председателем колхоза. Побледневший председатель больше не мог находиться там. Ругаясь, он ушел. Трактор вновь заработал. И его гул не смолкал до тех пор, пока горбатый холм не был выровнен.

Это произошло примерно тридцать лет тому назад. Дедушка рассказал Закиру, как закончилось эта история для председателя колхоза, оттолкнувшего ногой череп.

– Прошло немного времени, и дух черепа покарал его. Не прошло и сорока дней, как он сильно заболел, его отвезли в Баку, но не смогли помочь. Пару месяцев он провалялся полуживым, и в конце концов умер.

Закир не был атеистом, но и был далек от суеверия. Он представил себе линии на черепе, который оттолкнули ногой, останки древнего черепа, думал о том, что смерть председателя наступила не от каких-то иных причин, а именно из-за того, что он оттолкнул ногой череп, пролежавший в земле тысячи лет. Видно, велик был грех, иначе не был бы так скоро вынесен такой страшный приговор.

Он немного выпил в ресторане на банкете у Хариса. Может, поэтому сейчас в постели, где он никак не мог заснуть, время, словно выйдя из своего необыкновенного течения, неслось как ветер, извергалось как вулкан. Этот ветер, или этот вулкан был настолько таинственен, что смешивал все, что возникало перед ним – и прошлое, и настоящее, и будущее, – одним словом, все, и гнал это неизвестно куда. Но хуже всего было то, что этому ветру или вулкану было все равно: доброе перед ним или злое, честное или лживое. Будь проклят этот вулкан!..

Но ведь он не отвечает за чьи-то необдуманные поступки? Или все-таки отвечает? Потому что ответственность за грядущее, быть может, главный вопрос, который волнует все общество. Ответственность предыдущих поколений перед будущими, быть может, один из основных стимулов рода человеческого. Ведь едва научившись думать человек до конца жизни старается, работает, строит дом, сажает деревья, растит и умножает детей. Ведь если бы вопрос касался только его самого, если бы человек думал, что его жизнь принадлежит только ему, то тогда не стоило бы обеими руками цепляться за жизнь, не стоило вообще рождаться на свет, а если родился у тебя в муках ребенок, стараться как можно дольше продлить его существование. Да, думал Закир, конец один, само собой, но миром движет ответственность человека перед обществом, его бескорыстная служба народу. Это высшее человеческое качество, более того, это героизм.

Он снова посмотрел на лица Фаика и Заура, освещенных лампой в шестьдесят свечей. Философские размышления с одной стороны, вдобавок он никак не мог избавиться от двояких мыслей, навалившихся на него... Рахиба, Финае, Садига, другие девочки из группы... Их лица мелькали перед ним, словно на экране кинозала, сознание контролировало их, эти картины, мелькавшие перед его глазами, лица людей каплями стекались из одной маленькой щелки на экран молочного цвета.

Рахиба говорила, что не верит в любовь, что это все выдумки. Чтобы положить людям под головы мягкую подушку... Чтобы усыпить бдительность...

Там, в ресторане, Рахиба говорила уверенно – как человек, который может постоять за свои слова; соображения Садиги были иными. Этот разговор сохранился в памяти Закира, словно записанный на пленку. Вот некая волшебная рука нажимает на кнопку и слова оживают перед ним.

– Кто придумал понятие морали? – это спросила Рахиба. – Кто наносит вред первобытному существованию человека?

– Что ты говоришь, Рахиба? – возразил Закир. – Из твоих слов выходит, что ничто не отличает человека от животного?

– Конечно, отличает. Человека отличает его разум. Но этот разум дан ему не для того, чтобы человеческое дитя само создало для себя «тюрьму», насильовало свои желания. Заур настаивал на своем:

– Выходит, что эта тюрьма – одежда человека, он сам придумал ее и натянул на себя.

Конечно, на эту странную логику друзья ответили смехом. Возмущение Заура было явно видно.

– Не говори так, Рахиба. Любовь есть и она незваная гостья. Она появляется неожиданно и так же неожиданно ранит. Если у тебя хватит ума, закрой перед ней двери своего сердца, защити себя. Нежданный гость знает, в какую дверь стучаться... Например, я накрепко закрыл свои двери.

– Твои двери – это твои глаза. А зарывать глаза на истину, по меньшей мере – невежество.

Молчавшая до сих пор Садига, обведя всех застенчивым взглядом, хотела шуточным замечанием положить конец спору:

– Знаете, что говорили об этом наши отцы?

Заур подхватил тонкое течение разговора:

– Да буду я жертвой наших отцов, скажи же, что они говорили?

– Они говорили: глаза видят, а сердце любит...

Заур, гордый этой мудростью, поставил в разговоре большую точку:

– После этих слов не стоит больше философствовать...

В ту ночь пропал сон и у Рахибы. Никак не могла уснуть. Она все искала повод поговорить с Финае. Но такого повода не было. Она знала, что сейчас Финае с Харисом. Ну и что? Какая связь между ее бессонницей и происходящим? Финае можно считать счастливицей. Если это так, то Рахиба должна быть счастлива и за подругу, и за дядю. Тогда чем же можно объяснить ее настроение, ее волнение тревогу? Завистью? Но не ревновать же ее к собственному дяде...

Действительно ли Финае влюблена в Хариса? Настоящая ли это любовь? Ведь они считали любовь обманчивым чувством и говорили, что никогда не допустят ее близко к сердцу. Они верили, что любовью караются лишь слабые люди, именно караются. Если действительно любить и быть любимой так хорошо, тогда почему она не стремилась к этому? Ведь как хорошо относится к ней Заур! Он сильный парень, храбрый, умница, решительный. Почему она не смогла полюбить его? Правда, после того случая отношение Заура изменилось, он больше не волновался, разговаривая с Рахибой. А в глазах его было сожаление.

По мнению Рахибы, Финае покорила вершину, к которой стремилась. Но это была не вершина счастья. Она была уверена, что для девушки создать семью, забеременеть, родить ребенка, а потом всю жизнь возиться с вонючими пеленками, растить детей означает отказаться от счастья.

Рахиба подошла к окну. Свет в окнах дома напротив был погашен. Из окна на нее всегда смотрел незнакомый парень. Она несколько раз видела его, они здоровались. Наверное, были ровесниками. Он не отводил от нее глаз. Рахиба тоже была к нему не безразлична. «И он тоже спит, – прошептала она, – ну и пусть спит. Пусть приснятся ему хорошие сны. Неплохо было бы и мне уснуть».

Закир подошел к занавешенному окну. Легкий ветерок освежил его лицо. Он попробовал внимательно, по строчке перечитать заголовок статьи, которой написал: «Для того чтобы не сломаться в жизни, чтобы не попасть в западни, которые подставляет нам жизнь, люди должны пользоваться наивысшим дарованным нам Аллахом правом – возможностью самим решать свою судьбу». Фраза получилась длинной. К тому же, кажется, несколько противоречивой. В одной фразе звучали нотки и материализма, и идеализма.

Хуже всего было то, что эта фраза еле вмещалась в небольшое пространство белой бумаги под заголовком. На остальной части бумаги был нарисован лабиринт. Он смял лист и пошел на кухню, чтобы выбросить его в мусорное ведро. Но передумал и не стал выбрасывать. Распрянул смятый лист. Еще раз перечитал написанное. Каждое слово приняло образ недели, месяца, наконец, года, времени, эпохи. Нет, он не станет писать эту статью, автором ее станет само время. Когда? Когда лопнет терпение. Пока оно у него есть.

До утра оставалось совсем немного. На улице было тихо. Из занавешенного окна в комнату подул ветерок...

Утро. Солнце поднялось ростом с человека. Харис проснулся, принял душ, побрился, привел себя в порядок. Потом вышел на балкон, напевая вполголоса: «Камень на моем кольце, мое кольцо с бирюзовым камнем...»

Остальных слов он не помнил. Он несколько раз повторил одну и ту же строчку. Харис беспокоился. Еще более усиливало его беспокойство разбитое состояние Финае, ее нежелание вставать, равнодушие ко всему. Но Харис знал, что скоро Финае придет в себя, так всегда бывает...

А Финае пребывала в состоянии, не испытанном ею, которое до сих пор лишь представляла себе. Она уже была не тем человеком, что вчера, позавчера, даже несколько часов назад, она действительно совершила очень рискованный шаг. Вообще, когда девушки становятся женщинами, в их мировоззрении происходят серьезные перемены. Этот переходный этап может повлечь психические потрясения.

Как и все люди, в определенные моменты Хариса тянуло пофилософствовать. Взять хотя бы акт женитьбы. Ведь это целая система, которая исторически была связана с определенными традициями – сватовством, обручением, приходом гостей, приносящих сладости, и, наконец, с приобретением подвенечного платья – все это, очевидно, нужно было для того, чтобы психологически настроить девушек к самому главному шагу в жизни. Потому что, совершив этот шаг, человек меняет привычный образ жизни и входит в новый этап. Этот этап не проходит и мимо юношей. В них прибавляется уверенности в себе, иными словами, они становятся мужчинами. И так же, как каждый юноша хочет стать мужчиной, так и у девушек самое большое волнение, трепет связан с превращением в женщину...

И сейчас молчание Финае, без чувств распростершейся на постели, глядящей на мир остекленевшим взглядом, наверное, связано с этим. Он хотел вернуться к Финае, поднять ее, приободрить. Финае по-прежнему лежала в постели, где все это произошло с молниеносной быстротой. И сама судьба не могла бы объяснить, в какую точку были устремлены ее безмолвные взгляды. И смотрела ли она вообще? Была ли точка, куда она смотрела?

Харис осторожно подошел к девушке и позвал ее:
– Финае...

Девушка не шелохнулась. Он, кажется, позвал ее очень тихо, так тихо, что сам с трудом услышал собственный голос:

– Финае, ты спишь?

Финае посмотрела в сторону Хариса. Как будто проверяла, что это Харис позвал ее. Он рукой коснулся ее волос, погладил их. Человек, позвавший ее, к которому она так стремилась несколько месяцев, желая отдаться, рвалась, задыхаясь, неужели это тот самый человек?

Да, это был Харис. Во всех отношениях сильный, инициативный, тот, чью пылкость, страсть она читала в глазах, Харис, с которым она провела всю ночь! Владелец ее мгновений, в которые она впитала сознание крови!..

Он взял Финае за запястье. Пульс участился, цвет лица изменился, оно покраснело. Глаза ее улыбались. Улыбка осветила лицо. Словно кто-то в этот момент сообщил Харису добрую весть. Он в сумасшедшей радости поднял Финае на ноги, крепко обнял ее. Стал покрывать поцелуями ее лицо, шею, грудь. И прерывисто, задыхаясь, как человек, попавший в воду, сказал то, о чем не думал, а что просто пришло ему в голову:

– Я счастлив, Финае! И ты тоже счастлива! До сегодняшней ночи душа моя никогда не была спокойна. Я не мог найти себя среди людей, лишь теперь я в твоём лице нашел свою потерянную жизнь.

Финае молчала. Но и равнодушной к словам Хариса не осталась. Она ответила Харису горячим и поцелуями.

– Почему ты молчишь, Финае? Скажи, ты тоже счастлива? Об этом мне говорят твои губы, их тепло, твои поцелуи.

Финае еще жарче прижалась к нему и тихо простонала. Харис умоляюще произнес:

– Умоляю тебя, скажи мне, счастлива ли ты? Ведь ты уже не ребенок. За одну ночь ты стала взрослой. Женщиной. Ты поднялась на вершину своей девичьей жизни. Ты не боишься этой высоты, Финае? Люди, которые с осуждением смотрят на нас, они стоят гораздо ниже нас с тобой. Они не смогут понять нас. Они рабы правил.

– Харис, я очень счастлива, что с тобой. Ведь ты же прекрасно знаешь, что я не признаю никаких правил.

– Финае, ты своей свободой заслужила право стать женщиной.

– Но ведь свобода сама – великое счастье, знаешь ли ты это? Свобода – это не просто слово. Жизнь дарит ее нам и она же отнимает...

Харис не мог оторваться от Финае. Пробудившие чувства невидимыми нитями связывали его с Финае. Он постоянно лънул к девушке и все не мог насытиться жадой, которую несет с собой любовь.

Они снова были в спальне. Стояли, прижавшись, друг к другу. Так, словно у них над головами поднималось пламя.

– Я познал тебя.

– Я, я... – Финае не смогла договорить и разрыдалась: – Кажется, я схожу с ума...

Харис старался поцелуями стереть слезы, текущие по ее щекам:

– Довольно, довольно... Хватит! А то и я сойду с ума...

Подняв Финае, как пушинку, на руки, он прошел в ванную комнату. Открыл кран и поставил полуобнаженную девушку под теплую воду. Сам он был одет, но совершенно не обратил на это внимания. Они в одно мгновение позабыли обо всем. Для Финае в это мгновение весь мир оказался под водой. Небеса разверзлись над ней. Пошел дождь. Что это был за ливень? Он лил надо всем миром. Мир умывался. Может, этот ливень шел для того, чтобы смыть с мира устаревшие правила?.. Им обоим, уже мокрым, мир казался воскресшим, сверкающим, райским, словно после весеннего дождя...

...Они сели пить чай. Старались не смотреть друг другу в глаза. Несмотря на взаимную любовь, между ними ощущалась какая-то вина.

– Ты будешь говорить? – заговорил Харис.

Финае ответила, не поднимая головы:

– Что? А что говорить?

– О нашей истории.

– Кому рассказывать?

– Родителям.

– Не понимаю, зачем я должна говорить?

– Я тоже так думаю. Разве мы должны отчитываться перед кем-то?

– Но скажи правду, наверное, ты расскажешь своим друзьям...

– Как это могло прийти тебе в голову, Финае? С чего это ты решила, что я стану кому-то рассказывать?

Финае замолчала. А когда она начала говорить, то посмотрела в лицо Хариса:

– В мужчинах есть эгоистическая черта, в них сильно самолюбование. К тому же немного хвастовства.

– Ты изменила всю мою жизнь, Финае! С тех пор, как я познакомился с тобой, я не был близок ни с одной женщиной, девушкой. Хвастать больше нечем. Всякий эгоизм, самолюбование бывают до того, как человек познает себя. Теперь я понял смысл моей жизни, моя душа изменилась. Ты изменила меня, Финае!..

– Ты прав. Я не знаю, чем закончатся наши отношения. Однако к этому прекрасному дню мы пришли, желая этого, любя друг друга. Нас соединили друг с другом наши души, наш духовный мир. Но сейчас я должна уходить.

Харис вскочил на ноги, словно ждал этих слов. Финае прошла в спальню. Оделась, привела себя в порядок, отыскала и надела свои серьги, поискала кольцо. Это кольцо было очень дорогим, чуть ли не антикварной ценностью. К тому же оно осталось на память от матери Зинае, то есть бабушки Финае.

Финае отыскала кольцо на полу в ногах кровати, но когда она подняла его и хотела надеть на палец, то увидела, что камень из кольца выпал. У нее округлились глаза. Она уже надела золотое ожерелье, надела серьги. Но вид кольца с вылившимся камнем потряс ее. Ей вдруг показалось, что она оказалась лицом к лицу перед опустевшей, оставшейся без воды и зерна, мельницей.

Финае внимательно посмотрела на полу по углам, на кровати. Камня не было. Видя, что Финае задерживается, пришел и Харис:

– Что ты ищешь?

Финае показала кольцо на пальце:

– Я потеряла камень. Наверное, упал здесь куда-то. Ночью он был на кольце.

– Финае, я куплю тебе много дорогих колец и сережек. Не переживай...

– Оно осталось от бабушки. Это память. Мама дала его мне и всегда им интересуется.

Харис распахнул окно. Комната наполнилась солнечным светом и свежим воздухом. Чувствуя, что история с кольцом может испортить настроение, и желая перевести все в шутку, он шутливо пропел:

«Кольцо мое с бирюзовым камнем,
Отчего-то сегодня у меня плохое настроение...»

Финае вышла из дома вместе с Харисом. Они не договаривались, куда пойдут. Харис повел машину в самое людное место города – к Центральному универмагу. Лица обоих светились, и было видно, что у них хорошее настроение. Настроение у Хариса было замечательным. Несмотря на его протесты, Финае надела на палец кольцо без камня. Все ее мысли были в маленьком пустом пространстве кольца, откуда выпал камень. Раскаяние

ядом заползало в нее и постепенно захватило все ее существо. В эту ночь она утратила свое самое ценное достояние. «Куда же ты теперь едешь? Дорога домой для тебя закрыта». «Я должна пойти туда». При этих ее словах Харис не стал протестовать. Да и с чего бы ему было протестовать? Его ответы на противоречивые вопросы Финае были тут же готовы: «Я приходила не для того, чтобы выйти замуж за Хариса. На самом деле нас должна соединять любовь. А причина этого в свободе нашего духа, наша общая страсть».

Если бы нашелся человек, который спросил бы у Финае, что означает это чувство, она не могла бы ответить ему. Она понимала, твердо знала только одно, что не совершила предательства против своего внутреннего духа, против своих внутренних потребностей. По мнению девушки, чем сильнее, свободнее, независимее женщина – пока не соединилась с существом противоположного пола – мужчиной, для жизни, для существования не услышавшая зова своих страстей, которые являются энергией для существования, она не может сделать правильного вывода из сложных жизненных коллизий. Для женщины вся сладость жизни открывается только после близости с любимым мужчиной.

Финае и не думала себя оправдывать. Не находя ничего предосудительного в своих поступках, она спрашивала себя: «Если в моих поступках нет ничего предосудительного, почему же мысли об этом не покидают меня».

Харис был тем человеком, которого она искала. Поскольку Финае не была искательницей необузданных любовных приключений, ей были чужды возвышающая душу романтика, полные страданий сентиментальные чувства. Она всегда смотрела с иронией на тех, кто заводил такие разговоры. Она считала их рабами устаревших традиций. А Федаи? Нет, это совершенно другой человек... Философия жизни... Нет, Финае в принципе не хотела попасть в узкие рамки маленькой страны, именуемой семьей. Потому что, по ее мнению, подобная любовь лишает человека самостоятельности...

Когда Харис подал машину к краю тротуара и остановился, Финае отвлеклась от своих мыслей.

– Выходи, Финае, пройдемся по универмагу, а потом я провожу тебя домой.

Открыв дверцу машины, Харис взял девушку за руку. Они вдвоем направились на первый этаж универмага к киоскам, торгующим золотом. Казалось, сюда собрали все ценности мира. Харис направился к отделу, торгующему самыми дорогими драгоценностями. К ним подошла продавщица – красивая женщина средних лет.

– Здравствуйте, Харис муаллим, – с улыбкой сказала она. – Давно вас не было видно. – Показав на подошедшего к ним хозяина всех этих драгоценностей, добавила: – Каждый раз, когда мы получаем новый товар, ваш друг да и я вспоминаем вас.

Харис протянул обе руки старому знакомому. И действительно, после знакомства с Финае у него уже не было необходимости кому-то покупать драгоценности. Продавщица все прекрасно понимала. Она тут же поняла, что Харис явился с новой «жертвой». И видно, это хотела сказать ему...

В отличие от продавщицы хозяин отдела – ровесник Хариса, выглядевший моложе своих лет, смуглый мужчина, своим равнодушным взглядом вызвал у Финае возмущение. Девушке показалось, что этот человек всю свою душу вложил в драгоценности. Ей стало жалко его. И в самом деле – такие люди на фоне сверкающего золота, бриллиантов, драгоценных камней, переливающихся всеми цветами радуги, выглядят жалкими и ничтожными. Здесь золото – судья, а приговоренные – люди. Он со всей осторожностью брал маленькие, похожие на шкатулки, прозрачные коробочки, доставал из них кольца, серьги, осторожно поднимал их, подставляя под свет, а потом дрожащими руками вновь возвращал на место.

Продавщица не сводила глаз с Финае. Ей казалось странным равнодушие, которое проявляла девушка к драгоценностям. И хотя кольцо на руке было очень дорогим, однако продавщица зорким глазом увидела, что камня на нем нет. Она снова бросила взгляд на

Финае: «Кажется, эта девушка мне знакома. Вспомнила. Я видела, как она по телевизору читала стихи. И в журнале ее стихи печатались».

Продавщица была начитана, любила литературу. Поэтому удивилась, как это она сразу не узнала Финае, когда та вошла в их отдел.

– Жалко...

Финае оглянулась на это странное слово. И оказалась лицом к лицу с продавщицей.

– Жалко, – сказала та, – как быстро ты потеряла камень с кольца.

В их разговор вмешался Харис:

– И даже не знает, где потеряла, мы долго искали, но не смогли найти.

– Увы, – сказала продавщица, оборачиваясь к Харису, – многие не могут найти потерянного. – Словно взгляды говорили: нет, господин, ошибаешься – что такое камень в сравнении с напастью...

Хоть мысли и сжимали Финае словно тиски, мучили, но не могли сломить ее гордости. Сейчас, когда она поняла, что означают взгляды продавщицы, мучившее ее внутри полусутишь вырвалось вздохом «ах» наружу: «Счастье я потеряла или камень от кольца?»

Финае и не думала, что Харис подарит ей дорогой подарок. Сюда же она пришла, освободиться от мучавших мыслей и дум, немного прогуляться и проветриться. Поэтому она решительно заявила:

– Пойдем, Харис, ничего не надо.

Харис понял Финае: драгоценности действительно не имели для нее значения.

Взявшись за руки, они прошли в большой зал. Здесь висели свадебные платья, одно другого красивей: белоснежные, ярко-красные, голубые, розовые...

Увидев напоминающих стройных манекенщиц шеренгу свадебных платьев, Финае постаралась быть сдержанной. Но от Хариса не укрылся ее долгий взгляд на свадебные платья. Она захотела дотронуться до одного из них. Но тут ей показалось, что платье закричало: «Не смей прикасаться к нам!»

Господи, сколько же мучений она пережила прошлой ночью, предаваясь наслаждению, вожделению, может, даже любви?! Конечно же, среди четырех стен рядом с Финае был именно он – Харис... Тот Харис, который смял как попало испачканную кровью простыню и побежал с ней в ванную...

Глаза Финае расширились. Вдруг все свадебные платья поднялись вверх и закружились перед ней в хороводе...

Харис взял за руки отчего-то прижавшуюся к нему девушку:

– Пройдем, Финае, ты устала, тебе нужен отдых, – сказал он.

Харис провел Финае, у которой заплетались ноги, через застекленные двери универсама и медленными шагами пошел к машине.

Несколько лет назад бакинский Приморский бульвар выглядел совсем иначе. Вода в море поднялась, поэтому отдельные участки берега были залиты грунтовыми водами, цветы сгорели и погибли, деревья высохли. За последние годы в результате происходящих событий люди чуть не потеряли головы, забыв обо всем на свете – не думая о море, земле, небе. Молодежь, украшающая берег своим присутствием, на бульвар не приходила, не видно было и стариков, которые бродили бы по берегу, вспоминая былые дни, сидели бы в тени, освежалась под морским ветерком от многолетней усталости.

Не предали бульвар лишь чайки. Еще громче стал звучать крик истиц вечных обитательниц этого берега в течение многих лет.

Но недолго продлилось царство одиночества на этом, продуваемом то северным, то южным ветрами бульваре. Общество, преодолевшее исторические катаклизмы, начало

осваиваться с новыми условиями. И тогда люди стали снова стекаться к бульвару. Парк был заново осушен, в аллеях уложен новый асфальт, игровые площадки расширились. Атракционы, качели раскрасили в красный, голубой, повсюду посадили новые цветы. Один из редких городов мира Баку, эталон красоты которого – Приморский бульвар, – вновь зажил кипящей жизнью.

Было уже поздно, прохожих не было. Редкие крики птиц доносились из темнеющих волн и исчезали. Отдельные машины с шумом и дымом проезжали по городу. Только группа молодых людей, вышедших на прогулку по бульвару, еще не расходилась. Они были беззаботны и счастливы, не чувствовали усталости, словно для них не существовало ни времени, ни пространства. Они пересмеивались, шутили, хохотали, разговаривали.

Вокруг светили стоящие вдоль берега фонари, а в небе сияла полная луна. Но эти огни, шум моря, чистый воздух не в состоянии были открыть внутренней замкнутости людей, идущих в этот час по берегу. Если бы это было днем, то одиночество Финае, идущей среди счастливо гуляющих, заметили бы сразу. Но сейчас... Казалось, что друзья, с которыми она уже несколько лет училась в группе, не замечали, в каком она состоянии. А если и замечали ее плохое расположение духа, тогда почему временами они подшучивали над ней, старались приобщить ее к своим разговорам, шуткам.

Однако у друзей ничего не получалось, Финае была в своем мире. Более того, с насмешкой относясь к их попыткам, девушка была рада, что друзья не видят, как меняется выражение ее лица. Хорошо, что они не догадывались, что творится в бедовой голове Финае.

Ровесники казались ей посторонними. Финае выглядела постаревшей, как бы достигшей ста лет, в отличие от сокурсников, сумевших сохранить свежесть молодости. Они словно были покрыты росой юности. Как несколько лет назад Заур, Фаик, Закир в ее глазах были детьми.

В душе Финае не была завистлива, она всегда смотрела на людей с оптимизмом, безумно любила все на свете. А что же в ответ она видела от общества, от этого, не до конца понятного сообщества людей? Финае знала, каким сложным существом является человек. И понимая это, барахталась в пучине противоречивых мыслей. В ее жизни обязательно присутствовала и Рахиба, которую надо было понять, и она краем глаза следила, что же она собой представляет. Эта девушка с очень похожей судьбой, от которой у нее давно не было секретов. Но сейчас, глядя на Рахибу, она видела, что в отличие от нее дом ее души был цел, не разрушен.

Она запуталась, не могла угадать, что ждет ее в будущем. Может, поэтому она так отнести боролась со своими мыслями.

Вот и Крепость¹³... Они даже не заметили, как дошли сюда; крепостные стены, словно внезапно появились перед их глазами. Звуки шагов на каменной мостовой тихого города отдавались эхом. Иногда на верхних этажах какого-либо дома, нависающего прямо над головой прохожего, открывалось старинное окно, кто-то смотрел вслед идущим по улице молодым смеющимся людям, кого-то трогало счастье молодости, а кто-то привычно ворчал: «Бездельники, даже по ночам не расходятся по домам, людям спать не дают!»

– Бездомные бродяги! – прокричала им вслед женщина, лицо которой было покрыто морщинами, как стены Крепости. Она воистину прокричала эти слова и все их явно услышали. Женщина еще и выругалась вслед, и в ее голосе не чувствовалось и доли шутки к этим людям, которые в этот час ночи заполонили улицы подобно иноземному войску. Но молодые люди словно ждали этого недовольства, этих укоров, и пришли на старые бакинские улицы, чтобы услышать их, и в ответ радостно рассмеялись.

– Что же ты не спишь, бабуля?

¹³ Крепость – Ичери Шехер, средневековая крепость, историческая часть Баку.

– Не болтай глупостей. Вот постареешь, останешься один-одинешенек, а компания бездельников нарушит твой сон, вот тогда и узнаешь, почему я не сплю.

В свете большого фонаря, висевшего на противоположной стороне улицы, Финае отчетливо видела отблески пугающих глаз старухи. Бедняжка и в самом деле задыхалась под крышей от одиночества...

Через пятьдесят-шестьдесят лет и она сама, и ее друзья, весело галдящие сейчас, если останутся живы, будут в таком же положении...

И вдруг Финае громко рассмеялась. Все удивленно посмотрели на нее.

– Как здорово, что твои морщины разгладились!

– Не найдет...

– Чего? Или снова тебя обуяло поэтическое вдохновение?

– Я о старухе. Она потеряла молодость, вот и ругает нас.

– Ее все потеряют...

– Главное, найти замену утраченному. Семья, дети – вот замена молодости.

– А ты поняла это только нынешней ночью?..

Закир, еще не утративший молодости, встал напротив нее. В нем был вызов, присущий победителям. К тому же Финае почудилось, что Закир смотрит на нее сверху вниз. Сейчас он мог выложить ей все, что угодно. Он мог с иронией говорить о ее гнилой философией и идеалах. Да, Закир именно так, «гнилой философией», называл подобные рассуждения Финае.

Они стояли под светом фонаря. Отчетливо видели друг друга. Нет, в глазах Закира Финае не видела презрения, напротив, его глаза излучали жалость, милосердие, сердечность. Закир стал взрослым. И кажется, был не тем Закиром, на которого Финае насмешливо смотрела как на ребенка. Чтобы смягчить разговор, Финае сказала:

– Пусть Аллах воздаст каждому по его вине.

– Нет, Финае, Аллах всегда на стороне своего раба. И указывает ему путь к себе.

– Ладно, Закир, не будь муллой, – с издевкой сказал Заур.

Фаик тронул Заура за руку:

– Может, окно, которое открыла та старуха, и есть путь, о котором говорит Закир.

Девушки засмеялись. Их смех немного смутил Финае. Но она постаралась скрыть это. Зачем ребятам видеть, как у нее меняется настроение? Поэтому не стоит выглядеть такой удрученной. Надо иногда разговаривать, поддерживать беседу ребят. С этой мыслью она сказала:

– Правы и Закир, и ты, Фаик. Если судьба старухи такова, как я думаю, значит, ее окно, открывшееся для нас, – путь к воспитанию. Кто не слеп, взглянет в это окно и сможет увидеть себя.

Приняв серьезный вид, Заур сказал:

– Ладно, бросьте вы, нечего разводить философию ночью посреди улицы.

На этом разговор закончился. Закир, который собирался что-то сказать, промолчал, решив, что не стоит зря тратить время. Зачем попусту спорить с человеком, чуждым их юности, по крайней мере, их студенческому миру?

Отчего-то этой ночью он вспомнил пришедшую на память после приема в ресторане «Сатир» «кладбищенскую историю» с председателем колхоза и так и не дописанную статью. Странно, что история со старым черепом припомнилась ему, когда он взглянул на Финае. «Господи, как же быстро человек может утратить свое лицо и превратиться в старый череп!..»

Закир даже почувствовал озноб при мысли о том, как близка смерть. Но тут же взял себя в руки. Видно, устал, надо возвращаться домой, отдохнуть. Завтра начнется напряженная трудовая неделя.

По каменным мостовым Крепости они прошли к метро.

Каблучки Финае стучали по булыжникам мостовой. И каждый стук отзывался в голове ударом молота. В таком состоянии мозг находил даже забытые вещи, мучая и без того изможденное тело. В памяти пробуждались печальные мгновения, душа обременялась удушающим настроением. В этот миг, в этот час внутри нее шла борьба, она уничтожала все, что было, улетала, разрушая все вокруг... Хоть бы минуту передышки, но увы, постоянно работающий, как мотор, мозг, возрождал в ее памяти не желаемые воспоминания, стучал в висках, уничтожая Финае...

Куда бежать от себя и как?

...Мир оставался к ней равнодушен...

Быть может, подруги?.. Может, подумала она, рассказать всю свою жизнь подругам, может, тогда полегчает на сердце?

...Но нет, сейчас и она, как мир вокруг, была равнодушна...

Свернувшие за угол узкой улицы друзья по одному исчезали. Финае осталась позади. Кто-то стоял на середине узкой улицы, где мог стоять всего один человек, Очевидно, у него были недобрые намерения, раз он преградил путь. Он принялся допрашивать Финае:

«– Ты не пройдешь. Ты должна была знать давно, что когда-нибудь на узком жизненном пути кто-то остановит и спросит с тебя».

«– Почему я должна расставаться с ними? Должна ли я кому-то давать отчет?»

«– Твои пути разошлись с этими девушками с того дня, как ты потеряла кольцо».

«– Но ведь я не одна. Нас много, нас сотни, тысячи, миллионы... Не сможешь же ты преградить путь каждой из нас? Такие, как мы, были всегда и будут в дальнейшем. В жизни мы всегда наслаждались каждой радостной минутой. Мы всегда в поисках любви, причем не ждем никакой платы за нее».

«– Нет, это был не твой путь...»

«– Но кто ты? По какому праву ты встал у меня на пути среди ночи?»

«– Я тот самый человек. Я хожу вслед за тобой, собираю твои грехи...»

«– Ты... Ты... Федаи?»

«Да, я – Федаи, свидетель горьких истин...»

«– Горькая истина – это я?»

«– И ты горькая истина, но я имел в виду не тебя. Когда армянские агрессоры напали на нас, наши бедные девушки, женщины, чтобы не достаться им, бросались со скал. Ты, наверное, слышала о наших женщинах, которые выбирали смерть, лишь бы не стать добычей врага. Сколько наших девушек и женщин погибли в водах Арза! Но это для тебя ничего не значит».

«– Самоубийство – это оскорбление самого человека. Я каждый шаг делала по собственной воле. Я не ставила преграды своим желанием. Поэтому я не вижу своей вины в прожитой жизни».

«– Ты могла бы стать достойной матерью. Жаль, что ты не выбрала этого пути...»

«– В тебе говорит неудовлетворенная любовь. Ты не знаешь, что творила со мной судьба? К сожалению, она лишила меня возможности стать матерью...»

«– Ты понесла свое наказание. Тяжелое, но достойное наказание...»

«– Отчего ты так жесток?»

«– Жесток не я, а ты. Ты безжалостно задушила мою любовь...»

«– Ты все тот же Федаи...»

«– Но ты уже не та Финае. Понимаешь ли ты сама, в каком ты положении?»

«– Если ты прежний Федаи...»

«– Да, я все тот же Федаи. Чью любовь, чьи чувства ты растоптала, Федаи, чьей нищей матери ты не захотела стать невесткой...»

«– Нет, Федаи, я помню твою любовь. Она нанесла мне большую душевную боль. По прошествии стольких лет эта любовь постоянно шагает рядом со мной. Потому что это застенчивая любовь. Нет, Федаи, я ее не забыла».

«– Уже поздно».

«– Но я могу видеть тебя только в свете этой любви. Но сейчас уже невозможно что-то повернуть назад. Все мосты в прошлое уже сожжены. А мой путь вперед преграждает ты».

«– Ты должна была знать, что однажды этот твой путь будет прерван...»

Словно тонкая нить внутри Финае оборвалась. Все в ее глазах потемнело, она чуть не упала...

Не в силах взять себя в руки, она прислонилась головой к стене. Резкая боль прогнала темные мысли. Но в ту минуту, когда она со стоном схватилась за сердце, Федаи пропал. Она не знала, сколько времени продолжалось ее беспомощность. Время перестало для нее существовать. Она не знала, наступил ли вечер, стемнело ли или наступило утро и уже светло.

Если уже наступил вечер, то она должна спешить, иначе она в темноте затеряется в этих узких переулках. А если уже наступило утро, то это еще хуже. Гораздо мучительней находиться под жалостливыми взглядами.

Она постаралась как-то взять себя в руки. Быстро поднялась по ступенькам. Ноги ее обрели прежнюю силу. Когда она с трудом прошла между узкими стенами, чуть ли не прижавшимся друг к другу, она обрадовалась, как дичь, вырвавшаяся из сети. На сердце было легко. Сейчас в душе властвовали приятные воспоминания.

В лучах заходящего осеннего солнца чуть поодаль от берега в лодке стоял Харис и звал ее. Харис, ставший под солнцем медного цвета, было очень крепок и сейчас на расстоянии в лучах солнечного света напоминал легендарных героев Древней Греции.

Харис стремительно приближался к ней. По мере его приближения начали гудеть тысячелетние стены Крепости, словно начиналось землетрясение. Его решительный шаг словно рушил почерневшие стены, раскидывая в стороны камни. Сейчас уже не были видны запутанные улицы и переулки Крепости. Небывалым образом кривые переулки исчезли. Финае видела перед собой только Хариса. Федаи уже пропал. Она была в растерянности и не могла понять, снится ей это или нет. Через мгновение сможет ли в ее мыслях Федаи, создающий своим судом хаос, Федаи, ищущий истину, преградить путь огромному, могучему, легендарному Харису?

Финае совершенно запуталась в своих мыслях. Она одновременно существовала и в сегодняшнем дне, и во вчерашнем. Вот сейчас мысленно она стоит под жаркими лучами солнца и слушает, что ей говорит в тени одинокого дерева Харис. К кому она должна обернуться? К безумно любящему ее чистой любовью Федаи или к сильному, могучему Харису?..

Финае с удовольствием ездил на пляж. Люди, исподтишка с любопытством разглядывающие друг друга, казались ей такими разными...

Хотя людей и отделяет от предков миллионы лет, у человеческого рода есть повадки, которые не меняются. Во всяком случае, от тех древних людей, группами бродившими по лесам в поисках добычи, спящих вместе в пещерах, готовых разорвать на куски противника ради еды или спаривания – нынешних людей нравственный барьер отличал не очень. Может быть, то же самое злобное и ничтожное чувство, сохранившееся в памяти крови более миллиона лет, побуждает нынешних людей к кровавым войнам. За преступлениями, жадной собрать как можно больше богатств, ради чего они идут на обман, строят друг другу западню, кроется то же самое сознание древних людей. Жадный,

придумывающий в течение дня любые, самые невероятные подлости, лишь бы набить желудок древний человек... Но кто же тогда современный человек? Так и оставшийся в плену первобытных чувств, только внешне отличающийся нормами поведения его величество человек, чьи поступки неуклонны в своих желаниях?..

...Пляжные воспоминания будоражили мысли Финае, когда временами она глядела на лежащих полуобнаженных людей, то понимала, что к морю их тянет чувство, присущее древним людям. Оставим в стороне поверхностность сознания, однако как счастлив был в те годы древний человек, какой свободной жизнью он жил! Только от него зависело, в какой пещере, рядом с кем ему жить. И никакие законы не могли воспротивиться проявлению его свободных чувств. Появление правил воспитания, обхождения с близкими создали для будущих поколений безжалостные сети. Но как же получилось, что люди, забыв о своем прекрасном прошлом, сунулись в узкие, удушающие тюремные стены правил?

Люди, следы предков которых отпечатались на скалах, сейчас придумали сотни нравственных завес, лицемерно скрывали за ними свои чувства, будто бы сюда на пляж они приехали только для укрепления собственного здоровья, отдохнуть и развлечься.

А может, все это не так?! Может, во всех этих размышлениях логики не больше, чем на острие игольного ушка?! Может, эти странные размышления рождаются злобной бурей в душе Финае, от ее предвзятого отношения к жизни?! Господи, какой же груз мыслей может носить в себе, уносить на крыльях размышлений человеческий мозг!..

Лето прошло. Из-за рано наступившей прохлады количество людей на пляже заметно убавилось, даже мерно плещущие волны как будто устали. Прохладное дыхание осени забрало обжигающий жар камней и песка.

У ресторана «Сатир» стало меньше забот о пляже. Сейчас гости приезжали в основном по вечерам. Здесь были все условия для того чтобы провести ночь, развлечься, отдохнуть. Вдоль правого берега чуть повыше находилась танцевальная площадка, на которой все лето было шумно, гремела музыка. Бушующая в крови страсть толкала людей к близости, не давала им покоя, не позволяла спокойно сидеть на месте. От танцев камни под ногами блестели.

Можно сказать, что Харис с Финае провели все лето в «Сатире». В отличие от первой поры знакомства материальное положение Хариса значительно улучшилось. Он превратился в одного из самых состоятельных людей города. И ресторан «Сатир» принадлежал фирме, в которой он работал. Финае все это видела и прекрасно знала.

За совместно проведенное время Финае как следует узнала Хариса. О работе он говорить не любил. Он помалкивал о своих связях, о том, что делает. Никто не знал, сколько и как смог он заработать за последнее время. Из того, что рассказывала Финае Рахиба, выходило, что никто, даже самые близкие люди, не были в курсе источников его дохода. А то, что Финае не интересовалась его личными делами, Харису нравилось. Главное, что Харис исполнял любое, самое маленькое желание девушки.

По мнению Хариса, деньги были лишь средством для исполнения желаний. Девушка была с ним в этом согласна. Несомненно, в натуре Хариса можно было найти недостатки. Потому что его величество Время само каждый день выставляло их напоказ. Может быть, другие не видели в нем этих недостатков или не придавали им значения. Но Финае не могла не видеть недостатков человека, которого любила всем сердцем, дыханием которого жила. Когда Финае сравнивала знакомых ей мужчин, она, несмотря на недостатки, отдавала предпочтение лишь одному человеку – Харису. К тому же кто определит критерии того, кого можно считать хорошим, а кого – плохим, кто достоин, а кто – нет? Тот или иной поступок, который многие считают плохим, может быть

проявлением его смелости, умения? С этими мыслями девушка еще сильнее привязывалась к Харису. Даже его жадность она не могла считать недостатком. По сути дела Хариса нельзя было считать жадным. Просто он не мог задушить в себе желания быть богатым и иметь еще больше денег.

Это и отличало их. В противоположность от Харису, Финае, можно сказать, совсем не стремилась иметь много денег, получать богатые подарки. Может, причина этого была в том, что Финае выросла в богатой семье и не понимала прелести драгоценностей, богатства. За эту черту Харис, по его собственным словам, преклонялся перед Финае. Временами, хотела того Финае или нет, Харис делал ей богатые подарки, тем самым показывая, как он ее любит.

А для Финае самым дорогим подарком были мгновения, когда Харис дарил ей свою страсть и наслаждение.

...К черту все, да здравствует любовь! Ничто не заменит вкуса жизни для двух сердец, которые вместе познают радость любви и наслаждений. Конечно, Финае думала и о другом: интересно, чем закончатся их встречи с Харисом, выведет ли ее судьба на широкую дорогу или в какой-то узкий тупик? Временами она по нескольку дней пряталась дома, но очень быстро начинала скучать. Сильно, очень сильно скучала. Какие-то неведомые таинственные заклинания, которые невозможно было выразить словами или даже сформулировать в мыслях, тянули ее к Харису. «Ты прямо как луна и солнце, когда ты придешь ко мне, когда мы увидимся?», – слова Хариса, звучащие в телефонной трубке, водопадом струились по ее сердцу и смывали всякие черные мысли, поселившиеся в ее душе. Всякие спутанные мысли о судьбе и жизни исчезали под силой любовного томления, страсти и казались дешевыми и бессмысленными. Каждый раз, когда она млела в руках Хариса, обнимающего ее за талию, когда чувствовала его жаркое дыхание на теле и на своей шее, то погружалась в море истинного наслаждения. И немало было мгновений, когда она была на грани потери сознания, готова была лишиться чувств. А Харис, чтобы вернуть ее в чувство, целовал ее, ласкал и шептал сладкие слова нежным, полным любви голосом:

– Финае, где ты, приди в себя.

– Я в океане...

Финае отвечала ему голосом, доносившимся словно из глубины океана, откуда стон человека едва слышен или не слышен вообще. Да и откуда было взяться голосу, лишь по движениям ее губ Харис чувствовал, что она на дне океана, ловя ее неслышное, бесконечное желание.

Харис смеялся, радовался, воодушевлялся.

– Какой океан, девушка, ты дома. В нашем доме, рядом со мной.

– Нет, я плыву в море.

– В каком море?

– В море счастья.

– А ты не утонешь?

– Нет, ведь ты рядом...

...В ту ночь они остались ночевать в «Сатире». Напротив ресторана на пляже для самых уважаемых гостей было отведено отдельное место, где в ту ночь Харис был счастлив, точнее, стал свидетелем картины небывалого счастья...

...Проснувшись утром, он не увидел Финае рядом с собой. Он натянул плавки и пошел в сторону специально отведенного пляжа и увидел... Отдыхающую на пляжном топчане морскую фею, сирену Финае, вытянувшую вперед одну ногу, а другую согнув в колене...

Харис словно застыл перед этой невиданной красотой, он мог только восхищенно смотреть на нее. «Господи, что это за чудо, что это за красота?!»

В этот момент неожиданно выглянуло солнце, оно явилось словно крыло бабочки из-за тюлевой занавески и показало миру свое сияющее лицо. В одно мгновение исчезли превратившиеся в легкие волокна белые облачка. Огромный шар солнца водрузился на своем месте, явился во всем блеске, прищурился и взглянул на эту морскую фею, лежащую на спине... Может, это и нельзя было назвать «взглянул», солнце медленно разглядывало ее. А морская фея своей красотой делала волшебным, чарующим само существование солнца...

Солнце на миг растерялось, ему захотелось спрятать свое пылающее лицо. Потом ему стало немного холодно, его пробрал даже легкий озноб. Оно как будто не знало, что делать с этой лежавшей перед ней красотой, оно словно устыдилось себя... Такой красоты оно до сих пор не видело. На миг оно даже признало собственное поражение перед этой красотой. Серые тучки закрыли его лицо, земля покрылась легкой тенью...

Оно с трудом взяло себя в руки. В одно мгновение небо и земля поменялись местами, удивительная, волшебная сила победила. Солнце всем своим существом обняло девушку...

В это время солнце позабыло о том, что оно является светилом. Девушка вся горела. Пламя, прибрежных песков, впиталось в ее нежное тело, жар, превративший каждый ее мускул в пылающий уголь, огонь согрел солнца, возбудил его, превратил вечное пламя в жар кузницы. Солнце умиротворилось этой сводящей с ума, пьянящей картиной, и невольно слило свое тепло с теплом разнежившейся девушки. Оно одарило прекрасный, нежный, мраморно-белый живот девушки, ее крепкие, свежие груди и отлитые, словно из мрамора белые, длинные ноги новым теплом.

Финае понравилось это прикосновение. Она еще ни от кого не видела такого жаркого прикосновения, такого приятного заигрывания, такой пылкости тепла. Словно это был прием, состоявшийся месяц назад, и нежные облака чуть позже окутают ее фатой, чтобы святость этой картины осталась для всех тайной. Она почувствовала внутри легкость и глубоко вздохнула.

Невольно она положила правую руку на свой живот, и словно внутри нее что-то задрожало, пришло в движение, что-то шевельнулось, от этого ощущения девушка вздрогнула. Ей показалось, что в это мгновение солнце своим загадочным светом, жизнетворным теплом наполнило ее тело. Она забеременела от солнца...

Это состояние вызвало дрожь в девушке, она хотела вывернуться наружу, чтобы снова увидеть этот свет, это лучезарное сияние. Она немного растерялась, а когда пришла в себя, застенчиво взглянула в дарящий надежду лик солнца и счастливо улыбнулась...

С гладкой поверхности моря, касаясь волос Финае, дул мягкий ветерок. Необыкновенно сложенное пропорциональное тело, окрашенное солнцем в кофейный цвет, было, можно сказать, почти обнажено. Только приглядевшись, можно было увидеть розовый купальник, начинающийся низко, почти у пупка, и напоминающий вспорхнувшую бабочку. Верх ее высокой груди был открыт, черные точки на вершинах груди напоминали две изюминки, упавшие на сливки. Эта морская фея, лежавшая неподвижно, словно совсем недавно явилась из воды. Влага еще не высохшая на ее теле, сверкала, переливалась красновато-желтым светом только что наступившего утра. Самый светлый, самый сильный луч влюбленного в девушку солнца, вырвавшись из самого сердца, коснулся сжатых колен мокрой феи, а потом пополз к низу глубокого пупка, к ее «вспорхнувшей розовой бабочке», оттуда – к изюму на сливках – вершинам грудей, и, начиная с пальцев ног, протянулся до самых волос, умоляюще пополз на коленях, достигнув губ, изогнувшихся в божественной улыбке, и исчез. Любовь солнца, стекая с губ девушки, наполняла душу.

Пляж для двоих... «Честное слово, я счастливый человек», – прошептал Харис. Не потому, что этот золотой ангел принадлежит не пескам, не волнуемому морю, не небу, которое широко раскрыв глаза восхищенно смотрит на спящую девушку, не прохладному

ветерку, идущему с глади вод, не солнцу, которое покрывает нежными поцелуями ее прекрасную, сияющую, нежную кожу, а ему, именно ему.

Эта божественная красота взяла в плен Хариса, превратив его в бессловесную, безжизненную статую.

...И долго еще не стирался из памяти Хариса этот день, вечный, как сама природа, наполненный песком, морем, солнцем...

Выйдя из машины, они бегом бросились к берегу. В последние месяцы Харис казался еще более проворным, еще более жизнерадостным. События последних месяцев как бы вычеркнули из его жизни двадцать лет. Так что разница в возрасте почти исчезла.

После того разговора в доме Хариса они один день в неделю встречались на море, проводили вечера в лодке, которая мерно покачивалась в объятиях волн перед рестораном «Сатир».

Рядом с лодкой была раздевалка, где они могли переодеться. Финае знала, что этот маленький участок пляжа вместе с этой лодкой и вообще весь этот уголок принадлежит Харису. Декоративный забор с красивым заросшим кустарником изолировал этот участок пляжа.

Харис быстро разделся и отвязал лодку. Финае спрыгнула в нее с относительно высокой скалы. Лодка чуть не перевернулась. Отпустив весла, Харис подхватил Финае. Все тело девушки, каждый участок ее кожи звал его. Накренившаяся лодка выровнялась, Харис поцеловал, приласкал девушку, потом сел на свое место и начал грести. Они постепенно отдалялись от берега. Прохладные брызги воды попадали им в лицо.

Иногда Финае плакала от переполняющих ее чувств, и жемчужины ее слез были подобны каплям морской воды. Да, временами на Финае нападал такой плач, как было под душем после знакомства с Харисом. И еще раз, когда...

Они отплыли от берега, став в глазах других маленькой черной точкой. Оба были уверены, что они уплыли далеко. Харис оставил весла. Финае птицей бросилась к нему в объятия. Да что там неделя, они словно не виделись годы.

Харис прижал к себе Финае. В этот миг Финае была частью его самого. Кроме Финае никого и ничего больше не существовало – ни на земле, ни в воде, ни на небесах...

Они прижались друг к другу, подобно змеям, выползшим на прохладу в безлюдной пустыне. Лодка перевесила на одну сторону и дрогнула. Оба чуть не свалились в воду. Высвободившись из объятий Хариса, Финае сняла с себя купальник и отбросила его в сторону.

В тихую безветренную погоду покачивающаяся от мелких толчков лодка была свидетелем бесконечности и богатству человеческих чувств.

Мерное покачивание лодки напоминало колыбельную, которую пел мифический бог Эрос...

Солнце постепенно садилось, красный небосклон окутывал морскую гладь. Всегда синее, отдающее голубовато-зеленым оттенком море окрасилось в красный цвет, это показалось Юсифджану привлекательным. Вдруг ему почудилось, что все вокруг окрасилось в красный цвет. Радуюсь открывшейся перед ним неповторимой картине, Юсифджан пожалел, что до сих пор он не мог любоваться этим волшебством. Может быть, раз в десять или даже в сто лет природа создает такую чудотворную, неповторимую картину. Он почувствовал внутреннюю уверенность, что мир был создан именно

благодаря таким вот реальным картинам природы. Видно, и сам Саттар Бахлулзаде, рисуя «Картины Кубы», оказался лицом к лицу с этим редким явлением природы...

Стоявший, как памятник, значительно выше берега на скалах Юсифджан испугался, что может упустить такую картину, и стал быстро готовить свой мольберт и краски. Сначала он огляделся вокруг. Может, начать прямо отсюда, с места, где сидишь? Удивительно, сегодня даже лодки казались ему не такими, как обычно. Камни напоминали силуэты людей. Словно минутой раньше здесь шел страшный бой, люди изрезали друг друга на куски и погибшие окаменели.

Несмотря на производимую скалами печальную картину, в душе художника появилось ощущение, что он находится на пороге большого творческого подъема. Это был творческий взрыв: увиденную в это мгновение картину, не пропуская ни единой детали, он торопливо стремился перенести на холст. Боясь, что ставший в его глазах необыкновенным этот пейзаж станет заурядным...

Юсифджану, родившемуся в нагорной¹⁴ части города, имя дал дедушка. Едва мать родила беленького, пухленького ребенка, его, еще не издавшего первого крика, отнесли к нему. Дедушка был человеком верующим. Он что-то долго шептал про себя, немного подержал мальчика на руках, разглядывая его личико, а потом его хмурое лицо расцвело в улыбке: «Это же Юсифджан! Господь таким красивым создавал только Юсифа. Так давайте же младенца назовем Юсифджаном».

Выросший под этим именем Юсифджан в дальнейшем освоил такую специальность, которая придало ему лишь большую красоту. В своих картинах он старался передать внутренний, духовный мир людей, не причиняя боли, в то же время с помощью красок старался красоту живого мира олицетворить языком своих образов.

Сияющее, чистое, белое лицо Юсифджана в купе с голубыми глазами напоминало простирающееся до горизонта море. Его волосы, которые под легким ветром отливали серебром, напоминали волнуемое море. Он не носил бороду, как другие художники. Когда он стоял у мольберта, длинные волосы, спадающие до плеч, делали его похожим на рыцаря.

На улице среди людей он всегда казался задумчивым. Хоть его полотна и получали премии на международных конкурсах, он до сих пор не смог почувствовать истинной радости художника. В газетах, по телевидению о нем писали, говорили, рассуждали о его творчестве, но при этом он сам выглядел угрюмым, в его глазах не исчезала печаль. В душе Юсифджан чувствовал какую-то пустоту, он походил на человека, который не может вздохнуть полной грудью. Всем своим существом он ощущал, что его нужды, внутренние потребности не соответствуют этому миру, а его мир очень далеко. Но где? Как далеко?

Дочери Юсифджана тоже стали художницами. Как ни старалась его жена, воспитательница детского сада Зарифа ханум, как ни порхала вокруг него бабочкой, однако ей не удалось растопить лед одиночества в груди мужа. Когда он уходил из дома с кипой бумаг, если кто-то его спрашивал: «Куда ты идешь?», он отвечал одной фразой: «В бой».

Он хорошо знал поэзию Физули. Поэтому, если этот вопрос – «умирать или убивать?» был задан кем-нибудь из шутников-соседей, то он отвечал «враг силен, а судьба плутовка». Естественно, любопытный гость понял бы переносное значение этих слов, и это значение было связано ни с чем иным, как с творческим жаром.

...Оставив мольберт, Юсифджан подбежал к высоким скалам, прикасаясь обеими руками к камням. Художнику показалось, что эти тысячелетние камни, покрытые мхом, застонали от его прикосновения. И, наверное, смысл этого стога был: «Не рисуй, не прикасайся! Ты не сможешь нарисовать нас как скалы, как камни! Мы живые, только что

¹⁴ Исторический район Баку.

вышли из боя! А красный цвет, который ты увидел на поверхности моря, это наша кровь, которая стекла и смешалась с морем!»

Ниже скал, на пляже, тянущемся от ресторана «Сатир» в сторону города, людей было не так много, как в летнюю жару, но достаточно. В Баку так всегда: сентябрьская жара не уступает летней. Полуголым людям и в голову не приходило, что кто-то сверху смотрит на них. Люди ныряли в море, потом выходили и ложились на песок. По краю берега с криками бегали детишки. Но ни один из этих звуков не долетал вверх, до застывшего на скалах Юсифджана. Именно в этот миг взгляд Юсифджана, устремленный в море, разглядел там маленькую, кажущуюся оттуда точкой лодку. Лодка мирно, не взирая ни на что, покачивалась на волнах. Кажется, в ней были люди. Да, два человека... Юная девушка во всем своей красе горела под лучами солнца. В объятиях сильных рук она позабыла обо всем. Эти люди с этот момент стремились полностью слиться с природой на фоне необыкновенной, бесподобной красоты вселенной, они плыли в море счастья, примкнувшие друг к другу.

Отчего-то в этот момент Юсифджану вспомнилась Финае, и ему стало смешно. Никто не мог с такого расстояния разглядеть в девушке Финае. Поэтому Юсифджан перестал думать об этом.

Золотые лучи заходящего солнца окрасили все вокруг в красный цвет. Может именно таков оттенок настоящего счастья? На какое-то мгновение он позавидовал этим людям. Огорчился, подумав о том, что они снова должны будут вернуться на берег. Нет, они не должны возвращаться. Дорога к счастью на другой стороне – по направлению в глубине моря. В самой глубине моря окрашенного в красное...

Юсифджан напряг внимание и стал работать за мольбертом. Берег, на некотором расстоянии от берега скалистая местность... Он спешил перенести все это красками на бумагу. Там, где море соединяется с горизонтом, на самом краю, солнце последний раз озаряет мир и исчезает. Но проникающий из его существа красный цвет оставляет неизгладимое пятно на поверхности моря. На этом красном фоне двое лежащие в лодке, в пылу своей страсти, позабыли обо всем на свете. Время, касаясь их тел, освещенных заходящим солнцем, ласкало их нежным прикосновением и текло дальше.

Юсифджан преподавал в Академии художеств. Он учил своих студентов, что природные пейзажи никогда не повторяются. Если у вас есть талант и пойманную в одно мгновение картину вы смогли воспроизвести, тогда она станет примером вечно живого произведения искусства. В противном случае надеяться не на что.

Кажется, сам Юсифджан, искавший всю жизнь это божественное, вечное мгновение, смог поймать его сейчас. Это вечное полотно было совсем близко, только руку протяни. Поэтому он сейчас работал как сумасшедший. Он старался сохранить в памяти все увиденное и перенести его на холст.

Первые эскизы, можно сказать, были готовы. Изображение этих двух людей в лодке, отпущенных по воле судьбы на фоне чарующей природы, давало Юсифджану возможность ожидать успеха, точнее, достичь его. Ведь в искусстве шанс – незаменимое средство. Юсифджан встал, чтобы взглянуть со стороны на то, что у него получилось. Пейзаж сейчас несколько изменился. Солнце совсем зашло, но несмотря на это все вокруг было отлично видно. Люди на берегу расходились.

Так как огни ресторана «Сатир» освещали все вокруг, то большинство людей, бывших на пляже, собрались здесь. На танцплощадке было многолюдно. Но этот вид Юсифджана не привлекал. Он снова оглянулся на полотно, над которым работал. Оно освещало все вокруг красным отблеском. Юсифджану показалось, что и руки его стали красными...

Он посмотрел на тюбики с красками. Больше всего взгляд задержался на красной краске. Тюбик, можно сказать, был почти пуст. Выходит, все счастье бывает одинаково с

красным цветом. Красный цвет – символ счастья. Можно найти оттенки счастья даже в теме смерти, окрашенной в красный цвет.

С какой страстью он работал, сейчас с такой же скоростью и последовательностью думал. Но на создаваемом полотне все еще чего-то не хватало. Может, он не смог передать картину так, как видел? Все было на месте – и скалы, и берег, и люди, кажущиеся издали муравьями, и заходящее солнце, даже весла лодки, которых не касались руки людей. Весла были нарисованы так, что создавалось впечатление, будто их надводные части тянутся друг к другу. Но хотя они и стремились соединиться, однако друг друга не касались. И тут Юсифджан обрадовался, словно что-то нашел. Вдалеке в лодке, находящейся на поверхности моря, надо было нарисовать двух чаек – как символ счастья. Правда, кому-то может показаться, что если в лодке люди, то чайки не сядет на нее. Но он все же нарисовал их. Потому что душу человека представлял в образе птицы. Чайки сидели на лодке клюв к клюву. Они тянулись клювами друг к другу, словно хотели поцеловаться. Но сколько чайки ни старались, их клювы не соприкасались.

Это было последним аккордом счастья... Еще было неизвестно, счастливы или нет люди, находящиеся в лодке?! И вновь Юсифджан погрузился в размышления, близость людей разных полов, соединение друг их другом со звериной страстью еще не означает счастья, лишь при слиянии душ можно сказать, что они счастливы. Об этом говорили чайки на веслах. В ночной темноте Юсифджан с улыбкой закончил свои раздумья.

Одинокой лодки на море уже не было видно. Вокруг стояла такая тишина, что не было слышно даже музыки из ресторана «Сатир». В ушах Юсифджана стоял гул. Жуткий звук из его мозга и головы волнами распространялся вокруг. Художнику показалось, что море, как проснувшийся огромный див, поднимается на ноги. Он стоял, застыв под каплями дождя, разбрызгиваемого вспенившимся морем. В горле у него пересохло, язык и губы распухли. Только теперь он понял, что очень хочет пить. Хотя все тело его было в воде. Он не чувствовал напряженности захватившей его работы...

Юсифджан вернулся в свою мастерскую. Была уже глубокая ночь. Сначала он хотел пойти домой. Может быть, жена не спит, ждет его. Если б он пошел домой, то мог бы вымыться, смыть с себя усталость. Целый день он, можно сказать, ничего не ел, работал голодным. Но повинуясь какому-то чувству, он хотел сейчас остаться один на один со своими картинами.

Он вышел из последнего вагона метро на станции «Ахмедлы» и направился к девятиэтажному дому, в подвале которого была его мастерская. Спустившись по ступенькам вниз, он с трудом нашел в двери замочную скважину. Юсифджан торопился, словно хотел спрятаться от темноты улицы. Несмотря на то что уличные фонари и огни реклам освещали все вокруг. На самом деле мрак, воцарившийся в самых глубоких пластах его души, в этот поздний час, когда последние пассажиры торопятся домой, побуждала изменить свой путь. Эта темнота часто ставила художника перед сомнениями, не давая возможности обдумать иные варианты. Эта мастерская неоднократно было местом последней надежды, местом спасения. Потому что путь сюда проходил через его душу. Именно здесь он мог забыть обо всем на свете, поговорить с самим собой. Иначе разве можно среди людей, среди шума и гама поговорить по душам? Где не можешь даже шевельнуться, потому что все вокруг тарачатся на тебя. Словно смотрят на сумасшедшего. А если еще малость почувствуют, что ты подаешь звуки, то тут же скрутят руки и отправят в сумасшедший дом. Люди никогда не хотят понимать друг друга. Если идешь, задумчив, если хочешь покончить собой или случайно касаешься кого-то, словно весь мир рушится. Никто не хочет прощать другого, тогда почему люди хотят жить

сообща? Почему тогда каждый лицо свое не отвернет в сторону к каменной горе, даже в направлении к древней пещере?

Юсифджан не мог сказать, против кого направлены эти его обвинения. В нем не было конкретного недовольства кем-то. Когда он вспоминал бесконечную заботу о нем жены, ее внимание, ему становилось жаль эту женщину. Естественно, и Зарифа знала об этих его мыслях. Но она не ругала за них мужа, не считала себя униженной. И это выводило Юсифджана из себя. Поэтому, когда он повернул в мастерскую, ему было все равно, станет ли Зарифа беспокоиться о нем.

Юсифджан бежал не столько от темноты вокруг, сколько от мрака в собственной душе. Казалось, что войдя в мастерскую, включив там свет, он спасется от преследовавшей его тьмы. Это беспокойство его души имело давнюю историю. Речь о беспокойстве, которое может преследовать его хоть до конца жизни, отнимающей его покой, затуманивающей ему голову. Он словно торопливо взял и разложил на доске отдельные отрывки природы, несколькими часами ранее увиденные им на натуре и впитавшиеся в память краски, на втором этаже добавив краски своей души, одушевил ее. Короче, это была мука, которую никто не мог себе представить. Он полагал, что никто в мире не сможет почувствовать этого. Потому что эта мука была не обычной тоской, не простым беспокойством. Она могла показаться другим ничтожной, даже бессмысленной. Однако правда была в том, что увиденная им ближе к вечеру на морском берегу неповторимая картина ввергла его в глубокий страх.

Включив свет, он разложил эскизы на мольбертах. По фрагментам чувствовалось, что времени было мало. Он словно торопливо перенес на картину отдельные отрезки природы, сохранил в памяти краски, увиденные им на натуре, а на втором этапе, добавив к ней цвет своей души, собирался заставить оживить ее.

Он внимательно, до последнего штриха просмотрел нарисованное, задерживаясь на некоторых фрагментах. Кусок скалы, естественно, был нарисован, как он есть, каким он был на натуре. Но что странно, у этих скал были глаза, брови, на холсте явно читался гнев, ярость, ненависть, ирония. Даже полученные ими раны на мягкой груди покрытых мхом каменных плит, морщинистые расщелины скал в его глазах были похожи на некоторые черты людей. Эти люди-скалы только что вышли с поля боя и сейчас же превратились в камень. Интересно, из-за чего они утопили друг друга в крови, изорвали на части? Из-за корма? Нет! Может территория, земля, лучшая пещера, в которой можно укрыться от жары и холода? А, может, дело еще серьезней? Кто кому должен подчиняться? Значит, кто кого? Биологическая потребность, инстинкт, желание пар соединиться, воплощение диких желаний... Как бы ни были они просты и безжалостны, для древнего человека эти страсти составляли смысл жизни, вопрос жизни и смерти. Да и намного ли изменился смысл бытия современного человека от жизненных потребностей его предков? Эта болезнь и по сей день жива. Выходит, сколько живут люди, пока существует общество, старая болезнь до того времени будет сохранять свое господство. Просто у человека меняется прическа, одежда, одним словом, внешний вид. Когда-то люди дрались руками, зубами, челюстями, камнями, пронизали врага копьем. Позже появились мечи, щиты, стрелы, луки, еще позже появились пушки, снаряды, ядерное оружие ракеты, разрушающие бомбы... Однако цель и намерения были все те же. Захватить как можно больше!.. Только это!..

Он снова посмотрел на свои работы, почувствовав крайняя усталость. Красноватый цвет моря, странные скалы на берегу – все осталось там. На этих рисунках был изображен сам древний человек. Каждый по-своему смотрел на людей на берегу, в море.

А лодка? Где тот эскиз? Ведь все силы Юсифджана привлекла именно эта картина, именно она лишила его разума. Там – далеко от берега в море человек стал частью природы и, естественно, ее лучшей частью.

– Ага, вот он, здесь.

Он поднял эскиз, лежавший лицом к стене и затерявшийся среди прочих работ.

– Мои свободные чайки, позвольте пригласить вас за роскошный стол сегодняшнего приема. Я хочу превратить вас как лучшие творения природы в постоянных жителей мира искусства. На вас нет одежды. Не забывайте, что людей заставляют носить одежду их лицемерие, лживая, поддельная культура. Увидев вас, я нашел себя.

– Где же ты пропадал до сегодняшнего дня?

– Знаю, где. В тюрьме семьи.

Юсифджан громко засмеялся. Быстро подбежал к двери. Защелка была по-прежнему закрыта. Слово она вместе с дверью издевалась над ним: «Ты, кажется, сходишь с ума...»

«Кто может быть среди ночи в этой пустой мастерской. Нет, кроме меня здесь никого нет, может, я действительно схожу с ума?» Юсифджан оглядел мастерскую. Написанные в разное время, уже покрывшиеся пылью портреты, пейзажи, камни, деревья – все было погружено в молчание. Живыми были только погруженные в собственные радости морские счастливицы. Полные страсти, слегка прикрытые глаза были ему знакомы. Знаком был и этот мужчина, который обнимал мускулистыми руками распростершуюся в тихих волнах морского безлюдья девушку. Нет, Юсифджан не спал, это был не сон. Он хорошо знал этих людей, только имена их позабыл, только имена...

Они недавно поженились. Братья и сестры Юсифджана после свадьбы от всей души желали им счастья, говоря об их безумной любви друг к другу. Родственники отношения молодых превратили в легенду. И действительно, инициатором женитьбы на Зарифе был сам Юсифджан. Только как?..

Зарифа жила по соседству с ними. Они вместе учились в средней школе. Потом Зарифа, окончив факультет дошкольного воспитания педагогического института, стала работать в садике. Юсифджан окончил сначала художественное училище имени Азима Азимзаде, а потом Академию Художеств в России, там ему повезло – тайны живописи он постигал под руководством лучших мастеров. В годы студенчества они иногда встречались с Зарифой. Можно сказать, никаких серьезных отношений между ними не было. Просто поскольку они учились в одной школе и изредка пути их пересекались, из соображений этики они здоровались.

Вернувшись из России в Баку, Юсифджан устроился работать в Институт искусств. В короткое время молодой человек сумел проявить свое умение и ему выделили часы. Одновременно Юсифджан участвовал в различных конкурсах, и его достойные работы нравились. Призы, награды собирались с большую стопку, он приобретал известность, его начинали узнавать. Но в семье его братья и сестры требовали, чтобы он женился, создал семью. Чуть ли не каждый вечер эта тема становилась основным лейтмотивом семейных разговоров.

– Но как можно жениться, если никого не любишь?

– А мы чего хотим? Мы именно этого требуем от тебя... Полюби кого хочешь, влюбись, только женись!

– Я еще не встретил такую.

– А может, встретил, просто не обратил внимания?

– Я еще ищу.

Последний разговор в семье снова окончился ссорой. Юсифджан устал от этого. Он ничего не мог ответить тем, кто уговаривал, принуждал его. Честно говоря, жениться он

хотел, но брак без любви не умещался у него в голове. Вот и недавно брат снова пристал к нему:

– Ну что, скажешь ты нам свое окончательное решение или нет?

– Ладно, я подумаю.

– Завтра вечером я в последний раз спрошу у тебя, – сказал брат, а потом добавил:

– Может, поклянешься? Знаешь, какие слова говорил дед, давая тебе имя? У тебя годы идут, скоро тебе будет тридцать. А ты все еще говоришь, что ищешь. Кого ты ищешь? Если у тебя есть кто-то на примете, скажи.

– Ладно, дай я еще денек подумаю.

– Поклянись, что завтра скажешь свое окончательное решение.

– Клянусь, что завтра женюсь на первой же, кто встретится мне.

И Юсифджан ушел в свою комнату. В Нагорном части города у них был одноэтажный, но многоквартирный дом, оставшийся еще от деда. Здесь же во дворе, кроме семьи Юсифджана, жили семьи его двоюродных братьев. Ему даже предлагали жениться на своей двоюродной сестре. Но он относился к ней, как к сестре, поэтому не согласился. В своей комнате, служившей Юсифджану и мастерской, и спальней, он вытащил, расставил в ряд свои работы. Сидя один на один со своими персонажами, он молча попросил у них помощи:

– Может, вы окажете мне помощь?

Взгляд его привлек стоящий в последнем ряду портрет нежной, стройной девушки...

Каждое утро, собираясь на работу, он встречался с девушкой, выходящей из соседнего двора. В портрете его привлек интересный момент. С какой же любовью смотрела девушка, выходящая из дверей, на молодого человека, спешащего на работу. В этих взглядах читалось одно сожаление: «Почему ты меня не замечаешь?»

Этот вопрос Юсифджан явно прочитал во взгляде девушки. Правда, работая над этим портретом, он совсем не думал об этом, просто старался передать то, что видел. Каждый раз, встречаясь с этой девушкой, он просто так здоровался с ней и проходил мимо. Иногда, когда им было по пути, он спрашивал о ее делах, говорил о чем-то мимолетном, вспоминал с ней школу, в которой они учились.

Юсифджан не мог оторваться от портрета. Его преследовали взгляды девушки. Этой девушкой была соседка, Зарифа, с которой он учился в одной школе.

Ночь Юсифджан провел беспокойно. Проснулся рано, хотя обычно на работу он шел попозже – его занятия в университете начинались со второй двухчасовки. Он умылся, оделся и, не дожидаясь чая, вышел из дома. В это же время открылась соседняя дверь. Он не поверил своим глазам. Это была Зарифа. Наверное, она шла на работу.

«Господи, да это же девушка с портрета. Как приветливо она оглянулась, как вежливо поздоровалась...» Дрожание голоса, с которым она поздоровалась, добрые чувства потрясли Юсифджана. В нем проснулись мысли, дремавшие до сих пор.

Зарифа невольно спросила:

– Сегодня вы идете рано?

Юсифджан по привычке ответил коротко:

– Да, у меня дела...

Они спустились по улице вниз. Юсифджан при всем своем желании не умел разговаривать. С чего начать, о чем говорить? Скоро они разойдутся в разные стороны. Он чувствовал, что из-за его быстрого шага Зарифа не поспевает за ним. Наконец Зарифа заговорила первая:

– Вы очень спешите.

Юсифджан рассмеялся. Его смех удивил Зарифу. Но видя растерянность желающей что-то спросить девушки, молодой художника взяла себя в руки и сказал:

– Ну и что же, что у меня дела. Я встретил тебя, Зарифа. Проверяю – легкая у тебя нога или тяжелая?

– Мы часто встречались с тобой. Тебе это когда-нибудь вредило? Наверное, сегодняшнее твоё дело очень важное.

– Да, правда, сегодняшнее дело особое.

...Вечером, едва Юсифджан вошел во двор, брат тут же прижав его к углу.

Навязчиво спросил:

– Ну что, встретил кого-то?

– Да, наконец-то...

– Когоооо?

Стесняясь от смущения, Юсифджан ответил:

– Нашу соседку... Зарифу...

Он проговорил это так, как подсудимый признают свою вину. И в этой его застенчивости было и признание, и сожаление...

Когда весть дошла до сестры, та радостно затараторила:

– Ну и хорошо. Мы тоже для тебя ее присмотрели. Ты давно ее любишь, – сестра говорила это с такой уверенностью, будто уже знала и о намерениях Зарифы. И знала о любви Юсифджана. И знала, что сегодня утром Юсифджан сказал Зарифе, и что та ему ответила. Сестра, радость которой еще не остыла, побежала в комнату Юсифджана и вернулась с уже знакомым портретом в руке:

– Ведь этот портрет ты нарисовал, не так ли? Что за люди здесь нарисованы?

– Это придуманные мной образы. Любой может принять их за кого угодно.

– Нет, Юсифджан, мы прекрасно видим, что эта девушка – Зарифа, а юноша – ты.

Посмотри, с какой любовью смотрит на тебя девушка!..

Но говорить о равнодушном взгляде парня никому при этом не хотелось. В нынешней суматохе это не было нужно и самому парню. Так путь, начавшийся с этого портрета, заложил основу семейной жизни Юсифджана.

Чайки Юсифджана им были безразличны. Конечно, могло бы случиться самое худшее, если бы бурные чувства влюбленных, их страстные объятия спугнули бы чаек и они бы разлетелись в разные стороны. Но им не было никакого дела до чаек. Чайки все так же сидели клюв к клюву и ничего не боялись. В сюжете рисунка по ту сторону лодки до самой бесконечности моря, может, даже на другом его берегу на красно-зеленом фоне были изображены джунгли. Зеленые камыши, плотный зеленый покров в рост человека, словно оглядывались, прося помощи у моря. По мнению Юсифджана камыши были аллегорией и добавлены в картину неслучайно. Художник хотел сказать: дорогие мои, ведите свою лодку прямо в заросли, в дебри. Не выходите из лодки, станьте вечными жителями джунглей. Если вы повернете обратно, то над вами будут смеяться стоящие намного ниже вас обладатели ходячих тюрем – одежды, галстуков.

Проклятье! Ведь этих людей он наблюдал лишь издалека. Он не мог разглядеть даже их лиц. Он оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на эскиз. Хоть он и рисовал второпях, все контуры были на месте. Там в здравом сознании человек был на вершине бессознательных инстинктов.

В мастерской было тепло. Он снял верхнюю одежду, потом захотел снять и нижнюю. Может, для того, чтобы принять окончательное решение. Лег на диван и стал по одному просматривать нарисованное.

Ага, эту девушку он знает. Это Финае. Подобно необузданной кобыле, никому не покорная, послушная лишь своей душе, сердцу, пылающая жаждой найти всадника, который смог бы подчинить ее энергию Финае...

Выставка, где были представлены и его картины, открывалась в пять вечера. После завтрака Юсифджан должен был пойти в Союз, потому что до начала выставки там собрались художники.

Открытие было организовано торжественно. Председатель Союза художников, выдающиеся деятели искусств высказывали свое мнение о представленных работах молодых художников. Пожилой, невысокий лысый академик сделал анализ выставленных работ. Он отдельно подчеркнул, выделил произведения Юсифджана, сказал, что видит в его произведениях молодость, а если точнее, видит себя, видит собственную молодость. Смотрите, настоящее искусство таково, когда каждый видит в нем себя, может видеть частичку своей жизни.

Потом перерезали красную ленточку перед входом. И лишь после этого собравшиеся на выставку смогли увидеть представленные произведения.

Зарифа с дочерьми тоже была здесь. Юсифджан отошел от поздравлявших коллег-преподавателей, студентов и подошел к Зарифе. Они пошли к картинам Юсифджана. В центре висело большое сюжетное полотно. На фоне урагана была изображена девушка. Казалось, что вихрь урагана сейчас поднимет девушку в воздух. Проходящий мимо молодой человек тоже смотрел на девушку, причем с какой любовью. Словно молил Бога, чтобы этот ураган подхватил и его в свои объятия и увлек бы вместе с девушкой в бесконечные глубины.

Во взгляде юноши было не желание прийти к ней на помощь, а желание присоседиться к ней и «улететь» неизведанные дали.

Лысый академик подошел к картине:

– Вот это истинная любовь. Такую любовь Физули воспел словами, а ты – кистью. Юсифджан, у тебя большое сердце, бесконечные и удивительные чувства.

Юсифджан поблагодарил академика.

Старый академик-художник отошел от них и направился в сторону других картин. По-прежнему стоящие перед картиной Юсифджан, Зарифа и дочери как будто стеснялись смотреть друг на друга. Наконец Зарифа заговорила:

– Юсифджан, ты никогда не смотрел на меня с такой любовью.

Эти слова задели Юсифджана. Почувствовав обиду внутри, он взял себя в руки и сказал:

– Это искусство, Зарифа...

Умение Зарифы тонко чувствовать произведения искусства и то, что слова были близки к истине, стало для Юсифджана, с уважением относившегося к ее взглядам, подтверждением истины...

Юсифджан знал и человека, глядящего на него из-за плеча девушки. Этим человеком был он сам. Однако в лодке он был изображен уже не художником, а просто человеком в обычном одеянии.

Юсифджан смог силой воображения оживить тех, кто был в лодке. Настоящими счастливыми в море были Финае и сам художник с глазами цвета моря.

Он изобразил ожидание вечной любви. Мрак души Юсифджана могла разрушить только эта любовь. Но судьба отказала ему в этой любви.

От мук и страданий Юсифджан скорчился, застонал, отвернул лицо, съежившись на диване. Хрустальные капли падали из его синих глаз, стекали по щекам и текли в ночную темноту.

Стены мастерской впитали ночное молчание. В воздухе было безветренно. Повсюду стояла такая тишина, что, казалось, от малейшего шороха разорвались бы барабанные перепонки. Обыкновенно мир, человек и все живое просыпается от звука. Но на этот раз все было иначе, тишина и покой будоражили память художника. Молодость, прожитая жизнь отматывались перед ним, нарушая покой Юсифджана, так мечтающего о глубоком сне, дабы избавиться от мучительных воспоминаний, которые скручивали этого человека.

Он лежал на диване. А время проносилось над ним минута за минутой, час за часом и вся прошлая жизнь тянулась за ним в сегодняшний день. Под грузом воспоминаний он только теперь начал понимать, что всю жизнь тащил на плечах непосильную ношу. Что это была за ноша? Он опасался даже назвать ее. Друзья и знакомые видят в его семье хорошую семью, уважают их. И, действительно, в их семье царил мир и дружелюбие, как в годы юности. И девочки от души любят друг друга.

Дети в семье были окружены бесконечной заботой. На праздниках, на торжествах у друзей и родственников они участвовали всей семьей – смеялись, радовались. Но никто не подозревал, насколько утомляет Юсифджана эта внешне размеренная жизнь. Да, и в этой пустой и безмолвной мастерской, где никого не было даже сейчас, когда прожита большая часть жизни, он не хотел произносить вслух название лежащей на его плечах ноши. А название этого ноши раскрывало всего четыре слова «Жизнь прожита без любви!»

Но он не был неблагодарным: «Разве я не радуюсь, когда мои девочки обнимают меня, называя «папой»? Или мало у нас с Зарифой было прекрасных дней? Отношение Зарифы ко мне не искренни? Может быть, то, что человек смиряется со своей судьбой, само по себе есть счастье, любовь?»

Отзвуки этих вопросов звучали как ветер, дующий в пустоте...

Он никогда не считал себя слабым, беспомощным. С помощью сил таланта, внутренней энергии он смог проложить себе дорогу, добиться успеха, получить созданными работами премии. Тогда почему же он сейчас бессилён перед вопросами, которые другим покажутся смешными? Вместо того чтобы мучиться скрюченным над вопросами, требующими ответа, он за мольбертом до рассвета отдавал предпочтение работе. Наверное, эти вопросы – повод, он просто хочет рисовать. Все равно сна нет, какая польза просто валяться на диване? И раньше, когда сердце сжималось от тоски, ему на помощь приходила работа. В такие минуты он часто запирался в собственном мире, часами оставался один в мастерской, успокаивал себя, спасая тяжелым трудом, погружаясь в работу.

Если Юсифджан поздно возвращался домой или вообще не приходил ночевать, Зарифа знала, что он один работает в мастерской. Она готовила дома его любимые блюда и несла в мастерскую. И что странно, Зарифа не требовала от мужа никакой нежности, внимания. Может, она и ждала от него нежности и внимания, но виду не подавала.

Сейчас в этом царстве тишины он хотел упрекнуть себя за равнодушие к милой и заботливой Зарифе. Она никогда не высказывала мужу претензий, что он равнодушен к ней. Юсифджану казалось, что жена подобное отношение связывает с его любовью к искусству, с его творческой работой.

Такое отношение Зарифы огорчало Юсифджана. В эти мгновения он сердился на жену и хотел сказать ей: «отвяжись от меня», но под ее искренними взглядами сердце его смягчалось, он молчал, вознаграждая этим молчанием искренность жены. По сути дела более всего привязывало Юсифджана к семье чистые, бесхитростные, искренние взгляды жены.

Приходя к нему в мастерскую, Зарифа стояла в углу и ждала, когда Юсифджан сам, по собственной инициативе оторвется от работы. Очень редко, чувствуя, что муж устал, она подходила к нему, гладила по голове, вела себя осторожно, как дрессировщик, опасаящийся, что лев может разъяриться. В такие минуты Юсифджан откладывал кисть, обнимал Зарифу, и они забывали обо всем, обо всем на свете. Он подчинялся Зарифиной любви. В такие минуты этой любви хватало обоим. Хотели утолить желающие избавиться от пожара губы, уменьшить жажду друг друга. Пока подобно влаге, капнувшей на раскаленное железо, их пыл не утихал, они продолжали лежать на диване, покрывая друг друга поцелуями. А потом жизнь возвращалась в свое обычное русло, и Юсифджана снова охватывало внутреннее одиночество, в душе его вновь начинали дуть ветры, направление которых он не мог постичь. Но несмотря на все это они долгие годы жили вместе. И две дочери, родившиеся в результате их брака, не смогли заполнить пустоту в душе неудовлетворенного художника.

Дочек он очень любил. Когда они только начали ходить и Зарифа привела девочек в мастерскую Юсифджан, чуть ли не летал от радости. И Зарифе было приятно видеть, как он счастлив. Потому что время не только лечит все раны, но и раскрывает все тайны. Да и как это возможно, чтобы время лечило, но тайн не раскрывало? Но время измучилось помогать Зарифе лучше понять Юсифджана. Ее бесконечная любовь не смогла разжечь любовь в душе художника. Как говорится, любовь времени не подвластна.

Однажды между делом Зарифа спросила Юсифджана:

– В жизни любого человека есть незабываемые мгновения. Удалось ли нам в нашей жизни пережить такие мгновения?

– Конечно, Зарифа, в нашей жизни тоже было много таких мгновений.

– Свои лучшие мгновения ты проводишь перед мольбертом за работой.

Не глядя, на Зарифу Юсифджан задумчиво ответил:

– Да, это так. Перед мольбертом я пережил лучшие мгновения своей жизни.

Потом посмотрел на жену и спросил:

– А ты?

– Честно говоря, и я прожила свои лучшие мгновения здесь, в мастерской.

Юсифджан взглянул прямо в глаза Зарифе. Ее глаза смеялись. И за этим многозначительным взглядом Юсифджану стало ясно лишь одно: «Я всегда и повсюду видела только твою любовь. В мастерской ты более пылок, чем дома».

Юсифджан обвел взглядом мастерскую и пришел к выводу, что такое настроение диктуется тишиной вокруг, эротическими картинками, свободой и одиночеством.

Улыбку мужа Зарифа восприняла как знак согласия. Она хотела сказать Юсифджану: если это любовь, то как же тогда называется закравшаяся в мое сердце тоска? Но она промолчала. Не стоило говорить об этом. Зарифа все прекрасно понимала. И очень давно...

Тишина мастерской в этот полуночный час была единственным собеседником Юсифджана. Ничья нога не ступала годами в мастерскую, для уборки приходила лишь Зарифа. По ночам грезы воображения и свободы уводили его в иные миры, над ним простирала крылья богиня вдохновения. Днем невозможно было так легко и спокойно работать. Ему мешали крики мальчишек за окном, шум проезжающих машин. Сначала он пару раз выговаривал мальчикам, когда те попадали мячом в окно, но это не восстанавливала покой. Может, поэтому он стал работать в мастерской по ночам...

Зарифа всегда приходила к нему с новостями. Относившийся ко многому с безразличием Юсифджан равнодушно воспринял даже то, что его дочери окончили среднюю школу. Художник, постоянно искавший новые темы, которые вдохновили бы его, ждал, когда прекратятся дующие внутри него ветры, когда он сможет вырваться из мук пустоты, отсутствия любви. В эти ночные мгновения, вспоминая годы юности, он искал, но не мог найти хоть одного приятного эпизода. Очень хотелось в прожитой жизни

найти какой-нибудь уголок, остановится и согреть душу. Мысли его снова возвращали к прошедшим дням.

Вечер встречи в университете. Он внимательно осматривал окружающих его студентов. Внимание художника привлекло одна сравнительно высокая, улыбчивая, золотоволосая, синеглазая девушка с удивительным притягательным взглядом. Юсифджан хотел отвести глаза, но почувствовал, что она овладела всем его существом. Он чуть не выронил из рук кисть. Потому, что почувствовал, что застыл на месте, нет, вообще умер. Одна из девушек подошла к нему и спросила:

– В каком жанре вы больше всего любите работать?

Если б не этот вопрос, он, может быть, потерял бы сознание.

– Я пробовал себя в разных жанрах. Если кто-то из вас пожелает, я бы написал портрет с натуры.

В это время та самая девушка, стоявшая поодаль, подошла к нему и спросила:

– А кого бы из нас вы выбрали?

Юсифджан потерял дар речи и ничего не смог ответить. У него был только один ответ: «Конечно, тебя». Но не смог произнести. В это время один из парней подошел и грубо взял Юсифджана за руку:

– Собирай свое барахло и проваливай отсюда!

Парень был рослым, сильным, у него были мускулистые руки и суровый взгляд, все это напоминало молодость самого Юсифджана. Юсифджан не упрекнул парня. В это время девушка, привлекая внимание художника, спросила его:

– А меня вы нарисовали бы?

И тут Юсифджан почувствовал, что эта девушка сильнее своих студенческих друзей и парня, который полагался на свой рост и физическую силу. Позже он никак не мог забыть эту девушку, очаровавшую его с первой же встречи. Он пару раз сходил в университет, узнал, как ее зовут. Эту девушку, которая в последнее время приезжала в университет на иностранной машине, звали Финае...

Очень может быть, что Финае забыла о нем, а как же иначе?! И наверное, она бы не согласилась часами просиживать перед ним, чтобы он нарисовал ее портрет. Будучи знатоком людей, Юсифджан во время беседы догадался, сколь свободным духом обладает Финае. И почему-то он верил, что никакие морально-нравственные нормы, никакие запреты не могут остановить ее. Финае давно сделала свой выбор. И кто бы ни был человек, с которым она была близка, она была очень привязана к нему.

...В этом ночном мире Юсифджан мысленно пригласил Финае в гости к себе в мастерскую. И в этой ночной тишине он вместе с воображаемой Финаеи чувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Как бы там ни было, он нашел свой идеал, который искал многие годы.

«– Иди, садись, я буду рисовать тебя».

«– А тебя самого на этой картине не будет?»

«– Буду».

«– Где, как?»

«– Наверное, на этой картине будет человек, со стороны смотрящий на тебя с восхищением».

«– Но ведь ты не смотришь на меня с восхищением. К тому же остались позади дни, когда ты мог смотреть с восторгом. Чего же ты еще хочешь, вот, мы вместе...»

«– Ладно, я все понял. Иди, садись на диван, прямо перед зеркалом. Повернись спиной к зеркалу, наклони немного голову, смотри в зеркало. Ну как, готова, я начинаю рисовать».

...Финае на месте не было. Ответа не последовало. Куда же она девалась? Он оглядел мастерскую. Вдруг взгляд его задержался на зеркале. Финае, как слетевшая с небес муза, сидела на плече художника. Юсифджана словно ударило молнией. Сидящая

на его плече нагая муза с виноватой улыбкой смотрела на художника. Колени задрожали. Он хотел ухватиться за мольберт. И мольберт, и краски опрокинулись. Он свалился спиной на диван. словно не сам он упал, а кто-то с силой толкнул его. Тишину мастерской нарушил шепот художника:

– Господи, за что ты так мучаешь свое творение?.. В чем я виноват?

Это вечной любви ожидания крик. Лишь эта любовь способна была рассеять тьму, осевшую в душе художника. Но судьба лишила его этой любви.

Юсифджан вновь застонал от этой боли, отвернулся и съежился на диване. одному Богу известно, в который раз слезы потекли по его щекам...

Был поздний вечер. Люди, суетившиеся по берегу, подобно муравьям, исчезли в своих норах. Наступила тишина. Слышался только тихий шелест волн, бьющихся о скалы.

Харис направил лодку к берегу. Они вышли из лодки среди других лодок, в месте, в шутку называемом «бухтой любви». Хоть погода была тихой, невидимая сила потихоньку раскачивала гигантское море. Вода в море остыла. Бегущие к берегу слабые волны игриво касались скал, обрызгивая все вокруг. Морской ветерок вместе с моросью нес прохладу. Вышедшая из лодки Финае стояла на высокой скале и смотрела на море, сверкающее под лунным светом. Вода была прозрачной. Отражение луны в водах моря преломлялось под накатом волн. Это отражение напоминало Финае индейцев, танцующих при свете огня. Она оглянулась и позвала Хариса:

– Харис, иди сюда.

Оставив лодку, Харис поднялся на скалу к Финае.

– Что такое?

– Посмотри, видишь?

На воде в лунном свете действительно танцевала тень Финае, похожая на индианок.

Харис стоял за спиной Финае, поэтому его отражения не было видно.

– Знаешь, что я вспомнила? – спросила Финае.

– Откуда мне знать? Скажешь, узнаю.

– Есть американский фильм «Золото Маккены».

– Да, видел. Я с трудом купил билеты, такая была очередь.

– Недавно его показывали по телевизору, я посмотрела.

– А почему ты сейчас вспомнила этот фильм?

– Помнишь, как индианка боролась под водой?

– Все ясно, только тогда в воду должен первым прыгнуть я. Хотя, честно говоря, меня больше интересовало золото Маккены, а не борьба индианки.

Слова задела Финае. Она подобрала ноги, откинула назад волосы и, не глядя на Хариса, прыгнула в воду и стала плыть от берега. Харис смотрел на извивающуюся в волнах Финае. И хотя прошло всего несколько мгновений, но Харису отчего-то показалось, что Финае больше на берег не вернется. Она навсегда уплывает от этого берега. И хотя Харис потерял совсем немного времени, ему показалось, что он никогда не догонит девушку. Он тут же прыгнул в воду и поплыл в сторону Финае. поймал девушку под водой и прижал к груди. Они вместе всплыли на поверхность. Финае и Харис, которые были по плечи в воде, прижались друг к другу и подобно водным цветкам покачивались на волнах. Они вместе покружились и выплыли из воды. Когда в очередной раз поднявшись на поверхность Харис заметил, как какая-то лодка медленно проплывает мимо них, то предположил, что рядом кто-то посторонний. А потом удивленно сказал:

– Финае, эта лодка... кажется, наша.

Финае ухватилась за борт лодки. Когда они повернули лодку к берегу, Харис снова сказал

– Это точно наша лодка. Но как же она отплыла от берега?

Видимо, лодка не была привязана к причалу и волны унесли ее от берега.

– Кажется, лодка обиделась на нас.

– Верно, мы слишком быстро забыли о ней. Ну и хорошо сделали. Мы выбрали то, что нам нравится. Я знаю, что и ты на меня обиделась, только напрасно. Мне кажется, нет ничего плохого в том, что я увлекся золотом Маккены...

Финае больно ранило, что в этом их ночном приключении Харис заговорил о деньгах, о золоте. Финае почувствовала резкую боль в груди. Словно что-то оборвалось внутри. В голове ее затуманилось. Она даже не заметила, как они оказались на берегу....

Харис закрепил лодку и вернулся. Финае стояла, без сил прислонившись к скале. Молчала. Харис взял ее за руку. Девушку била сильная дрожь. Зубы ее дрожали. Это не могло быть от холода. Ведь они купались и в более прохладную погоду, временами оставаясь в воде до самого утра. Финае затошнило.

Харис беспокойно спросил:

– Что с тобой, ты заболела?

Еле слышно Финае ответила:

– Нет, Харис, ничего страшного, пройдет, – и махнула рукой.

Такое с ней происходило и несколько дней назад дома. Она с отвращением смотрела на еду, которую мать поставила на стол.

Зинае тогда почувствовала перемены в дочери, смерила ее взглядом и спросила:

– Чего тебе хочется?

– Ничего. Я ничего не хочу, – ответила Финае и нервно крикнула: – Да что же это со мной творится, не знаю?

Зинае не стала ничего скрывать:

– Счастливая, что же еще может быть, сколько месяцев?

Финае почувствовала в ее голосе насмешку.

А мать продолжала подкалывать дочку:

– Разве ты не слышала? Говорят, тайком повадившийся за пшеницей, наяву...

– Что? – Крик Финае прервал ее: – Почему тайком?..

– Да, тут ты права. Что бы ты ни делала, ты не таишься. Но ведь отец ни о чем не подозревает.

– Отец? – Финае с гневом посмотрела на мать.

– Да, отец. Ведь как бы там ни было, он мужчина, твой отец.

Неделю назад, когда Финае вошла в приготовленную для них комнату в ресторане «Сатир», она заметила издали идущего высокого мужчину и признала в нем отца. Рядом с Гадиром была молоденькая девушка, они шли и смеялись как ровесники. Девушка держала отца под руку. Со стороны это казалось очень смешным. Она на мгновение представила себя на месте этой девушки, а на месте отца – Хариса. Неужели и они со стороны выглядят такими смешными, вызывая отвращение? Как только отец с этой девушкой прошли мимо, они вошли в свою комнату, закрыли двери и забыли обо всем.

Как спокойно было в отдельном кабинете «Сатира»! На стенах развешаны эротические картинки, рядом отличная душевая, столовая, место для отдыха, диваны, кресла... Стоит закрыть дверь – и полностью отключаешься от остального мира.

Войдя в этот кабинет, Финае тут же забыла и о своем отце, и о той девушке, что была с ним. А чуть позже, предаваясь радостям жизни, она оправдывала и отца и его девушку.

До сих пор Финае не скрывала это от матери. Если бы поинтересовался отец, она бы и от него не стала скрывать. Просто она знала, что для отца это не имеет никакого

значения, мужчина зарабатывает деньги и имеет право часть их потратить на удовольствия и развлечения.

Когда рядом с лодками Харис встряхнул Финае за плечи и спросил, что случилось, она не смогла пересказать разговора с матерью, точнее, то, что она беременна, потому что у нее не было сил.

Когда Зинае узнала, что дочь беременна, она обрадовалась. Финае отчетливо поняла чувства матери. Конечно, это было первым впечатлением. Что будет дальше, ее не беспокоило. Но, кажется, надо будет сократить морские прогулки. Почему она так решила, девушка не знала...

Что же вдруг так изменило ее состояние? Может, ей стало плохо оттого, что, ныряя с Харисом в море, она наглоталась солоноватой морской воды? И слова Хариса задели ее, пробудили чувства, лежащие в глубине души, вызвали в ней бурю негодования. Раньше Харис с ней так не разговаривал. Он говорил, что он счастлив, что эту радость подарила ему Финае, называл девушку своей королевой. Материальное положение Хариса продолжало стремительно улучшаться. Он выделялся в городе своим богатым домом, машиной. В короткое время, в течение пяти-шести месяцев он стал владельцем большого дома в самом высоком месте города – на вершине горы Патамдар, откуда открывался вид на море. Финае с Харисом любила сидеть во дворе дома и часами смотреть на море. Но постепенно в ней зарождалась тревога: Харис становился не тем человеком, кем был прежде. Однако Финае не подавала вида. А Хариса на самом деле все труднее стало узнавать. Он не поддерживал никаких связей с семьей и родственниками. Более того, Финае заметила, что Харис неодобрительно смотрит на ее близость с Рахибой.

– Харис, ты же прекрасно знаешь, что богатство в сравнении с любовью для меня не имеет никакого значения.

– Твои слова – плод поэтического воображения. Покойный Физули сам признавался, что слова поэта – ложь. Деньги более сильный властелин. Если у тебя есть деньги, тогда сама собой приходит любовь к жизни. Образно говоря, деньги означают любовь.

– Нет, все не так, как ты думаешь. Деньги решают многое, но не все. Мы же, когда у тебя появились деньги...

– Верно, нас друг с другом связали не деньги. Но если б у нас не было денег, мы бы давно расстались.

Финае показалось, что у нее открылись глаза. Может, это были взгляды Федаи, устремленные ей прямо в зрачки? Инвалид войны, продавец газет Федаи с присущей ему жесткостью, уверенностью хотел раскрыть ей глаза.

Финае молчала, она не могла оторвать глаз от взглядов Федаи...

Харис взял со стола бутылку минералки, налил себе стакан, выпил, а потом спросил:

– Ну, что ты думаешь, может, это не так?

– Так, Харис, если б у нас не было денег, может, я скорее поняла бы эти истины.

Ответ Финае показался Харису загадочным и туманным. Поэтому он не понял ее слов:

– Какие истины? – постарался уточнить для себя Харис.

– Знаешь, во всяком случае меня к тебе привязывают не деньги. Мне трудно видеть, как деньги захватили тебя. Не сегодня, так завтра этот дракон с железной хваткой полностью окрутит тебя и лишит сил. Ты все потеряешь, и меня тоже. А я этого не хочу. Не потому что я насильно хочу быть рядом с тобой. Просто я не хочу, чтобы ты погиб как человек.

– Нет, Финае, этот путь для себя я выбрал сам. Общество не признает человека, у которого нет денег. А я хочу быть видным, находиться в центре внимания, наблюдать за событиями. У меня есть ювелирные магазины, рестораны, я налажил сотрудничество с

арабами. Они поверили мне и вкладывают в банки деньги на мое имя. И этими деньгами распоряжаюсь я сам.

До сих пор Харис ничего не говорил Финае об этом. Хотя Финае и не особенно интересовалась, но причину его внезапного богатства знать хотела. Конечно, чтобы покончить с беспокойством по поводу Хариса. Сейчас она почувствовала, что тревога ее была не напрасной.

– Во всяком случае, они давали тебе деньги не просто так.

– Нет, можно сказать, что просто так. За это я в месяц нахожу трех-четырёх девушек и отправляю их работать в Дубай. А это не так сложно, в городе таких много.

– Ты достаточно заработал. Хорошо это или плохо, не в этом дело. Это плод твоих трудов, спорить об этом я не хочу. Но может быть ты откажешься от этого пути?

– Нет, ты что говоришь? Я таким образом превращусь в самого богатого человека Баку. У меня есть автомобильные компании, банки, появятся большие торговые центры. Да и «Сатир» принадлежит мне. Скоро у меня будут прекрасные дома отдыха от Дербента до южных границ Азербайджана, я реализую строительство многих объектов, приносящих большие доходы.

– Взамен сколько девушек ты отправишь в Дубай?

– Как это?

– Я спрашиваю, конкретно – сколько девушек? Причем, наверное, все они должны быть азербайджанками. Или это значения не имеет, могут быть и других национальностей?

– Будь у меня возможность, я бы всех девушек Азербайджана отправил в Дубай. Ты думаешь, они едут без денег?

Финае внимательно взглянула в глаза Хариса. В его глазах она прочитала волчий гнев. Он из жадности денег, богатства был готов оправить в Дубай хоть родную мать, сестру, и даже ее самою. Неужели она действительно столкнулась с такой страшной истиной?

Она посмотрела на Хариса с иронией. Он презрительно взглянул на девушку:

– Не забывай, что в Дубае для девушек устраивают шикарные приемы лучше, чем у нас.

Финае ничего не ответила. Буря, поднявшаяся внутри, лишила ее разума. Такую боль она впервые почувствовала в Патамдарском огромном доме Хариса, но ничего не стала ему говорить... Тогда она просто поспорила с Харисом.

Ей хотелось плюнуть в глаза Харису и уйти. Но отчего-то не смогла подняться. Может, была сильно привязана к Харису? Она подумала, что Харис станет переживать из-за своих поступков, прекратит заниматься этим и даже попросит у Финае прощения.

...Недалеко от «Сатира», на светящемся в лунном свете берегу, где волны тоскливо пели песни, состояние Финае снова изменилось. После разговора во дворе патамдарского дома она несколько дней отказывалась встречаться с Харисом. После его непрерывных звонков она неохотно взяла трубку и услышала его оправдания: «В тот день я был взвинчен. Может, и твои насмешки вывели меня из себя. Честно говоря, я не ждал от тебя такого. Почему мы должны говорить друг с другом намеками, с издевкой? Мы с тобой свободны в наших поступках. Каждый живет так, как хочет. Нас связывают друг с другом не официальные отношения, а чувства, внутренняя потребность. Мы с тобой совсем другие люди, наши души иные, просто мы родились в разных телах. У общества, Финае, есть свои неписанные законы. Меня тоже не интересовали деньги, богатство. Но я понял, что выгоднее всего в обществе зарабатывать деньги. Человек без денег, несмотря на происхождение, вынужден ползти по дну жизни. Я искал, нашел верный путь к деньгам. Тем, чем я занимаюсь, нет ничего предосудительного. И без этого по своей воле желающих уехать за границу много, просто я помогаю попасть им зарубежье по нужным адресам, вот и все».

Финае не была столь легковверной, чтобы принять слова Хариса за искренние признания. Но она подумала – может, Харис действительно раскаялся и прекратит заниматься этим. Поэтому она решила не ссориться с ним, а, наоборот, чаще общаться. Но когда Харис взял ее руку и сказал: пойдём, уже поздно, мне с утра надо отправлять новую группу, она потеряла всякую надежду, в глазах ее потемнело...

Туман окутал берег. Она ничего не видела. И в «Сатире» свет не горел. В погруженных во мрак окрестностях она хотела позвать мать, чтобы во тьме взять ее за руку. Но услышала страшный хохот. Зинае смеялась над сбившейся во мраке с пути, оставшейся одной, ищущей тропинку между скал дочерью Финае. Этот хохот сильно обидел Финае. Стоило ли звать мать? Нет, она не смогла позвать. Она захотела окликнуть отца. Она подумала, что он, может, где-то поблизости, в ресторане «Сатир» с той самой молоденькой девушкой. Может, отдыхает сейчас в одной из комнат со звуконепроницаемыми стенами? И ему невдомек, где его дочь? А, может, он заодно с Харисом? Нынешние друзья именно такие. Почему это не пришло в голову Финае раньше? Наверное, это неслучайно, что отец часто появлялся в ресторане «Сатир» и выбрал его местом своего отдыха. Может быть, именно в «Сатире» они заключают договора с девушками такого сорта? Наверное, это как-то связано с тем, что отец в последнее время стал приносить домой много денег. Он, можно сказать, в редких случаях отвечал на телефонные звонки со старого места работы. К тому же у отца вдруг появилась служебная машина. И на рынок для них стали ходить совсем другие люди. Неужели и у отца, как у Харриса, есть свои дома в разных частях города, существуют счета в различных банках? Может, и отец завтра будет участвовать в отправке новой группы в Дубай?

Финае смотрела на Хариса и своего отца одинаково. Даже черты их лиц имели сходство. В глазах отца Финае видела ту же жадность, ненасытность, что недавно увидела в глазах Хариса. Может, ей позвать своих товарищей или только одну Рахибу? В этом состоянии она очень нуждалась в помощи Рахибы. Но где та сейчас? Да и сама Рахиба в последние дни мало интересовалась ею. Финае почувствовала, что и ее подруга занята. Может, и она сейчас в «Сатире», в одной из комнат, достойных ее? Больше Финае не было возможности кого-то вспомнить, она потеряла сознания...

Финае показалось, что полосы вновь появились в ее глазах. Она ничего не видела и молила о помощи, чтобы избавиться от этой черноты в глазах. Она невольно водила руками по сторонам, металась, словно человек, тонущий в море. Казалось, она кого-то проклинала.

Но сейчас никто не мог бы сказать, кого она прокликает. Хариса, мать Зинае, отца Гадира, друг, Рахибу или закрывающего ее глаза Фидаи...

Хотя было далеко за полночь, Хаят не спала. Вставая каждое утро рано, она привыкла ложиться спать в определенное время. Она сидела под навесом, построенным на высоком месте у дома, и ждала прихода Саррафа. Прошло достаточно много времени с тех пор, как Сарраф с Садигой обручились. Готовились к свадьбе. Хоть старшие и говорили об определенных сложностях, молодые старались не обращать на это внимания. Девушку не соблазняло ни золото, ни драгоценности, да и Сарраф не ждал от нее никакого приданного. Однако представители обеих сторон, говоря, мол, у каждого народа свои обычаи, не спешили со свадьбой, делали все, что необходимо для этого.

Сарраф скоро должен был вернуться. Его мать огляделась вокруг и взглянула на звезды в небе. Стала пересчитывать вечные сияющие небесные свечи, напоминающие день. Но каждый раз сбивалась, забывала, на какой звезде остановилась, сколько их посчитала, путалась в цифрах и снова начинала считать. Никаких других целей в

персчете звезд она не преследовала, ей просто было скучно, она с нетерпением ждала возвращения Саррафа, а время текло медленно.

Интересно, кого больше – звезд на небе или людей на земле? Наверное, число звезд в небе равно числу людей на земле, ведь не напрасно говорят, что у каждого есть своя звезда счастья. Видно, самые яркие звезды принадлежат счастливым, а самые тусклые, те, что далеко, – тем, кто состарился и выбился из сил. Каждая звезда предназначена для кого-то. Наверное, кучки звезд – это люди, близкие по духу, по сердцу, это родные, а одинокие звезды, расположенные на самом краю небосвода, это люди, оказавшихся вдали от родины. Верно, они мечтают вернуться на родину, соединиться со своими родными, вернуться к тем, из чьей памяти они стерлись, на те земли, вдали которых оказались. Да укажет им путь Аллах! Не может быть такого, чтобы человек родился в одиночестве и в одиночестве прожил свою жизнь. Человек счастлив и любим может быть лишь среди людей, в том месте, где родился, на родной земле...

Одна звезда с неба стремительно покатила вниз. Глаза Хаят расширились. Она ужаснулась. Будто эта звезда, летящая вниз, сейчас упадет ей на голову. Прошло мгновение – и падающая с неба звезда вспыхнула и погасла. В небе от нее не осталось и следа. Хаят хлопнула себя по коленям. Потом захотела выпрямиться, но не смогла подняться и упала под навес...

Сарраф, который шел от ворот к дому, увидел, как мать стукнула себя по коленям и упала. Ему показалось, что мать сердится за то, что он припозднился. Он еще с утра сел на маршрутку и уехал в город, точнее, мать настояла навестить невесту и погулять с ней.

Она терпеть не могла, когда ее дети, а особенно Сарраф, где-то задерживались, она тревожилась, сердилась, говорила – родной мой, сыночек, не приходи поздно, когда ты задерживается, мне кажется, что я умираю, я не могу уснуть. Столько людей сбились с пути... Правда, ты никого не обидишь. Но я боюсь, что камень, брошенный в кого-то, попадет в тебя. Несчастья избежать невозможно. Если ты вовремя будешь возвращаться домой, я не буду беспокоиться.

Сарраф быстро заговорил:

– Мамочка, это я вернулся, что с тобой?

– Ничего, сыночек, не бойся, ничего не случилось.

– А почему ты била себя по коленям?

– Чья-то судьба покатила вниз. Я видела это собственными глазами.

«Может, мать заболела?» – подумал Сарраф. Он коснулся ее лба, проверил пульс. Температуры не было, но пульс бился часто, тревожно.

– Как это увидела, что ты увидела? Собственными глазами?

– Я же говорю, сыночек, чья-то судьба погасла. Причем это был очень молодой человек. Свет его казался очень ярким. Вспыхнул и тут же погас.

Мать и раньше рассказывала Саррафу о слухах, связанных с небом, о том, что каждая звезда – это чья-то судьба. Наверное, мать снова увидела падающий метеорит, подумал он. Бессмысленно было пытаться что-то объяснить ей. Но чтобы успокоить ее, он все же сказал:

– Мамочка, в небе много различных тел. Падающая звезда – одно из них. Когда она срывается со своей орбиты и попадает в плотные слои атмосферы, она как бы трется о них. Эти небесные тела бывают очень большими. Их части могут даже долететь до земли. Долетевшие до земли небесные тела превращаются в черные гладкие камни.

– Я все поняла, сынок, все ясно, – сказала мать и умолкла.

Заканчивая беседу, Сарраф успокоил мать:

– Мама, есть вода? Я хочу пить.

– Может, чаю выпьешь?

– Нет холодной воды достаточно.

Хаят встала, принесла воды. Она смотрела, как при свете ее сын пьет воду, а потом, забирая стакан, сказала:

– Да благословит Аллах того, кто провел нам эту воду.

– Да благословит тебя Аллах, мамочка.

Дом, где жил Сарраф стоял недалеко от линии, по которой текла Шолларская вода. Водопровод, проходящий недалеко от их дома, тянулся на пять-шесть километров и подавал воду из поселка Насосный. Так как люди в нескольких местах врезались в эту линию, чтобы вода текла в их дома, им чуть ли не каждый день грозили, что линию у них отрежут. На этой линии иностранные компании построили большие заводы и смонтировали огромные чаны. Эту Шолларскую воду наливали в пластмассовые бутылки, наклеивали на них яркие этикетки, газировали, дополняли химикатами и под разными названиями продавали людям. В свое время тем людям, что построили в начале XX века этот водопровод, и в голову не могло бы прийти, что настанет время и эту родниковую воду, которую они провели через горы – через сотни километров, иностранцы будут продавать его же народу за деньги.

Здесь же были построены филиалы фирм «Кока-кола», «Пепси». День и ночь машины самых различных размеров подъезжали к заводу, забирали бесчисленные количества бутылок, развозя их по Баку и другим городам.

Сарраф взял мать за руку и повел ее к дому. Хаят словно бы проснулась.

– Ай, сыночек, я даже не спросила, видел ли ты Садигу?

– Да, мамочка, мы немного погуляли, потом я проводил ее домой и вернулся.

Успокоенная Хаят сказала:

– Тебе завтра рано вставать. Уже поздно, ложись спать.

Небо снова горело как огромный костер. Звездам было все равно, что совсем недавно мимо них пролетела и упала яркая звезда. И людям на земле тоже не было интересно, чья это звезда счастья?

Лучезарная ночь начала свой путь к утру. На этом пути гасли тысячи звезд. На этом пути тысячи человеческих судеб сталкивались со смертью...

В романтическом мире этой светлой ночи Зинае сидела на красивом балконе своего дома. Прислуга, которую наняли для работы по дому и готовки обеда, жила в доме. И раньше их материальное положение было неплохим, однако в последнее время заработки Гадира выросли тысячекратно, их жизненный уровень резко изменился. Весь день в распоряжении Зинае была машина с водителем. Она часто выходила в город, вместе с Финае принимала участие в развлечениях, в любое время могла пойти в гости к знакомым.

Обычно ложилась она поздно. За Финае особенно не волновалась. Но в эту ночь была беспокойна, ей было не по себе. Когда Финае не приходила по ночам домой, мать ее ни о чем не расспрашивала. Но она хорошо знала, где находится Финае. Было бы неправильным причину нынешнего беспокойства связывать только с сегодняшним вечером. Беременность дочери потрясла и привела в чувство мать, заставила пересмотреть свои взгляды. Противоречивые мысли лишали ее спокойствия. Она не могла быть равнодушной к случившемуся, оставаться безразличной к теперешнему состоянию дочери. Не понимала, чем все это окончится, не ведала, не знала, какими будут в дальнейшем отношения Хариса и Финае.

Зинае двумя руками взяла стакан, стоящий перед ней. Прислуга заметила, что руки хозяйки дрожат, стакан в ее руках, позвякивая, бьется о блюдце. Она подошла к ней и спросила:

– Что с вами, Зинае ханум, ваши руки дрожат. Не приведи Всевышний, не заболели ли вы?

- Да, у меня дрожит все тело, словно я потеряла голову, меня лихорадит.
- Да разве может быть холодно в такую жару, ханум? Вы, наверное, простудились.

Может, у вас и температура поднялась.

- Не знаю, что это со мной вдруг случилось.

Прислуга выключила кондиционер, открыла окно на застекленном балконе, принесла платок и вытерла пот, выступивший на лбу Зинае. Потом вошла в комнату вынесла успокаивающие таблетки. Зинае выпила лекарство, немного успокоилась и спросила:

- Финае сегодня не звонила?
- Нет, Зинае ханум. Но ведь она никогда не звонит домой. Хотите, я принесу телефон, и вы позвоните сами.

- Принеси.

Зинае взяла телефон. Подумав о чем-то, не стала спешить. До сегодняшнего дня она не искала дочь по телефону, но сегодня она измучилась от ожидания настолько, что это вызвало в ней дрожь. Сначала она набрала номер Финае. Телефон долго не отвечал. Наконец, на экране высветились слова «ответа нет».

- Не отвечает. Может мне набрать номер Хариса?
- Наберите, ханум, наберите. Тревога и беспокойство – глупые вещи.

Она набрала номер Хариса. Даже не предполагала, о чем будет говорить с ним? Но и номер Хариса не ответил.

Сердце Зинаи словно повисло на ниточке. Она отшвырнула телефон на стол. Точнее не швырнула, а телефон сам выпал из ее рук.

Прислуга взяла Зинае за руку и повела в спальню...

Ночью, когда Финае мучилась от гула в ушах, когда голова ее раскалывалась от дикой боли, в роскошных апартаментах, расположенных в восточной части ресторана «Сатир», в мягком кресле сидел отец Финае Гадир и набирал номера телефонов по списку, лежащему перед ним.

- Слушаю вас, – голос, судя по всему, принадлежал женщине среднего возраста.
- Добрый вечер. Можно Раху?
- Здравствуйте, одну минутку.

Через минуту в микрофоне телефона послышался молодой девичий голос:

- Слушаю, кто говорит?
- Я – представитель компании, которая набирает молодых девушек для работы за границей. Ваш номер мне дала Руфа.

Молодая девушка по имени Раха была незнакомая Гадиру Рахиба, имя которой он хорошо знал. Она по совету Хариса искала молодых девушек для работы за границей и случайно познакомилась с Руфой.

Рахиба после минутного сомнения сказала:

- Я не знаю, на каких условиях я буду работать.
- Не беспокойтесь, ханум, условия отличные. Три месяца вы пробудете в Дубае. У вас будет возможность посетить самые знаменитые достопримечательности Арабских Эмиратов, вы хорошо отдохнете. Если вам понравится, мы сможем продлить ваше пребывание там. Когда вы вернетесь, вы сможете с помощью нашей компании выучить любой выбранный вами язык. А после курсов путешествие в выбранную страну будет зависеть от вас.

- Да, я хочу путешествовать...

– Кто же откажется от такого путешествия? Через два месяца у вас будет много денег, машина и квартира в шикарном месте Баку.

– Простите, а на какое время запланирована поездка?
– Через пятнадцать дней группа отъезжает. Если захотите, и вас включим в нее.
– Я подумаю, во всяком случае, поехать я хочу.
– Когда примете окончательное решение, позвоните по этому телефону. Если вы согласитесь, то документы будут готовы в течение недели.

– Завтра вечером я позвоню вам.

В голосе Рахибы звучало согласие. Может, она даже радовалась.

– До свидания. Я буду ждать вашего звонка.

– До свидания.

Гадир выключил телефон и тут же потер руки: «Вот так, значит, и эта партия готова, семь человек».

Гадир произнес «семь человек», словно он пересчитывал не людей, а деньги. Стиснув ладони, он повернулся на другую сторону кровати, где лежала полуобнаженная девушка. Та засмеялась. Потом вспрыгнула и обхватила шею Гадира.

– Ого, Гадирчик. Наши дела идут хорошо. Руководительницей этой партии буду я сама.

– Конечно. От тебя многое зависит.

– Я постараюсь побольше побыть в Дубае.

Обхватив висящую на его шее девушку, он два раза покружил с ней по комнате. Но даже если бы он прокружился не два раза, а хоть сто раз, непохоже было, чтобы девушка отстала от него. Руки ее обнимали Гадира за шею, ноги обвили талию. Ее голова чуть ли не касалась висящей под потолком люстры и казалось, в комнату вошел жираф. Покрутившись вместе с девушкой, Гадир упал на мягкую постель. Девушка включила ночную лампу.

Экзотические картины комнаты могли смутить того, кто в первый раз вошел сюда. На цветных обоях были изображены джунгли, лужайка из желтых и белых ромашек, обезьяны, свисающие с деревьев, скалили зубы... А над самой постелью репродукция известной картины – «Обнаженная маха».

В этой комнате прекрасное произведение европейского классика вызывало страсть и сладострастие. Если бы автор этого произведения оказался бы сейчас здесь, то, быть может, и он бы потерял голову...

Отпустив девушку, Гадир расслабленно откинулся на подушки. Сначала он взглянул на картину над головой, а потом внимательно посмотрел на девушку. Перед ним словно бы лежала сама обнаженная маха, пройдя сквозь запыленное время в этот мир. Сбросив с себя ночную рубашку, она повернула голову и смотрела на него сильно накрашенными глазами. Рука ее потянулась ниже пупка к пространству между ногами. Да, сейчас Гадир видел ожившую обнаженную маху. В одно мгновение горящие взгляды столкнулись. Девушка подняла руку и указала на противоположную сторону.

– Смотри туда, туда, – она показала на статуэтки, выставленные в специальном углу внизу стены.

Там волк на маленькой, напоминающей остров поляне, схватил косулю. Казалось, что рвущаяся изо всех сил косуля сейчас вырвется из его пасти и как молния умчится с глаз долой. Однако клыки волка накрепко замкнулись на горле жертвы. Может, это животное вообще не было волком. Его передние лапы были намного короче задних. Его пятнистая шкура напоминала тканый килим, у него был длинный хвост. Его страшные взгляды, клыки хищника производили ужасающее впечатление. Может, под впечатлением этих взглядов косуля смотрела на него, выпучив глаза. Из чащи готова была броситься на косулю стая волков, но не решалась приблизиться.

Девушка, с любопытством разглядывающая эту картину, кажется, представляла себя на месте этой молоденькой косули и не скрывала намерения оказаться жертвой. Она

со смехом смотрела на Гадира, словно говоря: «Ну, чего же ты стоишь, иди, растерзай меня, съешь».

Гадир, летящий на крыльях по волнам страсти, был легок, как пух, совершенно невесом. Он волком набросился на девушку. Начал зубами терзать ее лицо, шею. Девушка уже была не обнаженной махой, ее глаза от наслаждения сузились. Дикае выходки Гадира измучили ее. Она кричала, редела, просила о помощи. Но ее сдавленный голос не выходил за пределы этой комнаты. Ее белая кожа посинела от укусов Гадира, превратилась в сплошные кровоподтеки. Если бы его нападение продлилось еще немного, один Аллах знает, быть может, девушка умерла бы в лапах этого уродливого дикаря. По ее шее, губам, груди стекали капли крови. А Гадир все более распался, не хотел успокаиваться. Он собирался снова напасть на нее с другого края кровати, но девушка ловким движением сильно оттолкнула его ногами. Худой, длинноногий Гадир не удержался и упал. Стукнулся головой об угол маленького шкафчика сбоку постели. Он потерял сознание и так и остался на месте. Девушка, прижавшись к стене, с невыразимым страхом смотрела на него. Гадир не шевелился. Девушка начала быстро одеваться и, прижимая платье к груди, сделала несколько шагов к двери, но снова посмотрела на Гадира: он был неподвижен. Она отбросила одежду на кровать и приблизилась к нему. Осторожно, полная страха, она потрясла Гадира за голову, взглянула на его застывшее лицо. Вздрогнула, ей почудилось, что это волк снова сейчас вопьется клыками в ее шею. Но нет, от того волка уже и следов не осталось. Они с Гадиром несколько месяцев здесь прекрасно проводили время, наслаждались, собирали группы и отправляли их в Дубай. Большинство девушек находили с ее помощью. В новую группу должна была войти и она сама. У девушки были свои планы. Большая часть доходов должна была достаться ей. Нет, нет, она не могла сейчас убежать, оставив Гадира в таком положении. Она не хотела, чтобы Гадир умер. Пусть Гадир живет, пусть хоть рвет ее на части, лишь бы с ним ничего не случилось. В это мгновение она готова была принести свою жизнь в жертву Гадиру. Она подняла Гадира, прижала руку к его лбу. Отбросила его редкие волосы со лба. Он весь покрылся холодным потом. Она схватила какую-то одежду, лежащую на кровати, стала вытирать пот со лба. Потом побежала в ванную, намочила ее под водой, выжала, вернулась и стала вытирать грудь и шею мужчины. Влажная ткань принесла Гадиру прохладу. Он медленно шевельнул ресницами, открыл глаза. Почувствовав под шеей прикосновение теплой нежной руки девушки, он пришел в себя. Стащил с себя обмотавшую шею мокрую ткань.

– Руфа, это ты? А это что?

Гадир под слабым светом рассматривал тряпку. Это был пеньюар девушки.

– Что случилось со мной?

– Ничего, Гадирчик, ничего не случилось, ты просто упал.

– Но почему я упал?

– Не знаю, ты упал с края постели.

Гадир совершенно забыл, что с ним было до падения. Он снова потерял сознание, кажется, начал бредить. Мысли его были уже не здесь, не с Руфой. Он уже не думал и о новой группе – о Нейлан, Гюле, Айлан. В его мозгу было имя лишь одной девушки, где-то совсем далеко, среди безлюдных скал эта девушка звала на помощь. Кажется, она звала его, своего отца Гадира. Это была Финае. Гадир мысленно возненавидел себя. Ведь это не Финае, или Финае. Его родная дочка Финае. Гадир протянул руки, хотел помочь дочке, которая звала его на помощь, хотел встать и пойти к ней. Однако ноги его не слушались, язык заплетался, он не мог вымолвить ни слова. Прежний дикий волк теперь вцепился в Финае. И против этого дикого волка Финае была бессильна. Волк изо всех сил швырнул ее на камни...

Руфа провела рукой по лбу Гадира. Висок его распух, округлился и налился кровью. Когда девушка вытерла мокрой тканью голову Гадира, место раны заболело.

Гадир застонал и снова потерял сознание. Снова эхом восходящий вопль Финае из скал молил его о помощи. Он опять захотел встать и пойти на помощь дочке, но не смог. Словно кто-то держал его, не позволяя пойти на зов дочери...

Вдруг поднялся сильный южный ветер. Огромное море вспенилось. Волны с грохотом бились о скалы, вызывая у людей страх. Море превратилось в огромного дракона и ревело, дышало, выражало свой гнев ужасающим грохотом. Море хотело жертвы... Не слышно было даже крика чаек, которые совсем еще недавно, повинувшись какому-то непонятному требованию, кружили над водой. Лишь поодаль в маленьком окошке избушки рыбака то гаснул, то снова загорался свет. Сумасшедший ветер с диким воем бился о стены домика, проходил через все его щели, рвал из стороны в сторону занавеску на маленьком окне.

Финае не видела огней «Сатира». Ее притягивал, манил к себе тусклый свет домика рыбака. Если бы сейчас она могла говорить, если бы у нее хватило сил, она бы птицей понеслась над скалами, помчалась бы к этому самому домику, укрылась бы у живущих там людей с медным цветом лица. Будущее этих людей, живущих всю жизнь на берегу, избравших море своим пристанищем, их вера были светлы, как солнце, прозрачны, как вода. Может быть, их великодушия смогло бы вырвать Финае из ночного холода. Люди этого домика были ей дороже всего, даже сокровищ, которые добывались с самых глубин моря, самых дорогих драгоценностей.

Там не было место Харису, которого Финае считала эталоном мужества, люди, считавшие себя могучими, в этом маленьком доме казались слабее слабых, бессильней бессильных, ничтожней ничтожных. Эта реальная мысль взорвала мозг Финае, уняла дрожь. Слабый свет, сочившийся из окошка рыбацкого домика, был ярким, как священный свет солнца, целителен, как дыхание родного человека, как тепло самого родного очага. Еще мгновение назад утратившая надежду на весь мир, проклинаящая все вокруг Финае вновь ожила, собираясь с силами, дабы бросить в лицо подлому Харису самые жуткие слова.

Харис, хоть и не понимал, что происходило, отчетливо видел полные гнева взгляды девушки, устремленные на него.

– Осень ветреная, – осторожно сказал он. – Правда, немного прохладно, но не холодно...

– Дует с юга. Это гилавар¹⁵. Такой ветер и должен быть теплым.

– Тогда почему ты дрожишь?

– Видно, осень спешит, проходит раньше времени, совсем приблизила зиму, породнилась с ней.

Губы Финае еле двигались. Харис ничего не ответил, он просто хотел услышать голос девушки, понять ее намерения. За прошедшее короткое время Харис в первый раз посмотрел на девушку с отвращением. Может, он еще раньше принял решение, что эта их встреча с Финае будет последней? Теперь Финае была для него ненужной, бесполезной вещью. Оказывается, Харис включил ее имя в список девушек, которых отправлял за границу. В этом списке имена были условными. Ее имя в списке звучало как Феня. Собственно, разница между Феней и Финае небольшая.

Теперь Хариса беспокоила беременность Финае. Проблему было не так трудно и устранить, но, зная характер Финае, он вел себя в высшей степени осторожно: «Нет, Финае, ты не сможешь распорядиться мною. У тебя на это не хватит сил, я и не с такими справлялся... Какой может быть ребенок? Куда мне сейчас ребенок? Но для моего бизнеса

¹⁵ Гилавар – южный ветер на Каспии.

ты очень дорога, слишком необходима. Ты золотой самородок. Ты не сможешь вырваться из моих рук и куда-то уйти. Ты будешь моей. Моей до последней капли крови...»

Харис подошел к ней. Рука его слегка коснулась пряди Финае.

– Тебе уже не холодно?

Финае из своего мира что-то шептала. Кажется, на нее нашло вдохновение, она читала стихи:

Эта осень рано пришла,
Явилась с холодными ветрами.
Одиноких чаек
Крики, предвещающие бури,
Журавлей, у которых
Не хватает сил на дальний путь,
Роняющих на море
Перья.
Действительно, я мерзну
От громкого грохота моря,
От ужасающего дыхания осени.
Мне более всего холодно
От взглядов.
Взглядов, от которых когда-то
Было тепло каждому перышку,
От которых я расцветала,
Как цветок.
Было время, когда я,
Как ребенок,
Бежала на их зов.
Куда делись взгляды,
На которые я оборачивалась?
Сейчас от взглядов
Идут холодные дожди.
Сейчас от тех дождей
Идут холодные взгляды.
В переполненных взглядах моей души
Дуют холодные ветры.

Финае была совершенно безразлична к холодным взглядам Хариса, гладившего ее волосы. Сейчас она часть стихотворения. В другое время она бы взглянула на него глазами, полными любви, поднялась бы, обхватила за шею. Но в руках, гладивших ее волосы, угас жар, руки высохли, словно дерево. Даже не как дерево: они были холодны, как лед, и к тому же... Это были не те руки, к которым она привыкла, это были чужие руки, они утратили свою мягкость, тепло. Эти пальцы раскрывались, как гребень, они раскрывались подобно паутине – с хитростью, коварством. И хуже всего было то, что Финае была внутри этой паутины...

Они стояли на скале. Финае вытянула руку к Харису, чтобы изо всех сил оттолкнуть его. Нужно было всего лишь одно мгновение, чтобы голова Хариса ударилась и разбилась о камни, или же всего метр, чтобы упала в морскую глубину. Но как только ее рука коснулась груди Хариса, что-то шевельнулось в ее животе. Прежняя резкая боль снова согнула ее пополам. Это было протестом еще не родившегося малыша против происходящего. Финае потеряла равновесие, но Харис не дал ей упасть. Он подхватил ее на руки, понес к машине, уложил на заднее сидение:

– Отдохни немного, – сказал он.

Ответа не последовало. В одно мгновение ее побледневшее лицо увяло, словно сорванная утром роза, покрылось морщинами. Дверца машины оставалась открытой, свет в салоне горел. Лицо Финае побледнело.

– Я не знаю, что с тобой сегодня происходит? – спросил Харис.

Финае с трудом шевельнула тонкими пальчиками, сжала и разжала кулак. Харису показалось, девушка хочет, чтобы он утешил ее, нежно погладил, потрепал за волосы, как это было раньше.

Харис вернулся к скалам, оделся, потом собрал одежду Финае. Посмотрел в сторону моря. Заботы его были бесконечны, как море. Его мучили сомнения, как после этого поступить с Финае? Кто сейчас эта девушка? Одна из сотен, из тысячи. Ведь использованную тряпку выбрасывают. Неужели он именно так должен поступить с Финае? Как с тряпкой. Нет, так не пойдет. Теперь эта девушка появилась в другом качестве, под новым именем. Сможет ли он вычеркнуть Феню из списка группы? Ведь число таких фень со временем росло. Пока не достаточно. Ему каждый день звонят, требуют новые группы...

Феню нельзя было вычеркивать из списка. Решение Хариса было твердо: под любым предлогом он должен был уговорить, убедить Финае отправиться вместе с группой за границу. Таким образом, он и избавится от нее, и заработает много денег.

Когда Харис подошел к машине, Финае уже поднялась и сидела на заднем сидении. Это была уже не слабая, обессиленная, потерявшая надежду девушка, а разъяренная волчица. Харис отчетливо увидел гнев в ее глазах и испугался. Он с явным подобострастием спросил:

– Ну что, кажется, тебе уже лучше, – сказал он, ухмыльнувшись. Потом спокойно сел в машину и хлопнул дверцу.

– Я чувствую себя хорошо, а ты? – спросила Финае.

– Я тоже неплохо...

– Ты хоть понял, что недавно чуть не умер?

– Что? Как? – не мог скрыть удивления Харис.

– Совсем недавно ты должен был умереть среди пустых скал. Но он воспротивился, лишил меня сил, не позволил даже пальцем шевельнуть.

Финае бредила или заболела? Харис с видимой заботливостью сказал:

– Тебе надо отдохнуть, одевайся, поедем.

Финае надела белье. На всякий случай провела рукой по волосам. Они были мокрыми.

Харис попробовал выяснить ее настроение:

– Ну и кто, говоришь, тебя ударил? Мой ребенок?

– Твой ребенок.

Это были не просто слова, а удары тяжелого молота по кандалам.

– И почему он тебя ударил?

Голос Хариса превратился в гневный с треском пылающий огонь.

– Он не дал мне толкнуть тебя, убить, отправить тебя на тот свет.

Глаза Хариса вылупились, чуть не вылезли из орбит.

– Что это значит? Повтори!

– А чего ты не понял? Я, кажется, говорю достаточно ясно. Ты прекрасно знаешь, что я на твоё богатство не зарилась, и я ничего не ждала от тебя, кроме достоинства, мужества. Я хотела, чтобы наш ребенок, который должен родиться, мог гордиться твоим именем. Но ты разбил все мои надежды, превратил их в прах...

Харис прекрасно знал, что в настоящее время мало кто сможет пойти против него. Но Харис также хорошо знал, что достаточно лишь одного его слова, чтобы нашлись

люди, которые сотрут с лица земли Финае. Так почему же сейчас у него не хватило решимости ответить девушке? Почему он оказался плененным ею?..

Не обращая внимания на то, что Финае раздета, он завел машину и с силой нажал на газ. Из-под колес машины разлетелись в разные стороны песок и мелкие камни. Финае зло посмотрела на Хариса, со скоростью гнавшего машину. Этот человек, долгое время владевший ее существом, притворявшийся ангелом, внезапно разоблачился и оказался хищным волком.

От берега моря было недалеко до асфальтированной дороги. Машина молнией промчалась это расстояние и выехала на трассу. И в это мгновение они столкнулись с микроавтобусом «Газель», ехавшим в город. Обе машины мчались на высоких скоростях, поэтому все произошло мгновенно. Как будто бомба взорвалась под машиной Хариса. Она взлетела вверх, перевернулась и, проскользив значительное расстояние вверх колесами, остановилась у краю дороги. Микроавтобус не смог снизить скорости и, съехав с дороги, перевернулся. В воздухе раздался крики людей, мечтающих о скором прибытии в город и, быть может, с нетерпением ждущих окончания этой дальней поездки...

До утра оставалось мало. Зинае уснула совсем недавно. Откуда-то издалека, совсем издалека послышался странный звук, он был похож на звонок, на звон церковного колокола. Этот непрерывный звон вонзался в мозг Зинае, жаждущей заснуть, может, даже скрыться от мирского шума в безмолвии, в одиночестве, лишал ее сил, выводил из себя. Какое-то упрямство было в этом звуке. И Зинае с огромным интересом пыталась понять значение этого звона. Слово кто-то нашептывал ей, что это не церковный звон, а звон часа смерти. Зинае во сне громко засмеялась. Она никак не могла разобраться, мужчина этот призрак или женщина, вышедший из мира тьмы и лишаящий ее сил взглядом своих ужасных глаз. Это было живое существо. И это живое существо временами то приближалось, то удалялось: «Я заберу ваши души, вот так, в муках». Зинае никак не могла определить, сон это или явь. Откуда пришли к ней на ум эти слова, сулящие смерть? Она вспомнила, что в молодости читала книгу «По ком звонит колокол» и в ней были слова: «Какая разница, по ком этот звон?» И Зинае успокоилась, она видит сон, ей это снится. И утешилась тем, что она видит сон. Вместе с ним пропал и страх перед этим призраком. Она снова захотела заснуть. Впрочем, нет, кажется, она вовсе не просыпалась, она чувствовала, как кошмар мучает ее. Она стала считать: «один, два, три... девяносто девять, сто». Нет, не получилось, она снова начала считать: «один, два, три», но не досчитала и до середины, как это призрак появился снова.

«— Этот звон тебя не беспокоит?»

«— Отчего же, беспокоит».

«— Значит, ты...»

«— Я еще не утратила свою человечность».

«— Именно это я и хотел сказать. Это не мало».

«— Ошибаешься».

«— Почему?»

«— Любой дышащий, живущий человек остается человечным. Если...»

«— Именно, если он не сумасшедший, не душевнобольной...»

Напряженный диалог между Зинае и призраком продолжался. Она и сама выглядела ужасно, как призрак.

Зинае хотела поймать и задушить этого призрака, в одно мгновение превратившего ее жизнь в ад, но он был бестелесен, она протягивала руки, но никого поймать не могла, он то приближался, то исчезал с глаз. Длинные руки Зинае, длинные ногти каждый раз хватали пустоту, и ее тревога с все больше нарастала. Вместе с этим усиливалась ее

уверенность, она изодрала ногтями стены, искромсала занавеси, все, что попадалось ей под руки, на глаза.

А сверху над головой звучал голос:

«– Не ищи меня!»

«– Как это не ищи, я поймаю тебя и разорву ногтями».

«– Ты не сможешь поймать меня, потому что я внутри тебя, ты должна разорвать свою грудь и выпустить меня...»

Зинае была потрясена.

«– Как же ты пробрался туда, подлец?.. Ведь я не призрак, а человек. Как и остальные, ты слышишь, я – человек...»

«– Нет, Зиничка, ты совсем другое существо. Внешне ты похожа на человека, а изнутри ты сплошная катавасия. Я – этот жуткий звон, и бью по тебе и таким, как ты. Его невозможно не услышать».

Зинае хотела успокоиться, даже снова рассмеяться. Но передумала. Она задыхалась от злости:

«– Колокол для христиан, а для мусульман предупреждение – азан...»

«– А какая тебе разница, звуки азана или колокольный звон?»

«– Люди поневоле остаются перед выбором».

Туман, окутавший голову Зинаи, понемногу рассеивался. Теперь этот звон доносился издали и был еле слышен. Но ведь она должна спать. Сон совсем пропал, она хотела подняться и умыться, но встать не смогла. Нет, кажется, она не проснулась, еще спит. Она попробовала отвлечься, снова стала считать: «один, два... Один, два...» Странно, дальше двух считать не смогла. Звук стал громче. Это был не прежний колокольный звон. Он слышался отчетливо. Она прислушалась, это звонил телефон. Открыла глаза. Видно, все это время звонил именно телефон. Зинае протянула руку и взяла трубку. В трубке послышался молодой девичий голос:

– Это квартира Гадира?

– Да.

– А вы кто?

– Я жена Гадира.

– Вас беспокоят из больницы «Скорой помощи». Это медсестра.

– Как? Из больницы?

– Да, да, из больницы. Ваш супруг Гадир случайно получил травму, и поэтому доставлен к нам. Он находится на втором этаже, третья палата справа.

Голос оборвался. Женщина погрузилась в тревожные мысли. Это правда или продолжение сна?..

Она провела рукой по шее, лицу... Нет, это не сон. Телефонная трубка все еще была в ее левой руке. Она встала с постели. Прошла в ванную, побрызгала в лицо водой. Не зная, что делать, как безумная металась из комнаты в комнату. Потом разбудила прислугу.

– Вставай, с Гадиром что-то случилось, его отвезли в больницу!

Она была в растерянности, пыталась понять, что надо делать, искала выход. Но красиво украшенные комнаты словно погрузились в вековое молчание – молчали, как немые. Ни одно из этих дорогих украшений не в состоянии было прийти к ней на помощь.

Любила ли Зинае Гадира? Этого сказать было нельзя. Но сейчас она хотела оказаться рядом с ним, держать его за руку. Причем она хотела этого всем сердцем. Она молила Аллаха, лишь бы с Гадиром ничего не случилось. Словно они не виделись много лет. Она только сейчас поняла, что уже много лет хотела вернуться к Гадиру...

Раздался звонок в дверь. Сердце Зинае замерло. Она застыла, полная тревоги. Какую еще новость ей скажут?

Открыли дверь. Это был шофер. Стало ясно, что прислуга, узнав о случившемся, вызвала его.

Светало. Выходившая вместе с шофером из дверей Зинае остановилась, услышав нежный печальный звук. Это были звуки азана из мечети Тезе пир, поднимавшиеся над спящим городом.

Лежащих на носилках Финае и Хариса уложили в машину «Скорой помощи». Их нашли через два-три часа после катастрофы. Прошло много времени, прежде чем к месту аварии прибыла дорожная полиция, следователи, первая машина «Скорой помощи». К этому времени увеличилось и число зевак. На лице полного низкорослого сотрудника дорожной полиции читалось, что никакой помощи уже не требуется и все кончено. Фары всех собравшихся машин горели, поэтому на месте происшествия было светло, как днем. Обнаружившие аварию водители и зеваки перевернули машину Хариса, поставив ее на колеса. Машина была вся смята. Все считали, что мужчина и женщина в машине мертвы. Поэтому врачи были заняты тем, что по одному вытаскивали раненных из микроавтобуса, укладывали их на носилки, переносили в выстроившиеся кареты «Скорой помощи». Три пассажира микроавтобуса погибли: водитель, его помощник, собиравший оплату за проезд, и еще один пожилой мужчина. Остальные были ранены – легко или тяжело. Хариса с Финае вытащили из автомобиля самыми последними. «Мерседес» был в страшном состоянии, и доставать из него пассажиров было делом не таким уж и легким. Поэтому на место происшествия доставили сварщика. Он отрезал верх кузова машины, и только тогда смогли вытащить находившихся в ней людей.

Первые слова, которые сквозь забытие донеслись до Финае – «Они живы!» – придали ей сил. Она дернулась, попыталась встать, но вся нижняя часть тела была тяжелой, как камень. Она не чувствовала боли, не знала, насколько она травмирована, и была в состоянии припомнить все, что было с ней до столкновения...

...Да, она вспомнила, что когда они отъехали от берега, Харис сильно нервничал. Он в бешенстве тронул машину с места. Наверное, хотел как можно скорее доехать до города, вытолкнуть голую Финае из машины на какой-нибудь улице. Все это Финае читала в его глазах, полных гнева. Злые слова Хариса – «и тебя, и твоего ребенка...» – сжигали в одно мгновение все мосты. Финае хотела в тот же миг потребовать остановить машину, выйти прямо на полпути в ночную мглу, плюнуть и на него, и на его слова и отвернуться. Потому что впервые за время их знакомства Харис почувствовал, насколько он оскорблен.

Финае хотела сказать: «останови», но сказать это не было сил. Кажется, именно в этот миг и произошло столкновение.

...Она подняла руки проверить голову. Никакой особой боли ни в голове, ни в верхней части туловища она не почувствовала. И не понимала, почему не может шевельнуться. Она коснулась лежащего рядом с ней Хариса. Его тело тряслось, лицо дергалось. В светлом салоне машины «Скорой помощи» Харис временами взмахивал руками. Это напоминало движения тонущего в воде человека. Финае взяла его за руку, кажется, Харис почувствовал это. Он тоже медленно провел рукой по лицу, груди Финае. Словно хотел проверить Финае с головы до ног. Нет, этим сокровищем он не станет ни с кем делиться. Для Финае же Харис умер еще до аварии. Вдруг Харис судорожно сжал руками поручни носилок и попробовал подняться.

Харис умирал. Глаза его выпучились. Финае спешила, пока он не умер, пока слышит, сказать ему, что она не прощает его.

– Вот и пришел тебе конец...

– Да, только... – простонал он.

– Нет, уже поздно, ничего...

Финае не договорила. Она только хотела сказать, что ему уже ничего не поможет.

Харис цеплялся за соломинку:

– Ты видишь, я умираю, Финае...

– Любой живущий однажды умирает...

– Ты хочешь, чтобы я так скоро умер?

– Нет.

– Ты все еще любишь меня?

Испытывая не столько боли от ран, сколь душевную боль она с насмешкой сказала:

– Любишь?.. Да я никогда тебя не любила...

– Как?! Ты обманывала меня? – заревел он со страстью здорового человека, каким был до аварии.

– Нет, Харис, не обманывала. Умный человек не будет влюбляться в самого себя.

Ты был мною, моей душой.

– Финае, я не хочу умирать.

– Чего же мертвому бояться смерти...

– Послушай меня, поверь мне.

Харис молил из последних сил.

– Чему мне поверить? – спросила Финае.

– Тому, что я любил тебя... Я хочу жить, Финае...

Своим последним взглядом Харис искал в глазах Финае понимания. Ему казалось, что лежавшая рядом с ним вся в крови Финае обладает божественной силой. Если б эта девушка захотела, то могла бы даровать ему жизнь, не позволила бы душе мучиться.

Оказывается, самое большое достояние человека это его здоровье. Неужели Финае не поможет ему?! «О, Всевышний, хотя бы раз Финае посмотрела на меня со снисхождением». Но снисхождения не было, оно исчезло до последней капли. Последняя надежда угасала в глазах Хариса. Проведя рукой по животу Финае, он понял, что все пропало.

А Финае, глядя в глаза Хариса, молящего о спасении, снова видела прежнюю алчность: «Жить! Жить!»

Харис действительно хотел жить. Но кого же еще можно было просить о жизни, птицей улетающей от него? Харис не хотел так легко терять того, во что верил, и поэтому ждал помощи от Финае. Он снова уперся руками о край носилок и попробовал встать, но тут же задохнулся от хрипа, вырвавшегося из самой его груди. Из рта потекла кровь... Руки ослабли, он неподвижно лежал на носилки и так и остался с выпученными глазами...

Финае срочно доставили в операционную. На лестнице больницы, в коридоре царил смятение. Раненым оказывали помощь, выясняли, кто они такие, сообщали родным тех, чьи адреса удалось установить.

Хариса тоже на носилках доставили в операционную. Доставивший их врач «Скорой помощи» взял его за запястье. Потом проверил зрачки – они были неподвижны. Вдруг врач вздрогнул и отошел. Из застывших глаз на него смотрела девушка. Врач хотел что-то сказать, но тут зазвонил мобильный телефон. Это был телефон Хариса...

Врач «Скорой помощи», будто получить разрешение, посмотрел на хирурга, потом нажал кнопку и ответил:

– Слушаю. Здравствуйте! Да, это «Скорая помощь». Да, произошла тяжелая авария. Водитель иномарки скончался. Девушка, которая была с ним, в тяжелом состоянии...

Он выключил телефон и положил его на стол.

– Это племянница погибшего. Из «Новостей», когда объявили номер машины, узнала о случившемся. Она хорошо знакома и с этой девушкой. Говорит, зовут ее Финае...

Лежащая в операционной Финае в глубоком трансе смотрела в одну точку. Она ничего не чувствовала и на услышанные слова никак не отреагировала. Лежала, равнодушная ко всему, даже к младенцу в своем животе...

Наступило утро. Весь город говорил о произошедшей ночью страшной аварии, и особенно о том, как Финае полуголую вытащили из машины.

– Бедняжка была беременна, – сказала выглянувшая из окна на улицу молодая санитарка. А потом задумчиво добавила: – Кажется, покойный был человеком с достатком – с самого утра не прекращается поток приезжающих сюда иномарок. Эх, Аллах дает кусок хлеба, лишь бы не было безвременных смертей и ничего страшного бы не случилось с человеком. Какая польза в этом богатстве, в этих деньгах? Он умер. А что с девушкой, выживет она после операции, или нет, неясно...

Она еще много говорила о жестокости жизни, о ее быстротечности. И даже сама не знала, кому все это рассказывает. Один Аллах свидетель, как она от всей души желала, чтобы раненные выздоровели. Очень хотела, чтобы ее впустили внутрь. Она бы убрала окровавленные тряпки, чтобы кто-то спросил, как себя чувствует больная, а она бы ответила: слава Аллаху, опасность миновала. А люди бы, как всегда, когда санитарка выходит с доброй вестью, одаривали бы ее деньгами.

...Финае дали наркоз, врач ждал, когда он подействует. Они собирались приступить к операции, так и не узнав адреса девушки. Необходимые приготовления были сделаны. Состояние Финае было тяжелым, она потеряла много крови, придется делать переливание. Ребенка, которого носила, она потеряла...

...За другим столом следователь при участии судебно-медицинского эксперта вскрывали труп Хариса и протоколировали причины смерти: «Грудная клетка подверглась сильному давлению, лопнули легкие и артерии, смерть наступила в результате внутреннего кровотечения».

Труп Хариса передали родным. Глаза его были все еще раскрыты, ладони по-прежнему сжаты. После того, как его обмоют в мечети, прочитают над ним намаз, его обернут в саван.

Санитарка ворчала в коридоре:

– Он походил на жадного человека. И всего мира ему казалось мало.

Старшая медсестра, шедшая по коридору, неся в операционную лекарства, пристыдила ее:

– Что ты несешь? Поменьше бы болтала...

– А чего мне поменьше болтать, я говорю то, что вижу. Если бы он не был жадным, скупым, то и умер бы в своем доме.

– Смерть в руках Аллаха. Каждый умирает тогда, когда приходит его время.

Старшая медсестра вошла в операционную. Но санитарка не оставила ее последние слова без ответа:

– Приличный человек не станет ездить в машине с голой девушкой.

Зинае, услышав шум за дверью, вышла из палаты. Она с раннего утра, то есть уже несколько часов, была около Гадира.

Гадир еще не пришел в себя. Ему вводили необходимые препараты, оказывали нужную помощь. Дежурный врач, проверив его сердце, пульс, давление, сказал, что ничего страшного не произошло, скоро он поправится. Правда, он, может быть, не сможет точно вспомнить, что с ним случилось, поэтому волновать его, спрашивать о чем-то нельзя, даже громко разговаривать при нем нежелательно.

Так как Гадир был доставлен в больницу с черепно-мозговой травмой, то врачи сообщили об этом в полицию. Следователь заинтересовался состоянием Гадира, допросил врача и прибывшего с ним из «Сатира» человека. Это человек в своих показаниях сообщил, что Гадир случайно упал с кровати и ударился головой о шкаф, при этом сообщив, что эти сведения получены им от девушки по имени Руфа...

Зинае, в сотый раз обдумывая кошмарный сон, увиденный ночью, выглянула из окна. Немного успокоившись, она вышла из палаты в коридор. О страшной дорожной аварии она услышала здесь в больнице от медиков и больных. Когда она подошла к хирургическому отделению и открыла дверь, то увидела там Рахибу:

– Послушай, а ты что здесь делаешь?

Рахиба, рыдая, бросилась к ней:

– Зинае ханум, мой дядя Харис... – дальше она ничего сказать не могла.

– Скажи прямо, что случилось, что произошло? – Зинае потрясла Рахибу.

– Авария. Машина дяди столкнулась с «Газелью».

– Как? Где?

– На дороге Баку-Аляты. Там, где с моря выезжают на асфальтовую дорогу.

Зинае ничего не знала о случившемся. Не зная о смерти Хариса, подумала о том, что Харис опытный водитель и не может быть виноватым в аварии.

Немного успокоившаяся Рахиба продолжила объяснение:

– «Газель» ехала из района.

– Эти районские водители день и ночь ездят по дорогам и совсем испортили их.

Даже спят за рулем. Ничего, Бог даст, все кончится хорошо.

И вдруг Зинае словно пробудилась от сна:

– А где Финае? Неужели они были вместе?

– Да, они оба были там.

– И сейчас они здесь?

– Мой дядя умер. Его только что увезли.

– Как?! – Зинае побелела, как бумага. Словно услышала о смерти не Хариса, а своего единственного сына Надира.

Надира два-три месяца назад отправили за границу. Один из родственников Зинае по материнской линии жил в Ливане. Иногда они переписывались. Зинае написала им о том, что у нее двое детей – Финае и Надир. Родственники в ответ предложили ей прислать Надира к ним, чтобы он там выучил английский, познакомился с Востоком. После того как Надир уехал в Ливан, он попал там под опеку своих родственников. Они связывались с Зинае по телефону, спрашивали о делах, говорили, что у Надира есть все условия для дальнейшей учебы.

Услышанная ею новость потрясла Зинае. Рахиба взяла ее под руку, подвела к двери и усадила на стул охранника. Медсестра, звонившая куда-то, положила трубку и побежала за лекарством. К носу Зинае поднесли ватку с нашатырем, дали успокоительное. Зинае пришла в себя.

– Финае? Где Финае?

– В операционной...

Рахиба прижала голову Зинае к своей груди. Медсестра, принеся лекарства, хотела сказать им хоть какую-нибудь радостную весть. Потому что неожиданные и непредвиденные происшествия терзали души несчастных, превратили их жизни во что-то невообразимое.

Медсестра была из числа тех, кто только недавно устроился на работу в больницу. Ужасные происшествия, аварии, которые происходили каждый день, потрясали ее, трудно было к этому привыкнуть. Опытным медсестрам, которые целый день легкой походкой порхали по палатам и коридорам, было все безразлично. Они надевали украшения, прихорашивались, словно приходили на свадьбу. Здесь было не место поднимать крик и плакать, от них требовалось хладнокровие.

Повидавшая виды ворчливая санитарка подошла к ним и спросила у медсестры:

– Ты сообщила всем родственникам раненых?

– Некоторым сказала... Остальных ищу.

– А чего ты сидишь здесь, иди работай.

– Иду, сейчас иду. Этой женщине стало плохо, я принесла лекарство, – ответила девушка – так, словно она сама была санитаркой, а медсестрой эта ворчливая женщина.

Два врача, вышедшие из операционной, переговаривались друг с другом:

– Операция прошла хорошо. Девушка выкарабкается.

Зинае тут же бросилась к ним:

– Какая девушка? Кто?

– Имени ее не знают. Честное слово, говорят, что... – тут врач, словно очнулся и замолчал.

Теперь уже Рахиба поняла, что речь идет о Финае. И знала, что врач собирался сказать, что девушка в машине была совершенно голая.

– Я ненавижу его, полагаю, что он понес заслуженное наказание.

– Вы давно ненавидели его? – следователь предположил, что ему уже ясно, в чем тут дело. Но потом подумал, что всякое может, быть... Может быть, в машине между Финае и Харисом возник спор. Ведь она была в машине голой. В таком случае, Финае захотела вырвать руль из рук Хариса и сама спровоцировала аварию. Признание Финае в ненависти к Харису давало следователю возможность сделать такое предположение.

Следователь был молод. Он был одет в дорогой серый костюм, ботинки под цвет костюма, белую рубашку и модный в последнее время галстук. Судя по всему, он уделял одежде большое внимание. Был он среднего роста, полнота, не соответствующая возрасту, придавала ему больше солидности. Лицо следователя было по-девичьи красиво и свежо, вел он себя независимо, задавал умные вопросы, и было видно, что он профессионал с достаточным опытом работы. Сейчас он важно осматривался по сторонам и с нетерпением ждал ответа на свой вопрос.

– Знакомы мы с ним не так давно. Но за прошедшее время мы очень привязались и сблизились.

– А кто вас познакомил?

– Его племянница, моя студенческая подруга Рахиба. Мы полагали, что Аллах создал нас друг для друга. Я полагала, что нашла свой идеал...

– Вы любили его? – прервал следователь Финае, которая что-то еще хотела сказать. Потом внимательно взглянул в глаза девушке. Очевидно, он хотел определить степень искренности Финае.

Финае не торопилась с ответом, надолго задумалась. Заскучав от возникшей паузы, следователь протянул руку, чтобы выключить диктофон. Финае проигнорировала его вопрос. Мысли ее унеслись на несколько месяцев назад. К тем дням, когда она считала

себя поистине счастливой, была на седьмом небе от блаженства. По мнению Финае мгновения, когда человек себя ощущает счастливым, можно назвать «любовью». Может, это чувство даже выше любви. И об этом Финае думала в те счастливые мгновения..

– Каждое наше свидание было праздником для меня. Я не чувствовала ног под собой, буквально витала в небе. И это небо было чистым, безоблачным, добрым; находиться там, провести так жизнь было для меня превыше любви. После каждого нашего свидания я чувствовала себя самым богатым человеком на земле. Почему так было, я и сама не знаю. Не знаю...

– А вообще до Хариса был кто-то, любящий вас или вообще относившийся к вам с признанием любовью? – следователь пытался выяснить, каково представление девушки о любви?

– Я человек, который говорит то, что думает. Потому что не люблю быть закованной в кандалы, я свободолюбива. Мне кажется, что свобода должна быть внутри человека. Человек, который говорит одно, а думает другое, несчастен.

– Финае ханум, тогда, по-вашему, получается, что душевно больные, сумасшедшие – самые свободные в мире люди.

Примитивная логика следователя подействовала на Финае. Она обиженно сказала:

– Да, именно так я и думаю. Потому что сумасшедшие не являются рабами никаких запретов. Но вы, задавая этот вопрос, забываете о своем служебном долге. Такой предвзятый вопрос не к лицу опытному следователю.

Ответ Финае задел следователя. Он покраснел до кончиков ушей, но быстро взял себя в руки:

– Вы учите меня? – спросил он, глядя ей прямо в глаза.

– Вас достаточно научили в институте, большего не требуется.

– А тогда...

Финае равнодушно посмотрела на следователя и замолчала.

Придав голосу повелительную интонацию, следователь сказал:

– Давайте ничего не скрывают. Расскажите все откровенно.

Как-будто девушка что-то скрывала!..

– Пожалуйста, поговорим откровенно. Но имейте в виду, что ваши неуместные вопросы запутают вас самих, вы же и растеряетесь...

Подобные поучения от девушки, в тяжелом состоянии лежавшей на кровати, к тому же проходящей подозреваемой по уголовному делу, рассердили следователя, и он сердито спросил:

– В любом случае вы согласны с тем, что оскорблены ваши честь и достоинство? Или нет?

Молодой следователь хотел в отместку разозлить Финае за то, что недавно она вогнула его в краску. Но как сделать так, чтобы приструнить девушку? Эта красавица, превратившаяся в постельную заключенную, вовсе не считала себя захваченной врасплох. Равнодушие Финае, ее отстраненность от происшествия выводили следователя из себя, заставляли искать более резкие и жесткие слова. Но помня свой служебный долг, он старался не выдавать своих намерений. То, что Финае с легкостью пошла на контакт и стояла на своем, было, с одной стороны, продиктовано стрессовым состоянием, в котором она находилась, а с другой – ее внутренними противоречиями.

Неохотные, флегматичные ответы на вопросы следователя создавали впечатление безразличия Финае к происшедшему. Будь у него воля, он бы схватил Финае за гордо и тряс бы ее, чтобы она была откровенней. Но он боялся, что потом будет раскаиваться в этом, потому что за такое поведение его по головке не погладят.

– Хорошо, Финае ханум, может, продолжите? Вы не вспомните случая, когда бы Харис применял против вас насильственные действия? – В голосе молодого следователя зазвучали добрые, мягкие нотки. Он, судя по всему, решил изменить тактику. Он

придвинул свой стул ближе. Протянув руку, он положил ее на руку Финае. Финае не шевельнулась, она восприняла этот жест молодого следователя как проявление человечности. И под влиянием этого доброго чувства перешла на прежний тон разговора. Она снова задумалась. Следователь увидел на лице Финае, которая дней десять-пятнадцать назад попала в аварию, перенесла тяжелую хирургическую операцию и пришла в себя, необыкновенный свет, так притягивающий людей. Она перенесла моральную и физическую травму, потеряла много крови. Извлекли погибшего в ее чреве ребенка. Но все эти тяжелые потрясения, смерть дорогого человека не смогли погасить этот свет на ее лице.

Девушке же в этот миг почудилось, что ее руки коснулся Харис. Она захотела повернуться в кровати, обратив к нему лицо. Но от резкого движения возникла боль, она застонала, закрыла глаза...

Молодой следователь тут же убрал руку:

– Может, позвать врача?

Он был взволнован, ему было жаль девушку. Финае рукой медленно сделала отрицательное движение, а потом тихо сказала:

– Я держала его за руки. Чувствовала его дыхание.

Неожиданные слова девушки, ее взгляд, устремленный в неопределенную точку, озадачил следователя. Он до сих пор раскрыл большое количество тяжких преступлений, общался со многими людьми. Однако с таким странным и интересным человеком никогда не встречался. Может, потому он и растерялся. Сначала Финае сказала ему, что она ненавидит Хариса, сейчас жила мечтами о нем. Даже руку молодого следователя приняла за руку Хариса. А, может, в ту же минуту отвергла его и выгнала бы из палаты. Молодой следователь, ищущий виновника происшедшего, собрался, подчиняясь непостижимому характеру Финае. Даже стул, на котором сидел, отодвинул от кровати.

– Может, вы хотите немного отдохнуть? Я, кажется, утомил вас?

Финае снова помахала рукой и сделала отрицательное движение головой. Тем самым она хотела сказать, что присутствие молодого следователя не причиняет ей никаких беспокойств.

– Я не устала, не беспокойтесь. По сути дела, вы даже помогаете мне. Я снова вспоминаю прожитую жизнь, то, что было. Вам это не нужно. Но мне необходимо. Его нет, а я еще живу.

– Вы считаете себя виновной в том, что произошло, точнее, в смерти Хариса?

– Я – главная виновница.

Финае ответила, не задумываясь, и молодой следователь быстро посмотрел на диктофон. На маленьком звукозаписывающем аппарате горела лампочка, диск под крышечкой вращался. Взгляд следователя остановился на вращающемся диске. Несомненно, на этот вопрос Финае должна была ответить отрицательно. То, что она перепутала «да» и «нет», поставило молодого следователя в тупик. Человек, лежащий напротив, вернее, эта девушка, даже моложе него, была либо ангелом, либо в ангельском обличье дьяволом.

– Как? Говорите понятней, – настаивал молодой следователь. В его глазах был блеск – такой же, как огонек на диктофоне.

– Я уже говорила, что не умею обманывать. Харис умер на моих глазах. Но не так, как вы думаете, не в момент аварии, а гораздо раньше, причем умирал постепенно, медленно. Как человек, тонущий в болоте. Но тут есть разница: тонущий человек знает, что попал в болото и зовет на помощь, а он же не догадывался до этого. Падание на дно болота считал за честь.

Молодой следователь ничего не понял из запутанных рассуждений Финае. Он снова готов был рассердиться, но подавил в себе эту злость, вспомнив, как врач Финае

предупреждал его, что пациентка не должна нервничать. Иначе следующий допрос ему удастся провести еще не скоро.

Он собрался и попробовал направить разговор в нужное русло:

– Правильно ли я понял вас, Финае ханум: вы считаете себя внутренне виновной. Скажем, вы вовремя не смогли увести друга с ошибочного пути.

Финае с признательностью посмотрела на него. Молодой следователь так понял эту признательность: «наконец-то и вы заговорили по-человечески...»

Действительно, Финае в его последних словах почувствовала искренность:

– Вообще человек человека должен понимать.

И эти слова следователь принял на свой счет.

А Финае продолжила:

– В наших отношениях не было ничего таинственного. Он прекрасно понимал, что в будущем я не буду для него кандалами. Просто тогда время, потраченное им на меня, считала наградой и была счастлива.

– В таком случае, когда между вами появилось недопонимание? После того, как он стал жить с вами, как муж?

Кто-то в соседней палате прибавил звук радио. Певец пел мугам:

Я – плачущий соловей, и не напрасен плач мой,

Я в скорби мечтаю хотя бы об одном вдохе

На Господнем рынке я не имею заслуг,

Где найти тот базар, где я мог бы продать свои заслуги.

Следователь прервал допрос. Этот волнующий мугам просто так слушать было невозможно. Печаль в голосе певца, его сердечность, льющие бальзам на душу мелодичные переливы голоса, слова газели вызывали в слушателе слезы. Музыка пришлось кстати: как и в мугаме, все богатству мира ни на йоту не привлекало Финае, и мугам совпадал с ее ответом молодому следователю.

Мугам закончился. А молчание, вызванное магическим голосом, продолжалось. Наверное, скоро придут медсестры. Наступал вечер и врач должен был осмотреть больную.

А следователь, можно сказать, ни на один из своих вопросов не получил нормального, достойного внимания ответа. Он снова неохотно нарушил молчание:

– До первой, проведенной с ним ночи, вы что-нибудь говорили родителям о ваших намерениях? Вы с самого начала решили жить с Харисом?

– А зачем надо было говорить родителям? Мне достаточно лет. У меня есть право самой подумать о своей судьбе, самой решать свою судьбу, все взвесить, обдумать.

– Но ведь есть обычаи...

– Будь прокляты эти обычаи! – в этот раз Финае действительно стала нервничать: – Вы только сейчас вспомнили об обычаях? Спросите у девушек, заполняющих ночные бары, говорят ли они с кем-то об этом? Никакой брак, эта сухая бумажка, не сможет привязать людей друг к другу. Человек – не дерево, чтобы обрезать ветви и привить их друг к другу, получится – хорошо, а не получится – и ладно. Я не оправдываю себя, говоря это. До Хариса многие хотели сблизиться со мной. Они таскались за мной, вертели головами, как подсолнухи, следя за мной, приставали, смеялись мне в лицо, объяснялись в любви. Но я никого не подпускала близко к сердцу. Морально-нравственные нормы – это книжные слова, а жизнь – совсем другое.

Финае прервала свой монолог. На секунду задумалась. И словно опасаясь очередного неуместного вопроса молодого следователя, тут же продолжила:

– Но я не скрываю, был и другой. Он постоянно говорил, что любит меня. И сейчас, когда я говорю с вами, я чувствую взгляд его глаз. В этих глазах есть заурядность, но

ненасытности в них нет. Отчего-то эти глаза в то время смотрели на меня совсем иначе. Я не говорю, что не поняла его. Его взгляды были вполне ясны, они обещали мне огромную любовь.

Финае посмотрела в глаза своего собеседника. Следователь внимательно слушал ее.

– Он готов был носить меня на голове, как корону. Ради меня готов был отказаться от всего мира. Он не смог бы, как Харис, сойти с истинного пути, у него была одна дорога. И она проходила через мое сердце. Но я...

– Вы не приняли его любви, – подвел итог словам девушки молодой следователь. Этими словами он еще хотел сказать, что понимает Финае.

– Да, я отвергла его. Да я и не могла принять его. Потому что взамен он захотел бы от меня более дорогих, более ценных даров.

– Они что, были очень бедны?

Финае смутило то, что следователь воспринял ее слова, полные бескорыстия, так буквально. Она явно видела, что по уровню восприятия, следователь стоит ниже нее. Иначе он был бы догадливее.

Она ответила следователю двояко:

– Считайте, что он был гораздо богаче вас.

Этим ответом она хотела поставить следователя на место, прекратить его неуместные вопросы.

– Простите, Финае ханум. Поверьте, что я вовсе не собирался касаться ваших чувств. Задавать вопросы – моя работа.

Этими словами следователь постарался не усугублять установившиеся между Финае и им прохладные отношения, а перевести разговор в мирное русло. Он знал, что Финае из богатой семьи.

Молодой следователь встречался и с Гадиром. Знал, он и то, что в ночь аварии Гадир получил травму головы и был доставлен в больницу. Но ему сказали, что между травмой Гадира и аварией, в которую попал, Харис нет никакой связи. Да и с правовой точки зрения никакая связь тут не проглядывалась. Начальник подробно рассказал ему об отношениях Гадира с Руфой в ресторане «Сатир» и предупредил, что Гадир не имеет никакого отношения к аварии, в которую попал Харис.

Однако молодой следователь должен был проверить, есть ли какая-нибудь связь между этими событиями. По его убеждению между событием, произошедшим в тот вечер в ресторане «Сатир», и аварией, случившейся недалеко от ресторана, может быть какая-то связь. Гадир был отцом Финае. Он связан с «Сатиром». По слухам, этот ресторан принадлежал Харису. Хотя по документам, хозяевами ресторана были совсем другие люди. В то же время Харис был с дочкой Гадира, с которым был связан совместной работой. Точнее, при сборе сведений о Харисе многие утверждали, что он – зять Гадира, конечно, говоря об этом с иронией. Естественно, Гадир должен был знать об отношениях его дочери с Харисом. К тому же в показаниях, полученных от Руфы, бывшей в ту ночь с Гадиром, сказано, что Гадир в тот вечер разговаривал с племянницей Хариса Рахибой. Будто бы у них была фирма, организующая работу для девушек за границей. Девушки, давшие согласие, писали заявление и им за счет фирмы переводились деньги, вот и все. Но тогда как, каким образом они обогащались? По слухам, на имя каждого из них в разных банках было достаточно средств.

Чтобы отыскать истоки отношений между Харисом и Финае, молодой следователь хотел разобраться все это и найти, куда ведут корни произошедшего. Но были и такие, кто хотел бы представить случившееся как обычное дорожное происшествие. Почему? Что стояло за этим желанием? Все это и старался понять молодой следователь.

...Для расследования всего этого он должен был начать с поверхностных вопросов. Его мучил вопрос, на который он пытался получить ответ. Отчего Финае была в машине

обнаженной? Ответ на это вопрос рождал новые вопросы. Почему Харис вел машину с такой скоростью? Куда он спешил? Следователь должен был найти ответы на все эти вопросы, которые мучили его. А Финае, по мнению следователя, говорила о вещах, не имеющих к делу отношения.

По чьей вине Финае попала в больницу? И вообще, что эта была за катастрофа: ее судьба или результат ошибок, допущенных в личной жизни? Финае не могла допустить, что вся ее личная жизнь и, в частности, ее отношения с Харисом были построены на сплошных ошибках. И это несмотря на предательство Хариса, на то, что изменил своим обещаниям, простой искренности, которой она ждала от него. А вот девушка никак не могла воспринять его поступки как простое предательство. Пока Финае жила с Харисом, она не считала его своим мужем, у нее даже не возникало мысли об этом. Но как она должна была объяснить себе причину поступков, которые привели к крушению ее судьбы? Корень случившегося был связан с ответом на этот вопрос. Было много и других вопросов, мучивших Финае, на которые она не могла найти ответа. Когда она оставалась одна или когда с иронией слушала вопросы молодого следователя, она думала только об этом.

Ответы девушки не удовлетворяли молодого следователя.

Финае прекрасно знала, как произошел этот инцидент. Если бы она вынуждена была давать конкретные ответы, то сказала бы, что все произошло из-за упрямства Хариса, его желания урвать как можно больше у общества, от желания еще более нажиться, от его жадности, заставляющей его отправлять в Дубай молодых девушек и наживаться на этом. То, что Харис не пожелал мириться с ее беременностью, Финае считала подлостью. Очень может быть, что в ближайшие дни он бы и ее включил в список девушек, отправляемых за границу. Харис уже смотрел на нее как на рыночный товар.

Финае хотела, чтобы молодой следователь понял бы природу Хариса. Понял причину, заставившую его вести машину с такой скоростью.

Харис, считавшийся в городе одним из богатейших людей, не желал видеть в Финае свою наследницу. Финае прекрасно понимала, что была источником наслаждения для Хариса, но время, отведенное для нее, закончилось. Она должна была отойти в тень.

В большинстве случаев преступления совершаются из-за характера, природы людей. Финае сожалела, что молодой следователь не понимает того, о чем идет речь. Может быть, молодой следователь и учился в университет на «отлично», но не понял, что человеку главный урок преподносит учитель по имени Жизнь. Человек живет, а жизнь в соответствии с его природой, характером указывает ему путь. Тем и сладка жизнь, что человек в ней определяет свое истинное предназначение.

...Вчера приходила Рахиба. Рассказывая о похоронах своего дяди, сообщила, что жена Хариса и дочь присутствовали на похоронах. На поминках было и много незнакомых людей. Палатка была поставлена во дворе дома Рахибы. По слухам, у Хариса было много личного имущества, большие доходы, но об этом не знали ни жена, ни дочь, ни брат, то есть отец Рахибы. Хотя они много о чем слышали, точно никто ничего не знал. Еще до того, как тело Хариса было предано земле, разговоры об этом не прекращались. Было немало людей, кто с отвращением, издевкой смотрел на жизнь Хариса: «Ну и что же, что он был богат? Никто не уносил с собой больше пяти аршинов белой ткани. Но каждый, по крайней мере, должен знать, что он умрет».

Ходили слухи о причастности каких-то людей к смерти Хариса. По словам Рахибы, он был связан и с отцом Финае.

Финае восприняла слова подруги без удивления. Она знала, что это правда, на седьмой день смерти Хариса Гадир участвовал на поминках в числе близких людей. Главным связующим звеном был ресторан «Сатир». Финае было известно и то, что в ту же ночь отец был в «Сатире» и получил травму головы. Сначала ей об этом рассказала мать, а потом и Рахиба подтвердила, что в тот вечер говорила с ее отцом по телефону.

Придя после похорон дяди к Гадиру в больницу, Рахиба долго беседовала с ним и договорилась о встрече в ближайшие дни.

Финае думала: «Странность этого мира еще и в том, что ни один несчастный случай не в состоянии заставить свернуть с пути людей, ищущих приключения».

Когда Рахиба сказала, что отец Финае хочет отправить ее за границу, та не удивилась. Потому что знала, что отец не далеко ушел от Хариса. На коварную и хитроумную западню Рахибы она ответила лишь горькой усмешкой. Хотела сказать, что если ей нравится, она может организовать такие же как в загранице оргии здесь, но промолчала.

Финае хотела рассказать Рахибе, чем занимались Харис и ее отец, но раздумала. Во-первых, потому что знала, что в душе Рахиба склонна к приключениям. К тому же она понимала, что человек, любящий давать наставления, сам не воспринимает их. Да у нее не было морального права поучать Рахибу. Даже если бы Рахиба не стала возражать Финае, то вполне могла подумать – а по какому праву она считает себя умнее меня? Пусть каждый свою жизнь проживает сам. Человека с моральной точки зрения принижают и возвеличивают события, происходящие с ним. Смотри кто какой вывод делает из случившегося. Например, сейчас Рахиба считает себя умнее. Потому что жизнь тянет ее в свое лоно и ведет по выбранному ею пути. Финае тоже была сторонницей этого. Она думает, что человек счастлив лишь тогда, когда жизнь направляет его к желаемому.

Финае не забывала того самого свидания в доме Хариса, после которого в ее жизни началась сладкая пора. И как бы сегодня она ни презирала его, она помнила, что в ту первую ночь, потеряв камень с кольца, приняла это за дурной знак, и все случившееся сейчас она старалась связать с этой потерей. Это был роковой урок. Может, Аллах и наказал ее, что она не извлекла урока из этого предостережения. Сколько же будет преследовать ее боль этого наказания? Во всяком случае, оставаясь один на один с молодым следователем в больничной палате, она хотела как клубок размотать свое прошлое, собирая в кулак прожитые дни своей запутанной жизни. Она и не почувствовала, как сжались ее кулаки. Она стукнула обоими кулаками по бокам. Молодой следователь вздрогнул от этого неожиданного и несколько истеричного жеста. Он быстро поднялся:

– Что с вами, Финае ханум, успокойтесь!

Следователь подал ей воды.

Прошло немало времени, девушка постепенно пришла в себя и взглянула на стоящего перед ней следователя. Казалось, ее взгляды говорили: «не беспокойтесь, садитесь».

– Ну что, ваш гнев утих? Чем спокойней и терпеливее вы будете, тем быстрее заживут ваши раны.

Финае покачала головой. Кажется, настала подходящая обстановка для беседы. Поэтому следователь сказал:

– Я слышал, вы прекрасная поэтесса. Скоро вы поправитесь, придете в себя и снова сможете писать свои тонкие стихи. Чувствуется, у вас свободная и непокорная душа.

– Именно эту свободную душу хотел отнять у меня Харис, точнее, вырвать из моего внутреннего мира, а потом превратить меня в рабыню.

Молодой следователь тут же попробовал повернуть разговор в нужное направление:

– Но перед этим вы говорили совсем о другом человеке.

– Да, был такой человек. Он готов был подарить мне весь мир. Я помню эти слова. Я ведь уже сказала. А взамен он у меня...

Финае вновь прервала речь.

Молодой следователь усмехнулся:

– Да, вы говорили, что он чего хотел?..

Рассуждения следователя уже не нервировали Финае, поэтому она спокойно продолжала:

– Он хотел мою свободу. Вы, наверное, видели «Джоконду» или «Мону Лизу», которая считается вершиной мирового искусства. Были ли безнравственными те женщины, которые вдохновляли художников? Кем были женщины на картинах «Обнаженная маха», «Спящая Венера», «Мона Лиза», в чьих глазах читается страсть? Они, часами лежавшие перед художниками, были их бесподобными помощницами в создании этих шедевров. Так должны ли мы сегодня за это проклинать их?

Я знала, что те глаза, смотрящие с любовью, задушат мой свободный дух. И это взамен моей беспредельной любви! Ревностью, требованием ни на кого в мире кроме него не смотреть, невольно бы измучили меня. Этого я не смогла принять.

Я его прекрасно понимала. Такая любовь – если была в вашей жизни – недостаточно для счастья. Если вы познали счастье, данное любовью, то почему когда вы положили свою руку на мою, вы испытали совсем другие чувства? Что не позволило вашей душе покориться? Отчего ваша душа вместе с рука как змея кралась к моей? Еще переживающая свою трагедию, осознавшая тяжесть своего горя или пока нет – это не имеет значения. Я девушка, у которой вы срывает корки с незаживших ран. Ваши слова, которые вы говорите якобы в утешение, жгут меня, словно соль на ранах. Я не так простодушна, как вы думаете.

Финае замолчала. Следователь в первый раз в жизни встречался с человеком, мысли которого были столь глубоки. Он не решался прервать ее. Чуть позже Финае опять тихо заговорила:

– Я жила с Харисом по своей воле. И не намерена давать кому-то отчет за боль, причиненную мне в этой жизни. Я и без того под следствием.

Молодой следователь, казалось, вздрогнул. Желаящими ответа глазами он внимательно посмотрел на Финае.

– Не беспокойтесь, господин следователь. У меня нет намерения защищаться от следствия. Меня преследуют те глаза. Я, может быть, позже расскажу вам о хозяине тех глаз, это простой продавец газет, инвалид карабахской войны. Он учится в каком-то университете. Это для вас не имеет никакого значения. Человек, которому принадлежат эти глаза, пытался найти свое счастье со мной, но я повела себя по отношению к нему очень беспощадно. В нашу первую ночь, когда я впервые переступила порог дома Харриса, он у моих ног разбил тарелку, и я наступила на нее, потому что те глаза смотрели на меня со дна тарелки. На мне все еще кровь тех глаз, которые я разбила.

Она на мгновение замолкла, а потом снова продолжила:

– Я, брат, несу ответственность за многое... Если бы вы видели, как занервничал Харис, когда в ночь аварии я сказала, что беременна. В машине он даже не дал мне возможности надеть платье. Он должен был понести наказание еще до того, как мы сели в машину. Я хотела столкнуть его со скалы. А когда он упал, то, наверное, еще и разбила бы ему голову камнем. В ту ночь его ненасытные змеиные глаза должны были разбиться моими руками. Но, к сожалению, ребенок, которого я носила, не позволил мне этого...

Врачи сообщили Зинае, что у ее дочери прервалась беременность. Во время аварии Финае получила сильнейшие травмы, и врачи не нашли другого выхода, как спасти ее самое.

Причиной аварии, в том числе и причиной смерти Харриса, была большая скорость машины. После происшедшего на скалах Харис был вне себя от ярости. Финае с детства была упряма. Когда она ребенком шалила, мама, ругая ее, спрашивала, почему она так поступила, девочка, не считая себя виноватой, делала обиженную гримасу и отвечала: «А

мне так захотелось». И этот ее не по-детски серьезный ответ, словно бальзам, разливался по сердцу родителей. Они громко смеялись и так радовались, словно им подарили весь мир. Им хотелось, чтобы Финае росла свободной, без комплексов, бойкой девочкой. По мере того как девочка росла, этот горделивый характер стала частью ее существа. Но в любом случае чувство ответственности в ней исчезало. Финае считала, что долг родителей – вырастить детей, сформировать их взгляды на жизнь. А что увидит ребенок, что он услышит – это его собственное дело.

Отношения между Харисом и Финае не были секретом, ее отец обо всем знал. Временами отец из-за этого внутренне беспокоился, нервничал, но не подвал виду. Он знал характер дочери. Зинае тоже прекрасно знала, что дочь со своего пути не свернет.

Гадира долго не держали в больнице и скоро выписали. Но он не смог принять участие в похоронах Харриса – слишком поздно узнал об этом. После долгих сомнений он встретился с дочерью. Кажется, его не очень беспокоили ни смерть Харриса, ни тяжелое состояние дочери, ни внутрисемейный конфликт...

Финае приложила руку к животу, словно ей внезапно стало больно и ребенок внутри нее был еще жив. Словно он собирался высунуть голову из ее живота и о чем-то спросить. Может, он хотел обвинить ее в смерти Харриса? Нет, кажется, он хотел прийти на помощь матери, доказать, что она ни в чем не виновата, рвался что-то сказать как единственный свидетель той ночи. Но кто же, в самом деле, был виноват? Финае? Кого обвиняет закон? Мертвого или живого или водителя микроавтобуса?..

Вдруг Финае закричала как сумасшедшая:

– Не знаю, не знаю!..

А потом, не в силах продолжить, заплакала навзрыд. На ее неожиданный крик сбежались врачи, медсестры...

Палатку, где проводили сорок дней со дня смерти Харриса, снова расставили во дворе дома, где жила Рахиба. Сорок дней назад его тело тоже привезли из больницы прямо сюда. Друзья – люди, с которыми не был знаком отец Рахибы, предлагали разные варианты, но в конце концов согласились с братом Харриса. Похороны и все затраты на поминки взяли на себя эти люди. Среди этих людей был и Гадир. Он принял участие и в седьмом дне поминок Харриса, то есть как только выписался из больницы. Станным было то, что они ни с кем не общались и ничего не говорили о происшествии. Общее мнение было таково: авария произошла случайно.

Никаких лишних разговоров о Финае не было. Сотрудники коммерческой организации, устраивающие на работу и делающие визы, действовали отдельно и отчитывались перед перед начальством. От него же они получали деньги за свою работу. С правовой точки зрения в их деятельности не было ничего незаконного. Девушка писала заявление и после месяца психологической подготовки платила серьезную сумму за оформление документов. Была лишь небольшая трудность в деле, интересующем Гадира и его сотоварищей. Редко бывало, чтобы девушка, узнав истинное положение вещей, протестовала. И в таких случаях наказывали человека, по вине которого жертва сбежала, он возвращал деньги, полученные за свою рекомендацию, и будущая карьера такого работника ставилась под сомнение. Человек, потерявший несколько «жертв» подряд, переводился на менее значимую работу.

Гадир, можно сказать, подготовил очередную группу, едущую за границу, оставалось добавить еще одного человека, и этим человеком была Рахиба. Но все планы спутались из-за аварии, в которой погиб Харис, и случившейся той же ночью в «Сатире» историей между Гадиром и Руфой. Документы девушек, подготовленные Гадиром, были готовы – группа задерживалась. Осталось лишь договориться с Рахибой и ускорить дело.

Хотя во время разговора с Рахибой Гадир особенно настаивал на дружеских отношениях с Харисом, Рахиба почувствовала, что он не был в столь близких отношениях с ее уже покойным дядей. Рахиба все еще сомневалась, стоит ли уезжать за границу. Очевидно, чтобы убедить ее, потребуется много времени.

И тогда Гадир решил перенести вопрос Рахибы к тому моменту, когда будет готова следующая группа. В таком деле спешить нельзя. Он вообще ни в чем не спешил. Он по отдельности встречался с каждой девушкой, учитывая их личные качества, беседовал с каждой, завязывал и строил отношения, основанные на личном доверии. Поэтому Гадир считался одним из доверенных, надежных сотрудников, занимающих высокое положение в компании. Конечно, он не мог равняться в деловитости и таланте с Харисом, но тем не менее у него был высокий авторитет. До сих пор вызывало зависть и то, что у него не сбежала ни одна «жертва». Он был первым после Хариса. Это чувствовалось и по тому, как легко он держался с шефом. Изредка на имена некоторых людей в компании открывались банковские счета. Этой чести первым был удостоен Харис, а вторым – Гадир...

Рахиба часто заходила домой к Финае, чтобы встретиться с недавно выписавшейся из больницы подругой. К тому же она старалась выяснить подробности случившегося с ее дядей. О проведенных с Харисом днях Финае иногда рассказывала Рахибе, не в ее характере было что-то скрывать и умалчивать. Это знала и Рахиба. Однако Финае ни слова не сказала подруге о своем озлоблении, о том, как она презирала Хариса.

О том, что Рахиба хочет поехать за границу и, если получится, остаться там, она сказала Финае, чтобы выяснить ее отношение к этому.

– Я бы тоже поехала.
– Может, поедем вместе?
– Нет, Рахиба. Ты же знаешь, здоровье не позволяет мне этого.
– Я подожду тебя, – проговорила Рахиба.
– Нет, дорогая, если бы Харис был жив, то я, наверное, уехала бы в ближайшее время.

Не поняв иронии, Рахиба удивилась:

– Как, разве Харис согласился бы с твоим отъездом?
– Наверное.

Этот неопределенный ответ Финае не удовлетворил Рахибу. Поэтому, чтобы выяснить, ехать ей или нет, она спросила:

– Так как ты думаешь, ехать мне или нет?
– Будет лучше, если ты уедешь. Погуляешь, расширишь кругозор. А если предложат работу, устраивающую тебя, останешься. К тому же ты более или менее знаешь английский. Значит, относительно готова. В группе ты лучше всех знала английский.

– Ты развеяла мои сомнения.

Взгляд Рахибы устремился куда-то вдаль. Казалось, что он блуждает в невидимой туманной дали неизвестной будущей жизни. И заработок, и деньги, и жизнь за границей – все это привлекало Рахибу. Что может обещать ей еще эта жизнь? Уже не ребенок, все понимала. Много виделось в этой туманной дали.

– Поеду. Дядя еще при жизни предлагал мне уехать за границу. Я же тебе говорила, что в ту ночь мне звонил Гадир муаллим. Ему обо мне говорил Харис.

Финае знала, что Рахиба падка до денег. Чтобы разбогатеть, она готова пойти на все. Что можно поделаться – таков ее характер. Финае, желавшую видеть людей самостоятельными, свободными, не беспокоила эта черта характера Рахибы.

Недовольными ее намерением уехать за границу были родители, но видя, что дочь уперлась, вынуждены были помимо воли молчать. А Рахиба в свою очередь восприняла их молчание как знак согласия. Примерно в это время вновь позвонил Гадир. Трубку взяла Рахиба:

– Здравствуй, это ты, Раха?

– Да, я, Гадир муаллим, здравствуйте.

Почувствовав, что девушка в хорошем настроении, Гадир не счел нужным вести дальнейшие переговоры, уговаривать, не ощутил необходимости «обрабатывать» ее.

– Когда придешь?

– Когда захотите. Какие документы надо взять с собой?

– Честно говоря, Раха, группа, в которую я собирался включить тебя, уже уехала.

Просто я сам по тебе соскучился.

– Неужели?

– А как же?

– Я не думала, что такое возможно, – Рахиба хитро засмеялась в телефон.

Конечно, Рахиба говорила неискренне. Она часто замечала на себе вороватые взгляды Гадира и то, с каким странным вождением он смотрел на нее. Но не думала, что тем самым он пытается выяснить, что собой представляет Рахиба. Она и сама иногда бросала на Гадира томные взгляды, психологически очищая пути, ведущие к этому человеку. Рахиба не планировала ехать именно сегодня, поэтому затруднялась дать окончательный ответ.

– Я тоже очень хочу видеть вас. Но не знаю... Честно говоря, на сегодня не планировала.

Чтобы рассеять ее сомнения и колебания, Гадир сказал:

– Если у тебя есть время, приезжай в «Сатир» или куда захочешь, я пришлю машину. Вечером поужинаем в «Сатире». А потом посмотрим танцы, послушаем музыку. Обсудим твои дальнейшие планы.

Он сказал это на одном дыхании, чтобы не дать девушке опомниться.

– Ладно, жди в семь вечера у входа в «Сатир». Но я долго задерживаться не смогу.

– Хорошо, сегодня вечером ты вернешься рано, а о дальнейшем мы подумаем. Ведь ты не ребенок...

Да, Рахиба, действительно не была ребенком. Она все прекрасно поняла. Щеки ее невольно покраснели. Когда она повесила трубку, по телу ее пробежала дрожь...

Юсифджан рано вышел из дома. Он был задумчив. Зарифа смотрела ему вслед, пока он не пропал из виду, он тоже временами оборачивался и смотрел на стоящую у ворот жену. На улице никого не было видно. Юсифджан спокойно вздохнул: «Вот это я называю одиночеством» и направился к остановке между строениями. Он хоть и планировал в первые дни нового года организовать новую выставку последних работ, однако к окончательному решению еще не пришел. Он мысленно перебирал законченные работы. Есть ли вообще у него работа, которая привлечет внимание людей, может, даже удивит их? В его творчестве конкретное внутреннее состояние человека, его мечты, надежды раскрывались в слиянии с природой. Юсифджан всегда думал, что самого лучшего своего произведения он еще не создал. Ощущал в себе эту силу и энергию, но отчего-то на картину мечты перенести не мог.

Было ветрено, поэтому пожелтевшие листья не выдерживали, срывались с веток, кружили в воздухе, а потом, упав вниз, посилились по земле. Уборщицы сметали длинными метлами опавшие листья вместе с обрывками бумаги и мусором в одно место, наполняя ими мусорные баки. Позже рабочие, пересыпав содержимое этих баков в машины,

отвозили на мусорные свалки на окраине города. На свалке этот мусор сжигался или закапывался в землю. Вот как и заканчивалась жизнь листьев, сорвавшихся с веток. Хотя в начале весны, когда эти листочки выходили из почек, распускаясь на зеленых молодых ветках, они вносили в природу красоту и свежесть.

Юсифджан взглянул на кружащиеся в воздухе листья. Они были совсем рядом, некоторые были на одежде, на плечах, лежали под ногами... Далекие мечты. Он смотрит на небо, приглядывается к земле, ища сходство или различие между судьбой человека и листьев. Человек тоже рождается, растет, и в один день, как и эти листья, желтеет, увядает, срывается с сухих ветвей древа жизни и, взмахнув руками, улетает в неизвестном направлении.

...Выйдя из метро, Юсифджан направился к скверу у Академии Наук. На улице встречались редкие прохожие. Они тоже, словно убегая от капризного бакинского ветра, куда-то спешили. Было очень холодно. Хоть Юсифджан и поднял воротник плаща, ветер все равно пронизывал его. Было какая-то особая, присущая этой погоде прелесть. В отличие от остальных людей вокруг, Юсифджан никуда не спешил. Он был в теплой обуви. Одежда была выглажена и аккуратна. Ремень плаща был крепко затянут. Белая рубашка и яркий галстук делали его игривее, гораздо бойче и моложе своих лет. Пышные седые волосы так были собраны под сдвинутым набок беретом, что если бы кто-то внимательно пригляделся, то подумал, что он прячет под беретом седые волосы. Сегодня он хотел просто беззаботно прогуляться. Устав, он планировал зайти к знакомым, которым оставил свои работы для продажи. Как говорится: и полезно, и приятно.

Продавая свои произведения, Юсифджан всегда испытывал странное чувство. Проданные картины, как правило, уезжали за рубеж. В лучшем случае у художника оставались их копии или фотографии. Авторы утешают себя этим. Каждый раз, когда его картина продавалась, Юсифджан ощущал душевную печаль, сердце его обливалось кровью. Словно вместе с картиной уносили часть его души. Всегда так было, как только представлялся удобный случай, приезжие из Европы, Америки брали эти картины, не глядя, хорошие они или плохие, и увозили их, для обогащения частных коллекций, государственных музеев. Иностранец, с вождением глядящий на какое-то уникальное произведение искусства, понятия не имел, кто автор и где находится та страна, породившая его? Раньше произведения искусств вывозили из страны во время войн, грабежей. А теперь их покупают и увозят. Какая разница, землетрясения или суматоха, в любом случае народ терял свое интеллектуальное богатство. Юсифджан захотел отогнать от себя раздражающие душу сомнения: «Эх, какая разница, разве все мы не жители одного мира? Пусть достанется тому, кто лучше сумеет сберечь, лучше оценит его. На здоровье».

Картины Юсифджана всегда были в центре внимания. Хотя их темы были взяты из современной жизни, иностранцы сюжеты картин связывали со сказками из «Тысячи и одной ночи». Видно, они что-то объясняли людям, чувствующим синтез прошлого с настоящим, осведомленным в истории искусства, литературы, живописи. Он не был к этому равнодушен. Картины Юсифджана не залеживались, получали высокие оценки на международных выставках, принося славу и в то же время деньги. Многие коллеги завидовали ему. Юсифджан считался художником, которому повезло.

Что он искал? Один Аллах знает, сколько раз за день он задавал себе это вопрос, но вновь затруднялся найти ответ. Остановился. Задумался, протер лицо руками. Внезапно усилившийся ветер готов был свалить человека с ног. Чтобы не упасть, он прислонился к стволу сосны. Это был не ветер, а настоящая буря, будто желающая вырвать дерево с корнями. Под порывами ветра ствол сосны скрипел...

Внезапно поднявшийся ветер так же быстро стих. Юсифджан посмотрел на ветки сосны, ее широкую крону. Он пригляделся к стволу – он был поврежден. Потому и скрипел при порывах ветра, словно умирающий человек, молящий о помощи. Юсифджан протянул руку и погладил поврежденный ствол: «Да, несчастье его придет отсюда». Он

стал медленно водить рукой по стволу, как человек, втирающий бальзам в рану: «Нет, природа вынесла свой приговор». Снова вспомнил недавний вопрос: ветер, дерево, израненное место. Все это известно. Хорошо, тогда чего он ищет? И вообще, ищет ли он чего-то? Может, счастья? Молодец, художник!.. Он усмехнулся. В каком проулке среди порывов ветра, когда люди не глядят друг на друга, когда все торопятся пройти мимо, в эту холодную погоду найдет это счастье, он, имеющий семью, множество друзей? Груз одиночества разрывал его сердце. Как-то сестра сказала ему: «Брат, ты счастливый человек. Но в то же время невидящий своего блага, несчастливеец. В твоих глазах глубокая печаль. Не будь таким, это не понравится Аллаху».

Юсифджан поднял голову и посмотрел на небо. Словно надеялся увидеть над головой Аллаха. Хотел увидеть, сердится ли на него Аллах или нет? В это мгновение кто-то коснулся его руки. Юсифджан вздрогнул.

– Ты что так ты задумался? Доброе утро!

Нет, кажется, Аллах тут ни при чем. Это был его друг – художник Вагиф.

– Здравствуй, Вагиф. Наблюдаю за тем, как приближается зима.

– Да, зима убивает природу.

Его ответ понравился Юсифджану.

– Как и Азраил¹⁶ убивает людей.

– Юсифджан, ты совсем как философ заговорил.

– Жизнь сама философия, Вагиф. Чтобы постичь ее, надо быть дальновидным.

Вагиф взял друга под руку. Он предложил идти по направлению ветра в сторону метро. Юсифджан не возражал.

Вагиф был худым, невысоким человеком. Хотя они и были ровесниками, но рядом со своим другом он выглядел молодым парнем. Юсифджан продолжил говорить:

– Да, друг мой, какое природе дело, она весной снова возродится. А человеку труднее. Один раз отдал душу и конец, обратно взять не сможет.

– Может, пойдем в мою мастерскую, Юсифджан? Все рано уже полдень.

– И в самом деле, как быстро день прошел! – удивился Юсифджан.

– Что ты скажешь? Может, пообедаем вместе?

Юсифджан с волнением взглянул на студентов, которые шумно вышли из университета и шли в сторону метро:

– Нет, Вагиф, у меня встреча с одним человеком, не могу пойти, – сказал он.

Он обрадовался, что смог найти убедительный отказ на предложение Вагифа.

– Ну, как-нибудь в другой раз, – сказал Юсифджан.

Они пожали друг другу руки и расстались.

Юсифджан повернул в сторону университета. Смешался со студентами, которые, выйдя с занятий, толпами шли в сторону метро, остановок автобусов. Вдруг он обнаружил, что стоит перед входом в университет. По сути, делать ему здесь было нечего. Он хотел повернуть назад. Но вдруг увидел родное лицо. Это была молодая девушка, высокая, со стройным станом, светловолосая, с большими глазами. Кажется, она узнала его. Но откуда? Подойдя к нему, девушка остановилась:

– Вы – художник Юсифджан?

– Да, да, я – художник, а вы – Финае ханум. Я давно вас не видел.

– Да, я – Финае. Когда-то вы обещали нарисовать мой портрет.

Финае протянула ему руку. Юсифджан пожал руку девушки. Исходивший от ее нежных пальцев жар заставил забиться сердце художника так, словно испарилось чувства холода, всю жизнь преследовавшее его.

– Действительно, я обещал вам. Уже почти год я каждый день, каждый час жду вас.

Финае огляделась по сторонам и спросила:

¹⁶ Азраил – в мусульманской мифологии ангел смерти.

– Вы кого-то ждете?

– Да, ждал. Нет, точнее, я никого не ждал, – поправился Юсифджан и радостно сказал: – Меня, наверное, привело сюда желание встретиться с вами.

Когда-то увиденный и запечатленный в памяти очаровательный природный цвет лица Финае сейчас поблек.

– Вот и хорошо, а то я думала, что вы, наверное, забыли меня, – кажется, и Финае была рада этой встрече.

– Нет Финае ханум, я в эти несколько месяцев ни на минуту не забывал вас. Ваш образ стал для меня источником вдохновения. На большинстве своих картин я создавал ваш образ. И вы не поверите, с какой любовью я работал.

– Я не знала, но, честно говоря, могу себе представить, что как художник вы всегда ищете свою героиню. Но что вы так скоро найдете ее, уму непостижимо.

Спокойный, доверительный тон Финае успокоил Юсифджана. Теперь и он говорил свободно и уверенно.

Зазвонил телефон Финае. Она ответила: «жди меня у метро» и отключилась.

Они шли рядом, как старые друзья, очень близкие люди. Хотя разница в возрасте была значительной, в этот момент они были ровесниками. Юсифджан чувствовал, что Финае не в настроении, но о причине спросить не решался. Они подошли к станции метро.

– Если позволите, я пойду. Я очень хочу познакомиться с вашими работами. Мне интересно ваше творчество.

– Скоро откроется моя выставка. Если сможете, приходите.

– Обязательно приду.

А потом Финае добавила:

– Я буду следить за афишами, связанными с выставкой.

Юсифджан дал ей номер своего телефона и адрес мастерской.

– Вот и замечательно. Я позвоню вам.

Рахиба все еще не могла прийти к окончательному решению. Сказать: я еду, – это одно, а поехать – совсем другое. Наконец, она приняла решение: надо идти в ногу с жизнью. Нынешнее время – это время денег. Каким угодно способом, но надо заработать много денег! Деньги – единственный способ хорошо жить. Человека с деньгами все считают умным, порядочным.

На стене висел снимок, где она вместе с Финае. Финае на фотографии словно смеялась над ее слабостью. Что плохого в Финае? Она очень гордая, умнее всех, свободна как вольная птица. До вчерашнего дня имя Хариса не сходило с ее уст, а сегодня ей безразлично, что он умер.

Рахиба с каждой минутой распалась все сильнее. Когда она выходила из комнаты, нервы ее были на пределе. Мать наблюдала за ней из-за открытой двери кухни. Девочку словно душили, она вся почернела. Напоминала людей, которым опостылела жизнь. Привязанность, любовь Рахиба считала недостойным нынешнего времени, не вмещающимся в рамки нынешнего времени фальшивым явлением. Может, в какую-то эпоху людям и нужна была любовь. До каких пор она должна сидеть дома, занимаясь домашним хозяйством, вести монашеский образ жизни? Для каждого открываемая дверь, это его судьба, его счастье. Чем она хуже тех, кто уезжает за границу? «Поеду, погуляю, если понравится, останусь, не понравится, вернусь обратно. Найду себе хорошую работу, буду работать, заработаю денег. Деньги, машина, путешествия нужны человеку именно в этом возрасте, а не когда он состарится и выбьется из сил. В конце концов, найду человека, который мне понравится. Когда будут деньги, все своими ногами пойдет навстречу человеку. Надо уезжать, исчезать как можно скорее!»

Рахиба невольно произнесла последние слова громко. Даже мать услышала ее слова, и женщина от безысходности попросила ее очень не задерживаться.

– Не беспокойся, мама, никто меня насильно держать не будет, может, приеду.

– Будь осторожна в дороге.

В последнее время Рахиба часто задумывалось о тонкостях вопроса. Кому нужен цветок, загнивающий на корню? Надо, чтобы кто-то сорвал его. Когда-то она слышала эти слова от Финае, и в последние дни они превратились в основное логическое подтверждение ее жизни, поступков.

Мать тревожилась напрасно. Она уже не ребенок, знает цену своим поступкам. Ведь этот мир не монастырь, чтобы она проводила всю жизнь как монахиня.

В последнее время мать не могла ничего возразить дочери и прекрасно видела, что Рахиба пошла по плохой дорожке.

– Ну, мама, наконец-то я уезжаю.

Выходя за дверь, она помахала матери рукой. Растерянная мать так и осталась стоять, глядя на закрытую дверь. Хоть дверь и была закрыта, мать отчетливо видела путь, увлекший Рахибу. Этот путь был очень туманен и неизвестно было, откуда он пройдет и какие беды может принести девушке. Погруженная в думы она размышляла: «Сам Аллах не разберет то, что говорит мой деверь. Вроде бы девушка должна работать в компании Хариса. Что это за компания, сотрудники которой ездили за границу? Если бы покойный был человеком порядочным, он бы сначала подумал о своей жене, детях. С тех пор как он развелся с женой, он ни разу не поинтересовался дочкой. И к тому же другую девушку оставил в тяжелом положении».

Расстроившись от того как вела себя дочка в последнее время, перед глазами матери возникла картина, о которой мечтала: «Рахиба в свадебном платье, в украшениях. Ее забирают из отчего дома в дом мужа. Прекрасно одетый жених держит молодую невесту под руку. Как они подходят друг другу! Идущая рядом с парой девушка с зеркалом наклоняется и подхватывает длинный подол подвенечного платья Рахибы, чтобы не касался пола. В это время девушка обо что-то спотыкается...»

Мать Рахибы невольно вскрикивает:

– Осторожней, разобьешь зеркало!»

Она сама вздрогнула от собственного крика. Хорошо, что в доме никого не было...

За счет бессонных ночей, тысячи страданий вырастила и воспитала дочь, а теперь была бы счастлива, увидеть дочь в подвенечной платье. Словно все это были не мечты, а правда, и все происходило именно сейчас. Глаза ее наполнились слезами... И один Аллах знает, сколько еще будет повторяться это рожденное мечтами о будущем Рахибы и повторяющееся почти каждый день видение...

Рахиба свернула за угол и вошла в парк напротив. Этот тенистый уголок отдыха, с густо посаженными вокруг деревьями, ветви которых сделали это место невидимым для посторонних глаз.

Учась в десятом классе, она часто встречалась здесь с Рафиком, который жил в соседнем доме и учился классом старше, и, полные странных ощущений, они проходили мимо этих деревьев. Они долго не решались прикоснуться друг к другу.

Один раз Рахиба что-то уронила. Она наклонилась, чтобы поднять, но Рафик не позволил... Резким движением он прижал девушку к груди и поцеловал. Расставаясь в тот раз, Рахиба ничего не помнила... Они и потом часто приходили сюда, проводя время вместе. В конце концов Рахиба сама остыла к Рафику. Ее любовь, сладкое томление по капле стерлось из ее памяти. Видно, эта девушка еще не познала вкус истинной любви. Познает ли? Она была противницей нерешительности. Если бы Рафик был парнем

гордым, Рахиба никогда не забыла бы его. Он позвонил несколько раз, но Рахиба не стала встречаться с ним, потому что Рафик в ее глазах как был, так и остался ребенком. И поэтому сколько она ни старалась, никак не могла представить его в образе мужчины. Вместо него в ее мечтах стал постепенно возникать туманный образ другого мужчины. Ей захотелось завести роман с каким-нибудь иностранцем. Только как Рахиба станет разговаривать с ним? Но главное, чтобы заговорили сердца, а язык – это потом. Сейчас в городе, где она жила, было столько молодых людей и девушек, свекры и свекрови которых были немцами, французами, итальянцами, поляками, так пусть же какой-то решительный человек, будь он белым, смуглым, даже чернокожим, выйдет вперед и сделает ей предложение. Тогда же и Финае написала на эту тему стихи. Правда, в этих стихах не было ничего конкретного ни о прошлых, ни о нынешних чувствах Рахибы, но общие мечтания, как гадание на гороскопе, совпадали. Что было в том стихотворении?..

Давай пойдем в церковь.
Я хочу выйти с тобой из церкви.
Хочу,
Что увидели нас, увидели такими
Нас вместе.
Пусть бьют церковные колокола
И на улицах Баку,
Пусть запомним мы навсегда
Аромат свеч, горящих в церкви.
Пойдем,
А потом выйдем из церкви,
Пойдем вместе по городу.
И будем смотреть на лица проходящих
Мимо людей.
Посмотрим, до самого дома
увидим ли мы
Хоть одного мужчину, хоть одну женщину,
Похожих ликом на лик Иисуса,
Кроме нас двоих...

У Рахибы были друзья и среди студентов. Она вдвоем с ними ходила в кино, гуляла по бульвару. Но и в них видела ту же нерешительность, что и в Рафике. И от них Рахиба отдалялась. Ей не давала покоя мечта об иностранце, с которым она хотела бы пойти в церковь. Несмотря на разницу в возрасте, на то, что он еще не прикасался к ней, на частоту или редкость встреч, но из всех мужчин ее больше всех привлекал Гадир. Именно Гадир был наиболее жестким, даже жестоким. Он ни щадил никого. Этот худой, высокий мужчина казался решительней и смелее всех реальных и нереальных поклонников Рахибы.

Нет, пока что она пойдет к Гадиру...

Гадир взвесил все еще раз, отправлять Рахибу за границу или оставить при себе? Сомнения были не безосновательны. Он не забыл того, что произошло между ним и Руфой. Прекрасно понимал, что Руфа на самом деле толкнула его случайно, что он сам довел девушку до такого нервного состояния. Потом Руфа приходила к нему в больницу, даже плакала. Гадир хоть и сказал тогда, что «нет ничего опасного», она все равно не переставала плакать и просить у него прощения.

И вообще, Гадир был реалистом. Прекрасно чувствовал жизнь и строил свою работу на реалиях. Именно это и было главным фактом, гарантирующим его успех в бизнесе. Хоть ему и были приятны искренние признания Руфы, он ни на секунду не забывал о Рахибе. Поэтому он подумал, что раз Рахиба согласна, то Руфа превращается в ненужный балласт. Да, кажется, Рахиба больше подойдет для дела. По крайней мере, племянница Хариса была бы ему нужнее здесь. При ее посредничестве в сети могли попасться новые рыбки.

Гадир смог хорошенько присмотреться к Рахибе. Поступки, теплое отношение показывали, что девушка сама идет на наживку. В комнате отдыха «Сатира», сидя спокойно в одиночестве на удобном диване, он размышлял, приводя в порядок мысли. Гадир встал и, потирая руки, подошел к зеркалу. Посмотрев на отражение, усмехнулся. В нем созрела прекрасная мысль. «Табака... Причем очень свежего». Обвел взглядом комнату, и только что созревшая внутри него фраза словно птица вспорхнула и улетела, а он глазами ищет, на какой же стене комнаты она села... Кажется, нашел. Она улетела в соседнюю комнату и спряталась там. Чтобы птице сесть, нет более подходящего места, чем им кровать! Он взглянул на настенные часы. Оставалось совсем мало времени. Он оделся. Белая рубашка, галстук, новый костюм... Он еще раз внимательно посмотрел на себя в зеркало. Потом нажал кнопку звонка на стене. Вошел официант.

- Пойдешь ко входу. Через пять минут придет девушка, зовут Рахиба. Пропусти ее.
- Слушаюсь, – и парень скрылся за дверью.

Гадир с нетерпением ждал, когда пройдут минуты. В это мгновение перед его глазами возникла окончившаяся трагедией история Хариса и Финае: «Интересно, как у них все начиналось? Может, Харис, как я сейчас, именно здесь с нетерпением ждал ее? Во всяком случае, моя дочь не ради денег, а по собственному желанию вступила с ним в отношения. Финае нельзя было соблазнить деньгами. Хариса Финае считала смыслом своей жизни. А этот негодяй не смог оценить высоких чувств девушки. Но нет, я вовсе не хочу отомстить Харису, а просто хочу вытащить Рахибу из монастыря. Рахиба будет моей. Остаток жизни я проведу с ней. Все будет так, как я захочу. Я чувствую, что у Рахиба потребность в деньгах. А деньги не проблема».

Гадир бросил взгляд на картину на стене – страшный зверь, схвативший за горло козлю. Звериные чувства охватили его, терпение его было на исходе. Он налил в хрустальный бокал «Нарзан», стоящий на столике, и залпом выпил. В эту минуту дверь открылась.

В дверях показалась Рахиба.

В телеграмме, которую почтальон передал Фаику, была всего одна фраза: «Закир, приезжай скорее, у нас торжество. Отец». Настроение у Фаика поднялось: «Да, так пропал и Закир».

Время несло стремительно, и редели ряды еще неженатых друзей. Первыми в их группе поженились Сарраф и Садига. Эх, Сарраф, Сарраф. Садига была очень умной девушкой. И Финае была неплохой девушкой. Да что значит неплохой, отличной девушкой! Кто бы отказался жениться на ней? Но ей нужны хорошие поводы и хороший ловец.

Мысли его на мгновение перенеслись очень далеко, в родную деревню, к двухгодовалому пегому жеребенку. Отец держал его без привязи, без узды, пегий жеребенок не признавал преград, он гнал перед собой остальных коней, а сейчас, наверное, уже стал производителем...

У Фаика был буйный конь. Отец, давая этого коня, всегда предупреждал, чтобы он не садился на него без уздечки. Стоило только Фаику сесть на коня, как тот, словно

вызывая на бой весь мир, хотел улететь без крыльев, и сколько бы всадник ни тянул за уздечку, коня усмирить было невозможно. Сколько раз, не в состоянии усидеть на коне, он падал. Правда, каждый раз все заканчивалось без травм. Но отец не зря говорил, что случай бывает всего один раз: «Падая, ударишься о камень, будь осторожен!»

А Фаик на борчалинских горах всегда хотел отпустить поводья взбесившегося коня. Когда его конь мчался во весь опор, сердце парня рвалось из груди. Но страх падения сидел глубоко в нем. К тому же, когда конь начинал сходить с ума, Фаику казалось, что не сможет удержать его. От страха он так натягивал поводья, что из углов рта коня шла кровь.

Доехавшего до ворот, побледневшего сына отец снял с крупа взмыленного коня и поставил на землю. Провел рукой по гриве лошади, потрепал по потному крупу: «Сынок, это не для тебя, твои кости еще не окрепли. Конь очень чуткое животное, почуяв, что всадник неопытен, не искушен, либо же это не его хозяин, не покоряется. Хоть порви ему уздой рот...»

И тогда маленького роста Фаик становился еще меньше, щуплое тело сжималось. Отец, видя, это подбадривал его:

– Ничего, через некоторое время он привыкнет. В следующий раз крепче прижимай колени к крупу коня.

Позже он часто ездил на пегом жеребце. Больше не боялся, как прежде. И выполнял все наставления отца.

«Финае совсем как тот пегий жеребец. Чтобы покорить ее надо обуздать. Нет, увы, даже если уздечка порвется, ее не покорить. Она бешенная. Никто, кроме Аллаха, не знает, чего она хочет. Если б она была посговорчивей, Заур давно бы сблизился с ней. Да откуда, разве она подпустила бы близко к себе Заура?! Ей больше нравятся такие, как сама, бездельники. Не свалился же Харис с небес? Его нашла сама Финае.

А Рахиба? И ее тоже трудно понять. Кажется, она немного ветрена, до сих пор со сколькими гуляла. И каждый раз находит новых.

Не смог Фаик в поисках любимой остановиться на какой-то одной, он мучился этим, но ничего не получалось. Если так пойдет дальше, то и он закончит тем, что найдет себе невесту в родном селе и женится на ней. «Нашел же Закир невесту в родном селе? Что в этом плохого? Чем больше человек связан со своей средой, тем его жизнь спокойней».

Фаик бросил телеграмму на стол и стал одеваться. Он пойдет и отыщет Закира.

Только он взял телеграмму и собирался выходить, как Закир пришел сам.

– Как хорошо, что ты пришел. Я уж не знал, где тебя искать.

– Я ходил в издательство. Взял по паре экземпляров газет, где публиковались мои статьи.

– Да Бог с ними со статьями, погоди, тебе пришла телеграмма.

– Что за телеграмма?

Глаза Закира округлились. Кажется, прихватило сердце. Фаик подумал, что если он промедлит еще немного, Закир у него на глазах растает и исчезнет.

– Ладно, не беспокойся, хорошая новость.

Он отдал телеграмму. Едва Закир прочитал эту единственную фразу, как тут же пришел в себя. В последний раз ему дома сказали, что весной проведут обручение, а летом сыграют свадьбу. Но при этом отец добавил, что из-за поста, может быть, перенесет обручение на более ранний срок. Через неделю начинался пост. Значит, в эту субботу он должен быть дома.

Фаик обнял друга за шею.

– Поздравляю, Закир!

– Дай Всевышний того же и вам с Зауром!

– Ты прекрасно знаешь, что студенты факультета журналистики часто спорят друг с другом. Чтобы лучше раскрыть суть абстрактных понятий...

– Ну и ну, нашел о чем говорить!..

– Именно, нашел.

– Что?

– Нет, без Заура нельзя. Я все равно одет. Пойду, найду Заура и приведу. Покажу и ему.

Закир ожидая, потеряв терпение, спросил:

– Да что же?

– Счастье, иначе время пройдет и я не смогу объяснить.

Фаик отчетливо увидел счастье в глазах друга...

Юсифджан с вечера наводил порядок в своей мастерской. Впрочем, главной причиной этого была не сама уборка. Он хотел работать. Но отчего-то в нынешнем состоянии он не мог подойти к мольберту, а все что-то хлопотал. Краски, различного размера кисти лежали на столе. Он то и дело подходил к мольберту, но как подходил, так и отходил, не зная, как начать и с чего. Мысли его уносились в разные стороны. Огромная внутренняя энергия толкала его рисовать, создавать, доставлять удовольствие, производить впечатление. Представлять конкретные картины языком красок для него всегда было легко. Но сейчас он словно потерял дорогу, ведущую к храму высокого искусства.

Случайная встреча днем с Финае потрясла все его существо, и как – будто вернула его к себе. Блеск, который он увидел в глазах девушки, был истинной любовью к жизни...

Он полил цветы в горшочках, к которым не прикасался уже несколько дней, оторвал и выбросил пожелтевшие листочки. Еще раз оглядел мастерскую: нет, больше никакой работы не оставалось. Нажал на кнопку приемника, стоящего в углу. Тишину мастерской нарушили звуки музыки. Исполнялась какая-то мелодия на скрипке, она прозвучала словно музыкальное воплощение произведения, которое он хотел нарисовать. Может, больше ничего и не надо? Достаточно перевести эту мелодию в краски?..

Художнику показалось, что некий ангел, слетев с небес и тихо помахивая крыльями, подлетает к нему. Иногда этот ангел скрывался за белыми облаками. Внизу природа в плену сильной бури. Ветер срывал деревья с корнями. Город был не виден. Ураган только с одним стариком не мог справиться. Ветер срывал белую одежду с человека, который, воздев руки к небесам, молил Аллаха о помощи...

И не было во всем мире ничего, за что бы мог уцепиться одинокий старик. Но почему же тогда ураган, завладевший всем, не может справиться с ним? В чем была сила старика? Чего он просил у мира? За что хочет ухватиться?

Этот старик, который прожил, может, не одно столетие, многое успел получить от этого мира. Когда-то он шутил и смеялся со своими ровесниками, кого-то любил, кто-то любил его. В свое время о нем говорили хорошие слова, хвала о нем достигала небес, откуда прилетел тот ангел. Ему подносили награды и венки. Его узнавали среди тысяч людей, мимо которых он проходил. Полное любви сердце он дарил своим детям. Но где же теперь все это? Как же Аллах лишил его всех этих даров, поднесенных ему? Нет, старик нег был неблагодарным. Вот Аллах и послал своего ангела...

...Ангел, летящий с высоты небес к нему, был уже близко. Буря все еще продолжалась, даже немного усилилась...

...Седые волосы старика запутались в его вытянутых к небесам руках и в белых облаках...

...Мелодия закончилась. В мастерской стало тихо.

Художник с удивлением огляделся вокруг. Он работал очень напряженно. Чуть отойдя в сторону, взглянул на свою картину. Что он изобразил, что хотел сказать? Он не в состоянии был ответить на этот вопрос. Искусствоведы, наверное, будут ломать головы, высказывая противоположные мнения, но гораздо больше будет людей, критикующих его. Они напишут, что художник на судьбу мира смотрит пессимистично. Те, кто копнет глубже, обвинят в том, что он навеивает на людей грусть. Наверное, найдутся и сторонники. Они будут говорить, что старик на полотне на протяжении всей своей жизни, весь век является примером человека, стремящегося к счастью. Тогда что это за ангел? Этот ангел и есть то самое священное желание. Может, на брэнной земле этот ангел и есть последнее вознаграждение за праведно прожитую жизнь...

Юсифджан стал прямо напротив портрета – лицом к лицу со стариком. Он пытался прочитать в его глазах его думы.

Юсифджан даже забыл, что сам создал это произведение. И это несмотря на то, что его тело еще не покинула приятная усталость после хорошо сделанной работы, что не прошло еще онемение пальцев, сжимающих кисти. Ему казалось, что старик, доверив судьбу урагану, смеется над ним, даже издевается. Старик говорил ему: как получилось, что ты выжил после такого страшного урагана? Ведь этот ураган должен был унести и тебя...

На лице Юсифджана проглядывала грусть. Словно в этой безмолвной ночи дух старика переселился в него самого. В душе художника поднималась волнение. Он в гневе и ярости в одно мгновение захотел схватить картину, разорвать ее в клочья, но потом передумал: «Ведь я эту картину создал не для того, чтобы люди отказались от жизни. Не для того, чтобы думали, будто их судьба в одно мгновение может стать мишенью урагана, отнимающего у них жизнь».

Напротив, Юсифджану на примере этого старика удалось показать людям всю прелесть жизни. Он взял картину в руки. Все еще хотелось разорвать ее, бросить себе под ноги, но взгляд его остановился на глазах старика, полных добра и бескорыстия. Нет, он не может уничтожить этого старика. В глазах этого старика можно было угледеть тайну вечной жизни, бесконечно долгого существования.

Каждое мгновение приносило все большее успокоение, руки его расслабились. Казалось, картина сейчас вырвется из рук и упадет на пол. Осторожно поставил ее на мольберт. Словно в это мгновение увидел с трудом поднимающегося по лестнице старика, у которого ослабли мышцы.

Юсифджан обрадовался. Да и почему ему не радоваться, ведь он спас старика от смерти, даровав ему вечность. Но нет, все в мире происходит по воле Аллаха. А если так, то спас старика он или Аллах? Видно, Аллах каждому из своих детей помогает их же руками.

Он хотел внизу картины написать название произведения. Надо было одной фразой выразить чувства, обуревающие старика, который хотел в бурю слиться с ангелом. Это же и было счастье. Да, именно так он и должен назвать картину: «Счастье». Когда он поднес кисть к картине, чтобы написать первую букву, то заколебался. Нет, это совершенно иная картина. Это не было желаемым счастьем для людей в этом брэнном мире. Страшная буря и ураган уничтожили все живое, что существовало в этой жизни, смели с лица земли. На картине не было видно ничего, кроме самого старика: ни клочка зелени, ни малюсенького цветочка... Все деревья были вырваны с корнем. В пустыне, охваченной ураганом, больше ничего не было видно, кроме старика, который взывал о помощи, и ангела, летящего к нему через облака. Может, именно это видит человек в судный день? На кончике кисти засохла краска. Он хотел написать название, но кисть только оцарапала холст. В это мгновение прямо на ее кончик капнула прозрачная, чистая капля, чуть похожая на слезинку или на пот. Засохшая краска ожила. Пропитанная этой каплей, она

была голубой, как само небо. И немного отдавала красноватым. В цвете краски была краснота небосклона.

Юсифджан медленно написал под картиной «Приближение смерти».

Название картины, которое он хотел выразить одним словом, теперь получилось из двух. Он хотел продлить жизнь старика хотя бы на время, которого потратил на написание двух слов. Отложив кисть, он отвернул лицо от старика. Слезы, текущие из глаз, жгли и щеки, и душу...

В кабинете Гадира в ресторане «Сатир» не было никого, кроме него и Рахибы. Сначала говорили на общие темы. Болтали о погоде, о временах года. Но потом Гадир стал задавать совсем иные вопросы. Кажется, их беседа удалась.

Все зависело от самой Рахибы: захочет, останется с Гадиром и будет работать здесь, захочет – поедет за границу. Создание новых групп, распространение в подходящих местах, рекламы компании в вузах, подготовка документов – все это входило в ежедневные обязанности Рахибы. Наверное, и здесь она сможет найти себе хорошую работу, а когда пожелает, сможет съездить развлечься за границу. Гадир пообещал, что всегда окажет ей в этом помощь.

Чтобы всесторонне проверить девушку, Гадир подверг ее особому контролю. Он чувствовал, что Рахибу более всего интересует вопрос денег – сколько она будет зарабатывать.

Гадир, просматривал ее документы, перебирал разные бланки, бумажки, делая вид, что столкнулся с серьезной проблемой. Наконец, собрав все бумаги в одну стопку, он взглянул на Рахибу:

– Теперь тебе надо будет подписаться под договором с адресными данными. Ты будешь принята на работу на наших условиях. Во всяком случае, отныне ты будешь жить, как мечтала. Я принимаю тебя к нам на работу.

Гадир нажал на кнопку. Появившейся в двери юной девушке сказал:

– Заполни бланки и принеси, – а затем отдал паспорт вместе с другими документами Рахибе.

Видно было, в общем списке предостаточно данных о Рахибе. Да и документы ее, можно сказать, были готовы. Через короткое время помощница принесла заполненные на азербайджанском и английском языке бланки и вместе с документами вернула Рахибе.

Для принятия на работу в компанию Рахиба должна была подписаться на договоре. Гадир показал сияющей от радости Рахибе место, где нужно подписаться, и протянул авторучку. Рахиба быстро, не читая, подписала документы. Словно задержись она на мгновение, и их у нее отнимут. Гадир взял у нее бумаги и сказал:

– Отныне мы с тобой будем работать вместе. Точнее, ты будешь работать со мной. Чем больше мне будет нравиться твоя работа, тем выше будет твоя зарплата.

Рахиба расцвела. Прекрасное лицо этой девушки среднего роста, ее жеманный взгляд из-под падавших на плечи черных волос словно призывали: «иди, иди». На ней были джинсы и кожаная курточка. Кажется, ей стало жарко. Девушка расстегнула курточку. Гадир протянул руку и помог ей ее снять. Придав лицу приветливое выражение, взглянул на Рахибу:

– Ну, как думаешь, Рахиба ханум, сработаемся мы?

– Может быть, во всяком случае...

Кажется, у Рахибы оставались еще какие-то колебания. Хотя она и подписала документы, но еще точно не знала, чем будет заниматься.

– Я знаю. Ты хочешь, чтобы я рассказал, какую работу ты будешь выполнять. Не спеши, ты все узнаешь. Никаких трудностей у тебя не будет. Пару раз в неделю, когда мне потребуется, мы будем встречаться здесь.

Не договорив, он открыл кейс, стоящий у стены, достал оттуда кипу сто долларовых купюр, оборвал бумагу, скрепляющую их, и отсчитал примерно половину.

– Это тебе в качестве аванса. В деньгах ты нуждаться не будешь. Просто мы должны быть вместе...

Глаза Рахибы расширились. Она подумала, стоит ли брать деньги. Что это, за что ей их дают? А, дадно, за что бы ни было, надо брать.

Рахиба встала, чтобы взять деньги, и протянула сразу обе руки. Гадир, еще не окончательно выпустивший купюры, почти что вместе с Рахибой опустил их в ее сумочку. Вместе с деньгами он погладил ладони девушки с внутренней стороны. Рахиба поняла, о чем мечтает Гадир, сердце ее стало биться быстрее. Сейчас Рахиба была взволнована и полностью находилась под влиянием Гадира. Гадир повелевал ею, и Рахиба видела в нем ту смелость, которую искала в ребятах, с которыми дружила до сих пор. Есть что-то в этом мужчине, который на первых порах ей не нравился. Гадир ходил на хищника, готового глазами разорвать ее на части. Но это не пугало Рахибу, напротив – нравилось ей. Перед ней был мужчина, о котором она мечтала – смелый, готовый разрушить все препятствия, разорвать сковывающие человека цепи.

Рахиба не могла скрыть удивления. До сих пор она никогда не держала в руках столько денег. Теперь Гадир представлялся ей совсем другим человеком: доброжелательным, мужественным, щедрым. Подобная оценка Гадира делала незаметным и недостатки его внешности. Близость с ним указывала девушке путь в новый мир. И, наверное, по этой дороге вместе с ним можно будет добраться хоть до Австралии, до прерий Южной Америки, до африканских саванн. Истинная жизнь – это жизнь, вызывающая в человеке интерес, когда каждая минута полна странными, непонятными, вызывающими волнения мгновениями. Сейчас Рахиба готова была ехать куда угодно с этим «кенгуру»... Когда-то она его так и называла – «австралийский кенгуру», но быстро поправилась: нет, не с кенгуру, а жирафом, изящным жирафом.

По лицу Рахибы расплылась улыбка, поднявшая настроение и невольно выразившееся в движении рук.

– Пусть будет, – сказала она, тем самым спасаясь от нравственно-психологических раздоров в душе.

Это почувствовал и Гадир. В то же мгновение он понял, что всю свою дальнейшую жизнь Рахиба отдает на волю судьбы. И действительно, чем любить нищего, голого ровесника, лучше Рахиба отдаст предпочтение такому, как Гадир, деловому человеку. Для нее самым красивым парнем в мире был Гадир. Тот самый Гадир, которого она до этого считала уродливым, грубым «кенгуру».

...На столе было полно всяческой еды и напитков. Гадир разговаривал с Рахибой, как со сверстницей. Они придвинули стулья и сидели рядом. Гадир часто прикасался к плечу девушки, но тут же просил прощения. Под действием вина Рахиба расслабилась, много говорила, смеялась. А Гадир непрестанно рассказывал ей разные смешные истории. Оказывается, у Гадира были хорошие актерские данные. Он мог прекрасно изображать персонажей анекдотов. Он рассказывал ей об обезьянах, зайцах, ослах. Ловко перевоплощаясь в них, даже издавал соответствующие звуки. Рахиба проявляла к образам, созданным Гадиром, безграничный интерес, часто заливалась веселым смехом. А Гадир рассказывал следующий анекдот:

– Однажды у муллы скончалась жена. А в деревне у одной женщины умер муж. И тогда собирается сельский люд и предлагает: давайте мы вас поженим. Так и сделали. После свадьбы мулла ищет повод приблизиться к жене. И жена не знает, как ей сблизиться с мужем. Мулла рассказывает, какой приветливой была его покойная жена.

Жена прерывает его и добавляет, что и ее покойный муж был очень приветливым человеком. Мулла сердится, толкает жену, та падает с кровати. Когда родственники жены приходят узнать о делах, они спрашивают: «Что случилось?» Женщина начинает стонать. Мулла говорит, мол, ничего, просто она упала.

«Но почему?»

«Потому что мы четвером не помещаемся на одной кровати».

«Как это, – спрашивают, – что это значит?..»

«Ну, я с покойной женой и нынешняя жена с покойным мужем...»

Анекдот Рахибе так понравился, что она залилась громким смехом. Смеясь, она развалилась на удобном кресле, стала видна полоска между джинсами и короткой кофточкой. Гадир коснулся одной рукой ее пупка, а другой рукой взял за шею. Под этой лаской Рахиба разнежилась, глаза ее закатились.

Гадир услышал, как из ее уст девушки сорвалось тихое «ой!», и повернул ее голову, чтобы поцеловать в губы. Рахиба словно только этого и ждала, она притянула к себе Гадира, Жаркий темперамент девушки чуть не лишил Гадира самообладания. Одной рукой он обхватил девушку за шею и стал покрывать ее поцелуями, а другой расстегивал молнию на джинсах. Когда он уложил Рахибу на кровать в спальне, девушка, оглядев все вокруг полупьяными глазами, снова притянула его к себе. В ответ на чувственные поцелуи Гадира она шептала только одно слово:

– Кончай, кончай, кончай...

В одном из залов Музея искусств играл орган. Тяжелые звуки музыки смешивались с безмолвием картин. Это настроение передавалось и одиноким посетителям музея.

Финае не знала, как долго простояла она перед огромным полотном «Корабль, попавший в шторм». Если бы кто-то не взял ее под руку, один Аллах знает, сколько бы она еще стояла.

– Дочка, в зале слева открыта выставка новых произведений современных художников. Может, посмотришь?

– Да, как, что вы сказали? – вздрогнула Финае.

Смотрительница музея была пожилой женщиной. Видно, оттого, что она постоянно была внутри помещения и редко видела солнце, ее лицо было бледным. Отчего-то Финае показалось, что между молодым следователем, бравшим когда-то у нее показания, и этой смотрительницей музея есть какое-то сходство. То, что смотрительница взяла ее под руку и пригласила в другой зал, напомнило ей, как тот самый следователь задавал ей вопросы, не относящиеся, по мнению Финае, к делу. Да, действительно, в то время следователь выходил из себя и, не понимая существа дела, задавал ей неуместные вопросы. И этой женщине казалось, что для Финае важно обойти все залы музея. Сначала Финае хотела сказать, мол, не надо, она случайно попала сюда и сейчас уйдет. Но ничего не сказала. Причина этого была в том, что до того серое, увядшее лицо смотрительницы внезапно посветлело. И эта свежесть создала между ними мостик.

– Дочка, сюда приходят люди скучающие, одинокие, позабытые всеми, ни на что не надеющиеся. Может, и тебя кто-то обидел? – видно, именно это смогла она прочитать в печальных глазах Финае.

Финае сжалась, прижала руку к груди, словно ей в грудь вонзили иглу. Этот жест не скрылся от взгляда смотрительницы.

– С тобой что-то случилось, дочка?

Как близкий и родной человек смотрительница музея взяла Финае за руку. Финае растрогалась:

– Ничего, пройдет, не беспокойтесь. Честно говоря, я просто унеслась куда-то мыслями, смотря на эту картину. Мне показалась, что в шторм попал не этот корабль, а я. Финае говорила как человек, которому становится лучше. Она уже пришла в себя.

– Видно, ты очень глубоко воспринимаешь живопись. В зале, о котором я говорила, тоже есть очень интересные работы. Пойдем, пойдем, посмотри и их.

И смотрительница пошла вперед.

Финае вслед за женщиной вошла в другой зал. Здесь было много работ, выполненных в самых различных техниках. В самом конце зала ее взгляд остановился на одном полотне. Знакомая панорама притянула ее как магнитом. Она подошла близко, совсем близко. И вдруг Финае охватил ужас. На картине была изображена в лунном свете лодка, покачивающаяся на волнах, а в ней два человека, любящие друг друга. Все-то ей было знакомо. Тот самый берег, та самая лодка, те самые скалы. Дни Финае, наполненные счастьем... Художник только добавил маленькую деталь: в лодке над головами двух любовников на двух веслах сидели две чайки, тянущиеся друг к другу клювами. Но самым главным в картине было то, что девушка лицом была похожа на нее. Художник все нарисовал точно. Он смог передать схожесть лица изображенной девушки с ее прототипом. Но вместо Хариса был нарисован другой человек, и его Финае узнала – это был сам художник Юсифджан.

У Финае пропал дар речи. Смотрительница, хотевшая поинтересоваться мнением о картине, тоже застыла. Ничего не могла сказать. С такой странной зрительницей она встретилась, наверное, в первый раз.

...У Финае не оставалось сомнений: автор был свидетелем ее с Харисом морских приключений. Возможно, Юсифджан случайно оказался свидетелем этого зрелища. Но самым интересным было то, что на месте героя этой романтической, вечной любви Юсифджан видел себя.

Глядя на картину, Финае поняла одну очень важную, значительную для себя истину: она не одна! В жизни есть, по крайней мере, еще один человек с такой же, как у нее, свободной душой.

Ей стало гораздо легче. Изображенное на картине пробуждало в ее раненной душе желание жить, сполна насладиться жизнью. Может, в этом и есть главное предназначение искусства. Вот уже сколько времени никто не мог соединить в ее душе разорванные струны. Она вместе с матерью ходила на дни рождений, свадьбы, но это никак не улучшало ее настроения.

Финае вспомнила свою последнюю встречу с Юсифджаном. И душа ее словно проснулась от глубокого сна. Для чего этот странный человек столько старается, рисует ее? Наверное, оттого, что и он, как Финае, одинок в окружающем его мире, и в душе его дуют переменчивые резкие ветры. Финае смогла бы стать тем самым близким человеком, которого он ищет, но он не обращал внимания на случаи, которые раз за разом подбрасывала ему судьба. Точнее, не он, в Финае не обращала на них внимания. При их случайных встречах Финае чувствовала, что Юсифджан любит ее от всей души. Художник не смотрел на нее голодными глазами, как остальные мужчины, его взгляды отличались от взглядов остальных. Он, как и все чистые люди, был пленником высоких чувств...

Финае в глазах Юсифджана нашла тот лучезарный свет, который искала, и тут же приняла решение: ничего, что он старше. Будь ему не пятьдесят, а все сто лет, он все равно искал бы ее.

Еще окончательно пришедшая в себя от пережитых волнений Финае была счастлива тем, что нашла выход. Жизнь прекрасна...

Не думая, встретит она Юсифджана или нет, девушка направилась в его мастерскую. Цель похода туда – без утайки рассказать о своих переживаниях. Сказать ему, что если он хочет, то она останется с ним в мастерской. Станет во всем помогать ему.

«Летом буду вытирать твой пот, зимой набрасывать на плечи пиджак, стану кормить, поить тебя, оберегать, буду твоей опорой. Не думай, будто хочу, чтобы ты посвятил мне жизнь, нет, напротив, я готова посвятить свою жизнь твоей свободе, твоему ни с чем несравнимому искусству. Ты, может быть, единственный в этом мире человек, который понял меня».

Финае прекрасно понимала, что в эту минуту ее тянет к Юсифджану не женское чувство. Потому что эти чувства не были похожи на те, которые в свое время связывали ее с Харисом.

Ее тянула к Харису жаркая страсть – именно ее она называла женским чувством, но она совершенно угасла. Да и зачем она должна вспоминать Хариса? Будь возможность, она бы отрезала себе голову и соскоблила все, что связано с Харисом. Что же поделать, если память не подчиняется человеческой воле, особенно если воспоминания еще не стерты...

А память Финае не только не стерта, но воспоминания в ней нарастали. Не только имя Хариса, но и имена Федаи, студенческих товарищей, редактора Сахила Алекперли, профессора Махара и многие другие всплывали в ее памяти, и каждый из них сводил счеты с Финае. Махар угрожающе помахивая указательным пальцем и, смеясь, говорил: «Ты предпочла мне этого пожилого художника». Сахил Алекперли оглядывал ее своими гнусными глазами и, кажется, знал все подробности происшедшего с Финае и, к тому же, еще и радовался этому. Своей блестящей лысой головой он напоминал сказочных джиннов – и нетрудно было понять лицемерие, таящееся в глубине его прищуренных глаз... Так выходило, что все хотели ее смерти, уничтожения. Причем не просто смерти, а смерти, о которой стало бы известно всем.

«Нет, Федаи не стал бы так думать. Федаи на это не согласился бы». Она увидела в «окне памяти» Федаи. Действительно, его грезы были покрыты туманом печали. В его взгляде было горькое сожаление. Он не смог убедить Финае, что когда-нибудь они будут счастливы. На это у него не хватило смелости. Во всех любовных историях мира в равных долях присутствует желание и смелость...

Как бы ни были горьки воспоминания Финае, «дружкой» с ним она не только пресытилась, напротив, по неизвестной для нее причине она приносила утешение, и Финае забыла прежний гнев, былую злость. Прожитая жизнь до момента попадания в больницу казалась ей далеким прошлым. Даже если у нее появилась возможность, то Финае не возвратилась бы в это прошлое. Во время операции она потеряла ребенка, которого вынашивала, – их с Харисом ребенка. Теперь Финае смотрела на это как на справедливое Божье наказание...

Во время их последней встречи Юсифджан объяснил Финае, где находится его мастерская, поэтому ей нетрудно было найти пристанище художника. Из окна виднелся слабый свет. Это должна была быть мастерская. Скорее всего, он спит или отдыхает, ведь при таком слабом свете невозможно работать.

Финае спустилась вниз по ступенькам и постучала. Внутри раздался хриплый голос:

– Войдите.

Девушка узнала его голос. Голос был немного глухой и сиплый, но это был его голос. Сердце забило быстрее, словно она должна была встретиться с предметом своей мечты, о котором грезил тысячу лет...

Финае осторожно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Мастерская была достаточно велика. Слабый свет электрической лампы с трудом освещал углы. Большая часть мастерской оставалась в темноте. Если приглядеться, то можно было увидеть портреты, стаявшие вдоль стен.

Под слабой лампой, свисающей с потолка, стоял стол, заваленный пожелтевшими рисунками, различными эскизами и набросками.

Рядом с письменным столом стоял мольберт, а чуть дальше в углу диван-кровать. Юсифджан лежал на ней, накрывшись тонким одеялом. Отчего-то он не двинулся с места, видно, не ждал гостей. Ведь до сих пор к нему в мастерскую никто не приходил, кроме его жены Зарифы.

Юсифджан повернулся к двери и увидел Финае. Отбросив одеяло, вскочил, и стало видно, что он прилег одетым.

– Это ты?! – он тут же узнал ее.

Глаза Юсифджана расширились от удивления.

– Финае! – с еще большим волнением сказал он.

– Да, я, – ответила она и как ребенок бросилась в его объятия.

Они обнялись, словно не виделись много лет.

– Ведь я ждал тебя много лет, – задыхаясь от волнения, сказал Юсифджан. – Может, больше целого века. А ты все не приходила.

Финае взволнованно ответила:

– Честно говоря, я знала, что кто-то меня ждет. Но не знала, что это ты. Я искала человека, ждущего меня – искала тебя. В поисках тебя перевидала столько лиц, вошла в сердца, переворачивая их, но так и не нашла тебя. В поисках тебя я познавала людей. Правда, у меня нет права проклинать всех людей. Среди них встречались люди с незапятнанными сердцами. У таких открыты пути к сердцу. Но они как цветы, вылезшие из-под снега, – быстро гибнут. Они не знают, что жизнь беспощадна. Но ты – совсем другой. Ты – мой дорогой. Многолетнее одиночество, холода не испугали тебя, не уничтожили, ты продолжал жить. Свою тоску, сердечную боль ты языком красок выражал на холсте. Я чувствовала это по твоим глазам, по нашим случайным встречам, по твоим взглядам, которые сохранились в моей памяти. Ты послан мне Всевышним. Однако в моей душе страх. Я не знаю, достиг ты своей мечты или нет? Сегодня в музее я увидела одну твою картину и все поняла...

Финае говорила взволнованно. Кажется, она спешила. Боялась, что не успеет сказать всех слов. Юсифджан плыл в наслаждении от ее поцелуев, которыми она с жаром, с любовью покрывала его седые волосы, лоб, шею, он был полон счастья, которое дарила ему Финае. Финае была влюблена в него всей душой. Юсифджан видел это. И это случайное счастье лишало его рассудка. Он был растерян. Он не знал, что он говорил, как он говорил. Он, также задыхаясь, взволнованно целовал и ласкал Финае. Наконец-то судьба улыбнулась ему. Идеал, которого он долгие годы искал, рисовал на своих картинах, ангел сейчас был в его полутемном жилище. Сколько лет он страдал в этом жилище! Он замерзал здесь в летнюю жару. От стен струилась печаль, обстановка навоевала одиночеством, а теперь его мастерская неожиданно превратилась в самое прекрасное место в мире. Юсифджан не мог осознать – снится ему это или происходит наяву?

На Финае не было одежды. Здесь любовь была свидетелем страсти. Но нет, это была не обычная сцена страсти – это было торжество двух одинаково свободно мыслящих людей, торжество вечных чувств, победа единения. От этой пылкости можно было и умереть...

Юсифджан ласкал руками каждый участок ее тела, словно хотел убедиться – человек это или ангел. Он провел рукой по маленькой складочке на ее теле. Эта ласка отняла у Финае все живущие до сих пор в ее теле боли. Следы от операции, оставшиеся, на теле Финае были, открыто видны. Ни один из них не заметил, как прошел день. Как наступил вечер, как пришло утро; одним словом, как прошел день, для них не имело никакого значения. Так, обогреваясь электроплиткой в студеной зимний день, эти два человека – Юсифджан и Финае, достигшие своих самых сладостных мечтаний, переживали, возможно, самый счастливый день в своей жизни. Оба они забыли о неудачах, которые до того преподносила им судьба...

Мастерская Юсифджана была островком чудес. Здесь никто не мог нарушить их покой. Финае приняла твердое решение: она отсюда никуда не уйдет. Она больше не хотела видеть модный дом своей матери, огромных денег своего отца, его наследства. Лишь бы никто не отнял у нее властителя этого острова чудес, Юсифджана. Она была согласна жить здесь, служить Юсифджану, быть его помощницей. Для Финае не имели ни малейшего значения ни общество, сулившее всякое благополучие, ни модные рестораны огромного города, ни зарубежные поездки, ни машины, одним словом, ничего из того, что сегодня имело значение в глазах людей.

Она впервые в жизни оказалась на острове, о котором мечтала всю свою жизнь. Этим островом оказалась мастерская Юсифджана. Потерять это счастье, дарованное ей художником, который был в два раза старше нее, она могла, по ее мнению, да и по логике жизни, лишь со смертью.

Эта мысль испугала. Никогда в жизни Финае ничего не боялась. Может быть, только сейчас она поняла, что такое смерть. Она съезжилась и прижалась в Юсифджану. Юсифджана встревожило то, что она, сжавшись в комочек, прижалась к нему.

– Что с тобой, дорогая, тебе холодно? – спросил он.

– Нет, мне не холодно, а страшно.

– Чего ты боишься? Ведь в мастерской, нет никого, кроме нас двоих. К тому же зимой сюда вообще никто не заходит.

Финае почувствовала, что Юсифджан не понял ее.

– Нет, Юсифджан, я не боюсь, что кто-то может прийти. Я боюсь того, что у нашего счастья может оказаться короткая жизнь... Ведь Всевышний не так легко дарует людям счастье.

Юсифджан, чтобы положить конец ее тревоге, хотел сказать Финае такие слова, чтобы прошло беспокойство и она избавилась от страха, охватившего ее сердце.

– Нет, ты не права, Финае, мы перенесли невыносимые муки. Я женат, у меня две дочери. Сейчас они уже большие. Я знал, что все эти годы ношу на сердце тяжкий груз. И каждый день, каждый час я с этим грузом на сердце шел к тебе. Иногда обманывая себя, я думал, что был счастлив в дни, которые проводил здесь с Зарифой. Но нет, это был самообман. И ты, наверное, никогда не чувствовала себя спокойной? Всегда ждала неизвестно чего?

– Да, милый. Я выросла в достатке. И люди, которые мне встречались, хотя и были приветливы, но...

Финае замолчала. Она спокойно смотрела, словно ждала чего-то. И стала спокойно рассказывать свою жизнь.

...Закончив рассказ, Финае снова погрузилась в молчание. Юсифджан не хотел прикасаться к ней. Пусть, как остановилась, так и останется. Чтобы не рассеять ее мыслей, он осторожно провел рукой по ее волосам, рассыпавшимся по плечам.

Финае рассказала о тех тяжелых, мучительных мгновениях, о которых сочла нужным рассказать, и замолчала. Она провела красивой, мягкой рукой по рубцам, словно втирала в них бальзам, и сказала:

– Я не хотела, чтобы он умирал. Но думала: если ему суждены какие-либо муки, пусть он увидит их. Никто не смог выдернуть занозу из моего сердца. Каждый сторонится, остается равнодушен к чужому горю, к боли. И ты не был понят, как надо. Я буду считать себя твоей ровесницей, твой дух обновится, ты проживешь лучшие мгновения своей жизни. Я еще раз говорю: я в этом полутемном подвале, где кроме нас с тобой больше никого нет, буду считать себя самым счастливым человеком. Это не мастерская, это не подвал, это наши хоромы. Если в людях есть хоть крупица совести, милосердия, они нас не тронут. Пусть небоскребы, огромные дворцы счастья останутся им, но пусть они не покушаются на наши хоромы. Мы проживем полуголодными, нам ничего не надо. Нам хватит и глотка воздуха. Пусть никто не стучится в нашу дверь.

Юсифджан поднялся и притянул поближе стоящий на письменном столе ночник. В слабом, желтоватом свете Финае была похожа на ангела. И он не смог бы ни на минуту отпустить от себя этого ангела. Иначе ангел мог бы улететь также неожиданно, как и явился.

Юсифджан не уставал любоваться этой царицей ангелов. Ему ничего не было нужно в этом мире. Пусть люди хотят, чего им надо, лишь бы не трогали Финае, с которой он чувствовал себя свободным, счастливым, Финае, снявшую с его души груз, который он носил столько лет.

Юсифджан снова обнял Финае. Да, в душе его уже не дули холодные ветры, на душе его не было тяжкого камня. К нему своими ногами явился ангел, который призывал его жить и творить.

...В чем заключается самое главное желание человека? Этого никто точно сказать не может. Потому что это противоречивое существо, добившись желаемого сегодня, завтра мечтает завладеть другим. Причем никто вершиной, достигнутой судьбой, не довольствуется. Завоеватели, покорившие весь мир, именно поэтому смотрят ненасытными глазами, ищут новые пути. И неважно, умрут ли они на поле боя или на своем троне.

...Финае смотрела на уснувшего на ее груди Юсифджана и думала. Интересно, чего еще она хочет? После этого бросят ли ее мечты опять в пучину? Не станет ли окружающее сжимать ее душу? Сейчас она постепенно, по крупницам вырывается из своего окружения, из трагедий, делающих ее несчастной. Из среды, где Рахиба на крыльях сладостных мечтаний готовится уезжать за границу. А, может, она вообще не уедет за границу, а так и останется рядом с отцом Финае в «Сатире»? Закир должен был поехать в деревню, чтобы обручиться. Заур с Фиакком ворошат, наверное, старое, снова обсуждают историю Финае и Хариса. А, может быть, у них теперь новая тема – обсуждают тему Рахибы. В той среде, наверное, Сарраф и Садига снова вспоминают свою незабываемую свадьбу, говорят о семейно-бытовых проблемах. А о чем думает ее мать Зинае? О том, что она никогда не была счастлива, о своей несчастной судьбе. Глядя на свои драгоценности, свое золото, она ненавидит свою прожитую жизнь. Лысая голова Сахила Алекперли снова в своем кабинете, ярко блестит под горящей лампой. Устремив свои жадные глаза на дверь, он ждет новую «жертву».

А что делает Федаи? Наверное, он смирился со своей несчастной любовью. Может, и он обручился? По крайней мере, в груди Федаи бьется любящее сердце. Он через всю жизнь пронесет боль своей любви. А значит, он никогда не будет счастлив с зигзагами судьбы. А как же жена Юсифджана, имя которой вписано в последние страницы книги? Наверное, она считает себя несчастной с того дня, как вышла замуж. Очень может быть, что она винит в этом Юсифджана. Хотя вина в ней самой. Она должна была с первого дня, с момента знакомства с Юсифджаном знать, что он не любит ее. Может, и знала, но лицемерно не захотела выпускать попавший ей в руки шанс. Рахиба еще не знает, куда и для чего она едет. Смертельный удар она получит в нужный момент. Финае мысленно перебирала в памяти знакомые лица, сравнивала чью-то счастливую жизнь со своей.

Перед ее глазами промелькнула еще одна тень. Это была тень Хариса. Он устремил на нее свой взгляд голодного волка. Ненасытный Харис, чьи намерения никогда не совпадали с успехами, выглядел как всегда. Его челюсти, готовые разорвать общество, оскаленные, окровавленные клыки, дрожали друг о друга. Он искал новую жертву, чтобы разорвать, разорвать, разрушить ее... Но уже поздно, потому что его уже нет. Он сам стал жертвой своих дурных намерений. Даже следа от него не осталось, потому что единственная дочка не станет называть его отцом. Это имя будет проклято до самого судного дня.

Тень Хариса хотела что-то крикнуть, он хотел собственной волей заставить Финае замолчать, снова что-то сказать ей, может, в чем-то убедить. Но Финае уже не хотела, ни видеть, ни слышать его. Но Харис не сдавался:

«Я камень от твоего кольца...»

Финае захотелось закричать. Но она не стала кричать, потому что на ее груди покоилась голова спящего Юсифджана. Он может проснуться. Она готова была вынести любые муки во имя Юсифджана. Она вытерпит.

«Ты нашел камень от моего кольца?»

«А зачем его искать, я сам взял его. В ту самую ночь, когда ты потеряла сознание от удовольствия...»

«Будь ты проклят. Будь ты проклят в обоих мирах. Ты опозорен и в этом мире, и в загробном».

«Опозоренными называют таких, как ты, тех, кто часто меняют мужские обьятия».

«А такой, как ты, достоин проклятия обоих миров за то, что дал убить собственного ребенка, это страшнее, чем быть опозоренным. А теперь убирайся с глаз моих!»

Финае казалось, что она расправила крылья. Она сейчас была выше всех людей, зданий, даже облаков. Люди внизу копошились, как муравьи. Каждый куда-то спешил: кто на работу, кто в магазин... Интересно, знают ли эти люди, которые обманывают друг друга, сосут друг у друга кровь из корысти, в борьбе за различные драгоценности строят друг другу западни, зачем они живут?

Вот и Юсифджан парит в небе рядом с Финае. Их от прочих людей отличают лишь крылья...

Голова Юсифджана лежала на ее груди. Финае готова так лежать много суток, лишь бы не разбудить его.

Хоть их мечты и смешались, впервые за несколько месяцев Финае спокойно уснула...

Дыхание зимы чувствовалось повсюду. Прежняя зелень деревьев и цветов уже поблекла, пропал их аромат. Оказывается, красота деревьев была в их листьях. Голые тополя теперь походили на скелеты.

Рахиба подняла воротник пальто. Холодный северный ветер бросал в лицо мелкие снежинки. Она днем созвонилась с Гадиром и они договорились встретиться вечером в «Сатире».

Рахиба вышла из такси, не доезжая до «Сатира». У нее еще было время. Она направилась к берегу моря – к скалам.

Она привыкла к тому, что рано приезжая в «Сатир», она раздевалась в знакомой комнате, отдыхала там. Но на этот раз она изменила своей привычке. Хоть она и мерзла, и дул ветер, ей не хотелось рано приходить в «Сатир». В ее душе вдруг проснулся странный интерес к морю, которого она никогда не видела зимой. Скалы, кажущиеся летом величественными, теперь казались какими-то нездоровыми. Рахиба прислонилась к самой высокой скале и стала смотреть в море. Морская гладь была холодна, как люди, желающие принимать гостей. Несколько месяцев тому назад здесь было столько народа, что, казалось, брось иголку, и она не найдет, куда упасть. А сейчас море было спокойным, задумчивым, безлюдным.

Вдруг Рахиба услышала какой-то звук. Она огляделась вокруг. Кроме нее, здесь никого не было, тогда откуда раздался голос?

На берегу моря было маленькое озерце из-за стекавшего сюда мазута из нефтяных промыслов. В озерце кто-то двигался. Рахиба подошла ближе. В озерце попала птица с

длинной шеей, тонким горлом и длинными ногами. Это был журавль, журавль, отбившийся от стаи.

Рахиба удивилась. Ведь журавли давно улетели. Как же получилось, что этот отбилась от своей стаи? Может, он обманулся возможностью что-то съесть? Обьедки, оставшиеся после людей, отдохавших здесь летом, становились пищей птиц и животных. Может, когда-то здесь отдыхала стая журавлей? А потом стая улетела, этот журавль зацепился за что-то и остался. А может, его крылья отяжелели оттого, что он попал в лужу мазута, и он не смог взлететь.

Глаза журавля были полны страдания. Он ждал помощи от Рахибы. Рахиба протянула руку и схватила запутавшегося в камышах журавля за крылья. Тот совершенно не сопротивлялся, даже не пикнул. Впрочем, он не мог сопротивляться, потому что с его крыльев стекал мазут.

Рахиба любила смотреть фильмы о птицах, но там она всегда видела журавлей в полете. В небе они смотрелись очень красиво. Оказывается, вся красота и сила журавлей была в их стае, в журавлином клине, летящем в небе. А оторвавшиеся от стаи журавли очень часто не долетают до своего дома.

Наверное, живущие в скалах хищные птицы с острыми клювами не давали возможности одинокому журавлю взлететь в небо. Увидев журавля, они тут же набросились бы, а потом растащили бы его по кусочкам в свои далекие гнезда, разодрали бы своими острыми, как кинжал, клювами.

Так уж дано судьбой, что слабым становятся кормом для более сильных.

Рахиба принесла журавля на берег моря, опустила его в воду и захотела смыть с него мазут. Ей стало еще больше жаль журавля, она подумала, что соленая морская вода будет жечь его раны. Однако она не отказалась от мысли смыть мазут с крыльев птицы, очистит их от грязи, расправит ему крылья.

– Кто же с тобой сделал такое? – спросила она, глядя в немигающие глаза журавля. И ей показалось, что журавль отвечает ей:

«Я не могу никого винить».

– Значит, виноват ты сам.

«Так получается...»

– Ты сам выбрал себе дорогу к несчастью.

Рахибе показалось, что журавль плачет. Но, кажется, плакал не журавль, а она сама. Сердце ее сжалось. Журавль, стоя на длинных ногах, дрожал, и эта дрожь передалась ей. Она и сама еле стояла на ногах, ей было холодно.

– Тебе не следовало отделяться от стаи.

«Мы все попали в озеро. Слишком увлеклись едой. Вдруг подул сильный ветер. Я и сам не заметил, как попал в мазут. Как ни бился, выбраться не смог...»

– Твое счастье в крыльях. Ты должен был беречь свои крылья. Когда ты летишь в небе, паришь в нем, ты прекрасен... Еще и твое оперение...

Рахиба погладила испачканные в мазуте перья и начала отмывать их. Но отчего-то вместе с мазутом с несчастной птицы сыпались и перья.

– Я отнесу тебя туда, где тепло. Ты согреешься, перья твои высохнут, а выпавшие – снова вырастут.

«Ты права, но знай, что отставший от стаи журавль больше не может вернуться в нее. Как можно восстановить сломанное крыло и оперение?»

Когда-то и у Рахибы была счастливая стая. Когда они болтали в фойе, в аудиториях университета, перешучивались, спорили, подкалывали друг друга, вместе выходили из университета, шли к метро, они напоминали беззаботную журавлиную стаю. Да что там говорить, они и были счастливой журавлиной стаей Бога...

Что же теперь, совершив массу грехов и в душе мучаясь из-за них, стоит она на берегу этого полного мазута и грязи моря одна-одинешенька? Ведь она не одинокий журавль, а сознательный человек...

Она взглянула на часы. Пора было идти. Наверное, Гадир уже ждет ее. Она положила журавля под скалу, где не дул ветер. В последний раз посмотрела на птицу, проклятую Богом. Собралась уходить, но тут ей показалось, что журавль умоляет ее.

Она вернулась, взяла журавля и захотела отнести с собой в «Сатир».

– Пойдем со мной. Там тепло. Ты согреешься, перья твои высохнут, и ты станешь, как прежде прекрасным».

В «Сатире» журавля накормят, сделают все необходимое. Но никто не в состоянии восстановить сломанные крылья, отпустить его в небо, о котором он мечтает...

Юсифджан открыл глаза. Интересно, который час? Сколько он проспал? Он попробовал выяснить: счастье по имени Финае была с действительно ним или пригрезилось ему? Какой еще может быть истина? Это не просто истина, родившаяся в душе одного человека, а истина, которая совершенно перевернула мир другого. Теперь он был уже не упавшим духом, потерявшим всякую надежду на жизнь Юсифджаном. До вчерашнего дня он был художником, который сражался с безжалостной пустотой бренного мира, задыхался в одиночестве, а сейчас он чувствует себя ловким и бодрым, как в молодости.

Он провел рукой по волосам Финае. Та не шевельнулась, но волосы ее колыхались, как море. По ее спящему лицу пробежала легкая улыбка. Она еще спала. Она спала, совершенно уверенная в мире, в жизни, в людях и самое главное – в своей судьбе.

Апатия, которая много лет скапливалась в жилах Юсифджана, бесследно исчезла, он чувствовал себя сильным. Душа его была полна мощной энергией, жаждой работать, творить. Свет спящей красавицы осветил его темный мир. Его взгляд упал на портреты, висящие на стене – один наверху, а другие чуть ниже. За них он получил много наград на международных конкурсах, много премий. Но вдруг все эти работы, созданные ранее, показались ему ничтожными. Он про себя усмехнулся: воистину, они были много ниже его творческих возможностей. Отныне он сможет создать произведения, которые поразят весь мир, теперь он достиг того, о чем мечтал многие годы. Вот она, властительница его мечтаний, лежит рядом с ним, спит...

Юсифджан встал. Он старался двигаться как можно тише – боялся за что-то задеть, зашуметь и тем самым разбудить Финае. Он прошел в противоположный угол мастерской, к крану, чуть прикрыл воду, умылся. Ему захотелось сесть на стул перед мольбертом. Но отчего-то передумал, взял стул и поставил его перед диваном, на котором спала Финае. Сел. Устремил взгляд на спящего ангела.

В мастерской было тепло. Электрические обогреватели согревали помещение, поэтому Финае спала, даже не набросив на себя легкого одеяла. Юсифджан сидел потрясенным. Сейчас для него не существовало целого мира, только... Ему показалось, что вся мастерская в один миг скрылась во тьме. Лишь один ее уголок был ярко освещен. И в этом свете была видна только она – Финае.словно полная луна на глади равнинного озера. И лунный лик ее был столь светел, что Юсифджан позабыв о мастерской, о себе, сидел, застыв перед этой божественной красотой. Но отчего он застыл, чего он ждет? Разве эта божественная красота сможет снова повториться? Он прямо сейчас, в эту минуту должен воссоздать ее... Вокруг все темно... Видно лишь освещенное лунным светом чудесное озеро.

Юсифджан поспешил к мольберту. Включил лампу и начал работать. Изредка он бросал взгляд в сторону Финае, стараясь воссоздать все мельчайшие черты ее лица.

Грудь его часто вздымалась, дышал он взволнованно, словно куда-то спешил. Если бы кто-то спросил, в чем причина такой спешки, он бы не смог ответить. Неведомые дотоле чувства руководили им, взяли в плен его кисть...

Нет, воссоздать эту картину – свет среди тьмы – перенести ее на холст ему повелел сам Аллах. Он должен был передать ее – как источник жизни, как ее начало. Художник словно слышал редчайшую музыку. Воистину в его ушах звучала музыка, которую больше никто не слышал. Эту песнь, призывающую к жизни, к творчеству, он, может быть, даже слышал не ушами, а видел глазами. Он видел ее и переводил музыку, которую видел, на фоне света в краски. Эта музыка звучала в нем самом, эта музыка была им самим. Юсифджан видел сквозь звуки свет, а в свете различал музыку. Из своего брэнного тела он вырывал вечность и укладывал ее на холст.

Он не знал, долго ли он работал или нет, но на холсте постепенно возникало живое чудо. В центре было сияющее озеро, на этом озере лежал ангел... Кого или чего ждал этот ангел? Это было наподобие Божественного завета? У Юсифджана не было сил отвечать на этот вопрос. Он только знал, что созданный им ангел – фантастический, придуманный образ. У него не было даже крыльев. Этот образ, будучи скорее реальным, жизненным, излучал вокруг себя свет. Свет постепенно освещал все вокруг, каждый уголок земли, и далее освещал весь космос. И казалось, застывшая до того природа, чтобы ожить, ждала именно этого света.

Юсифджан немного отступил и, прищурившись, посмотрел на полотно. Поверхность озера была прозрачной и чистой. Каким же еще может быть озеро света, озеро сияния...

...Вдруг он почувствовал жжение в груди. Он поднес руку к левой груди. Жжение усиливалось. Он стал рукой массировать грудь. Но жжение не успокаивалось, напротив, все более усиливалось. Хоть он не мог оторвать глаз от озера, созданного им, жжение, рвущиеся из груди, бросило на его лицо тень. Выпить бы глоток из прозрачной воды этого озера, брызнуть бы ею в лицо. Может, тогда жжение в сердце немного стихло бы.

...Он все еще стоял, преодолевая боль, уставившись на эту воду. Словно хотел чем-то отвлечь себя, оторваться от боли в сердце. Но боль не проходила. Казалось, в груди его спрятался кто-то с ножом в руках и кромсает его тело. Он бросил кисть на коробку с красками. Почувствовал, что не может двигаться и теряет сознание.

Такая боль приходила к нему и раньше. Тогда он думал, что это связано с муками одиночества. Он стонал от боли, из глаз его лились слезы. Но боль как приходила, так же и уходила, и он забывал обратиться к врачу. На этот раз боль была гораздо сильнее, такого с ним еще не было. Боль была невыносимой. «Кажется, мне пришел конец», – подумал он. Он снова взглянул на озеро света, на спящую Финае. Каким же коротким оказалось счастье, которое он нашел в этой мастерской! Во всяком случае, Финае избавила его от тяжелого камня в груди, от бремени на сердце. Что же ему теперь делать, разбудить ее в последний момент и поблагодарить за самопожертвование?

Сознание Юсифджана туманилось, он не понимал, о чем думает. Нет, надо на что-то решиться, что-то сделать. У него хватит сил собраться с мыслями, он разгонит этот туман в голове. В этот момент в его голове словно бы начал дуть приятный ветерок. Ветерок усилился и смог разогнать сгущающийся в голове туман.

Выходя из отцовского дома в Нагорной части города, открывая дверь, чтобы выйти на улицу, он встретился глазами с соседской девушкой, женился на ней, и далее вся последующая жизнь, картины, которые приносил с собой этот ветер, выстроились перед его глазами. И в этих картинах не было ничего плохого, постыдного. Но если это так, то почему же тогда проживший эту жизнь Юсифджан на разу не посчитал себя счастливым? О, Всевышний, сколько полноценных дней он прожил! Неужели он не сможет проститься с дочерьми, смех которых мог рассмешить стены, радость которой передавалась всему дому? Нет, нет, пусть он проживет еще один день, пока он не увидит Зарифу. Он взял бы

ее за руку и попросил бы прощения. Зарифа всегда мирилась, уступала. Как жаль, что Юсифджан не смог полюбить ее так, как она любила его. Она знала это, но все равно гордилась своим мужем. Может, ему позвонить Зарифе? Как только она услышит его голос, тут же поймет, что с мужем стряслась беда. Интересно, вечер сейчас или день? Зарифе будет все равно. В любом случае, она тут же примчится. Но что подумает, когда увидит здесь Финае, что скажет? Нет, Зарифа всегда шла ему навстречу и снова поймет его. Нет, не выйдет, это стало бы последним непростительным дурным поступком против нее, предательством, мукой. А ведь еще совсем недавно он собирался свои последние дни прожить в этой мастерской с Финае. Только этот день, проведенный с Финае, он считал настоящей жизнью...

В голове снова затуманилось. Кажется, вся его жизнь состояла из одного этого дня.

...Прижимая правую руку к груди, он сделал пару шагов в сторону Финае. Еще один шаг и он дойдет до нее. Но тут его обеспокоила мысль, что он может разбудить Финае. Он не захотел будить ее. Он был уверен, что с тех пор как Финае стала сознавать себя, постигла этот мир, она впервые спит так крепко. Поэтому он не решился будить девушку. Он решил вернуться назад, к мольберту. Вдруг боль еще более усилилась. Потеряв сознание, он упал на пол рядом с Финае.

В тот же миг Финае проснулась и подскочила на месте. Оставшиеся открытыми глаза Юсифджана были застывшими и неподвижными. Казалось, если бы он не задержал упавшей на левую грудь рукой бьющееся сердце, то оно, как птица, расправив крылья, улетело. Этот его последний жест напоминал воина, старающегося вырвать из груди неизвестно откуда вонзившуюся стрелу.

Когда Финае увидела Юсифджана в таком виде, глаза ее широко раскрылись. Она почувствовала себя бесконечно одинокой и беспомощной, ей захотелось позвать на помощь, закричать. Она не поняла, что случилось. Что она сделала людям, что никто не идет к ней на помощь? Кто-то прямо у нее на глазах стоял чуть позади Юсифджана. В руках его был какой-то музыкальный инструмент. Кажется, скрипка. Он играл на скрипке грустную, печальную мелодию прощания. Финае хотела окликнуть его, позвать на помощь. Но этот молодой человек ни на кого не смотрел и продолжал спокойно играть свою печальную мелодию. Финае снова захотелось кричать, звать на помощь, но скрипка издала еще более пронзительный звук. Даже если бы все вокруг вместе закричали, им не удалось бы перекрыть этот звук. Звук скрипки, превратившись в плотный щит, закрыл Юсифджана и Финае от остального мира. Кто это, отчего он кажется таким холодным и равнодушным? Кажется, он исполняет на скрипке вопли Финае. Но кто это? Финае хотела протянуть руку, схватиться за него, потрясти, спросить, кто он? Человек взглянул на нее поверх плеча. Господи, это же Федаи! И он плакал. Что заставило его плакать? Печаль музыки, которую он играл, или грустная история Финае?..

Финае прижала руки к голове. Она готова была потерять сознание от гула в сознании. Вдруг какое-то ужасное существо, хватаясь когтями за стены мастерской, начало танцевать на глазах Финае. Финае хотела протянуть руку и показать на него Федаи. Но Федаи не тронулся с места. Кажется, и звуки скрипки затихали. А это чудовище, хохоча, крутилось вокруг девушки. Финае узнала его. Это был Харис. Он, протягивая пальцы в сторону Финае, дьявольски хохотал. Его ужасающий смех, отражаясь от стен, совершенно заглушал слабые, печальные звуки скрипки.

Вцепившись руками в волосы, Финае огляделась по сторонам. Сознание понемногу возвращалось к ней. Она посмотрела на лежащего у ее ног Юсифджана, повернула его безжизненную голову, прижала ее к груди. Обнаженной груди Финае стало тепло. От крови, сочившейся изо рта Юсифджана, у нее на груди остался след...

На горизонте, где море соединялось с землей, появилась красная полоска. Темная ночь уступала место дню. Совсем скоро в этом месте мира родится новый день. Появление новорожденного всегда встречалось с радостью. Животные облизывают рожденных детенышей, ласкают материнским прикосновением, дыханием дарят силу, поднимая на ноги, а потом прижимают к груди и дают свое молоко. Как только ребенок, подчиняясь инстинкту, унаследованному миллионами лет, встает на ноги, он начинает искать материнскую грудь. Может быть, именно здесь надо искать корни нераскрытых тайн жизни? Как же получается, что еще не имея сознания, детеныш ищет материнскую грудь? Также ведет себя и человек. Но новорожденный человек, в отличие от других животных, беззащитен. Мать должна оберегать его от всех ударов жизни – от жары, от холода. Она должна брать на себя все его страдания, даже за счет бессонных ночей. Мать учит его, как жить в будущем, он берет от матери правила жизни. И отец вместе с матерью ведет борьбу за будущие успехи своего Ребенка. Ребенок – порождение всех интимных и естественных чувств, а иногда даже невольных чувств. Это семя сеют вместе мужчина и женщина. А значит, оба они ответственны за судьбу ребенка.

...Финае остановилась на высоком месте Старого города. Она смотрела на черную глубину моря и в то же время на красную полоску, появившуюся на краю неба. Значит, ночь рождала свое дитя – день. Сейчас, когда ночь рождала свое дитя, словно зная, что ее жизнь заканчивается, что она должна куда-то исчезнуть, поэтому сворачивала свое черное одеяние. Хоть солнце еще не светило, молочно-белый свет тек по морю в сторону города.

Нет, Финае не могла дальше оставаться здесь. Она не чувствовала ни рук, ни ног, но тем не менее должна идти. Сознание заставляло ее двигаться. Работал только мозг, и еще видели глаза. Федаи, недавно оторвавшийся ее от ее друзей-студентов, мог снова одержать победу. Она не хотела видеть Федаи. Не потому, что она презирала его. Нет, она не презирала его, просто у нее не было сил отвечать на его обвинения. Его обвинения были жестки, но самое главное – он говорил правду. Финае с детства ненавидела ложь, лицемерие. Поэтому она не хотела отвечать на его обвинения, что-то выдумывать, что-то доказывать, только чтобы выйти сухой из воды. Финае еще чувствовала в себе силы. Если она в сознании, если в ногах есть силы, она может идти. Она не потеряется в узких улочках и темных переходах Старого города. Она куда-нибудь выйдет. Финае словно не шла, она бежала, не оглядываясь. На секунду она остановилась, и шум тоже прекратился. Она снова бросилась бежать...

...Это был узкий переулок. Она увидела маленькую деревянную дверь. Но возвращаться она уже не хотела. Ей казалось, что если она вернется – она вновь увидит те самые обвиняющие взгляды – взгляды, которые не давали пощады, не оставляли места для прощения. По сути дела, вернуться назад для нее означало вновь пережить мучительные воспоминания. Они, еще не уснувшие, стали бы разматываться в памяти. А она этого не хотела, не хотела... Для нее не было разницы – хорошие воспоминания или плохие. Сейчас все причиняло Финае боль.

Стоило ей слегка толкнуть, и маленькая дверь открылась. Она вошла внутрь. Каменные ступеньки вели вверх. Вокруг была непроглядная тьма, и это пугало Финае. Она отступила назад. Вышла на улицу и пошла снова по улице, по которой пришла сюда.

Для того чтобы добиться своего, Финае всегда шла только вперед. Чего же тогда она испугалась на этой безлюдной, тихой улочке? Нет, она должна внутри себя погасить душащий ее безжалостный ужас. Поэтому она остановилась. Ей надо было выяснить, куда ведет маленькая узкая дверь, куда ведет ее эта лестница. Вокруг светало. Красная полоска на море, которую она видела перед этим, стала больше, краснота, убивающая тьму, становилась все ярче. Это было солнце. Оно осветит все вокруг, принесет людям тепло, миру жизнь, оживит все вокруг!..

Под золотисто-красным светом каменные здания Старого города заблестели. Лучи, падающие издали, преломлялись и отражались в глазах Финае. Она закрыла и снова

открыла глаза. И увидела, что здание, куда она хотела войти – высокая башня. Девушке показалось, что архитектор, воздвигший это здание, воздвиг памятник своей любви. Не было никакого сомнения в том, что архитектор, строя эту башню, жил сладкими мечтами о своей возлюбленной. Может, он вдохновлялся полными любви взглядами, которые дарил ему красавица, выглядывающая из дворца напротив? Он любовался ее осанкой, ростом? И перевел в камни ее бесподобную красоту? Может, безгрешная любовь зодчего стала украшением этого здания?

Наверное, так и было, ибо нелюбящее сердце, сердце, которое не бьется любовью, не могло бы создать из суровых, необтесанных камней такое прекрасное здание.

Но где же этот зодчий? Куда подевалась и та красавица, заставляющая архитектора, смешать день и ночь? Какие бури, какие ветры смели их?

Как же жестоко время. Оно не дает поблажки ничему и никому. Финае пришло в голову, что сегодня время в облике разных людей следит за каждым ее шагом. А значит, обратного пути нет. Время всегда идет вперед, возвращаться – значит не жить, а умереть. Если она повернет назад, она должна будет вновь пережить все муки и страдания жизни, которые называются истиной.

Люди очень похожи в разговоре, смехе, еде, сне. Они группами идут в одну сторону, также группами откуда-то возвращаются, но они никогда не бывают вместе. Каждый должен пройти свой путь, прожить свою жизнь – так думала Финае...

...В тот день Сарраф и Садига, взявшись за руки, пошли вместе. Но если каждый и идет своей дорогой, в конце они оказываются вместе. Неизвестно, может и над ними задует какой-то ветер. Может, ветер, с которым они не справятся, разлучит их?..

Во всяком случае, они крепко держатся друг за друга. И выглядят уверенно. И бесспорно, что если они и знают о неожиданной силе ветров жизни, это их не пугает. И это бесстрашие всегда будет оберегать их. И студенческие друзья Финае, ее сверстники удаляются – так, словно хорошо знают, куда их ведут их пути. Одна лишь Финае осталась на этой узкой улице. Может, именно это одиночество и пугает ее? Нет, Финае не поддастся никаким страхам! Отчего в прошлом сильная, уверенная в себе Финае, не подчиняющаяся никаким запретам общества, ни перед кем не склоняющаяся, сердце которой подчинялось только своим желаниям, должна бояться этой встретившейся на ее пути, ведущей в темноту лестницы? Разве она не та самая Финае, которая добровольно шла по самым страшным путям жизни, которой пришлось перенести столько страданий на этих устрашающих путях?.. Может ли Финае чего-то или кого-то бояться? Напротив, она, как солнечный луч, свободна и может обжигать. Как тени, которые исчезают при появлении солнца, так же и страх при появлении Финае пропадает, исчезает прочь.

Финае топнула ногой. Словно хотела размогнуть голову страху, поднявшему голову на ее пути. Глаза ее сверкали, как разгорающийся очаг. Она прошла еще немного вперед. Вошла в дверь, в которую входила перед этим, стала подниматься вверх в темноте. Ступеньки винтовой лестницы минарета все кружили вверх, увлекая за собой Финае. Она отрывалась от земли, уходя все дальше от мира и людей. Она удалялась от жизни, которой жила до сих пор, от города, от воспоминаний, одним словом, от всех и ото всего. И чем более она удалялась, тем легче ей становилось. Все ее боли, обиды, упреки посторонних, одним словом, все, кроме плоти и дыхания, составляющих суть человека, все, что она могла носить с собой, цеплялось за ступеньки этой лестницы и оставалось позади. Финае, словно воочию видела все, что отрывалось от нее. А чуть позже она перестала чувствовать и свою плоть. Оставалось только дыхание. Еще один круг, и она поднялась выше по древним, как воздух, ступенькам, идущим по внутренней стороне стены древнего минарета все выше и выше, к самому верху. В душе у нее было желание попасть на седьмое небо, к самому входу на небеса.

Наверх, только вверх, к последней ступеньке минарета, к последнему витку, и там к маленькой площадке! На этой площадке заканчивались и ступеньки. Глаза ее тянулись к

бездонной пустоте. Ну и что? Если она зовет, то ответить ей могут только птицы на своих крыльях. Ответом на зов неба может быть только полет. А человек... Он не может летать, у него нет крыльев. Нет, и все.

Но что это, постепенно у нее исчезают силы. Ведь сила не живая, чтобы гасла от глотка воздуха. Чем выше она поднималась, тем разреженной становился воздух... Когда он заканчивается, начинается невесомость. Финае шла к ней, к невесомости, в безвоздушное пространство, к небытию. Но мечты еще остались. Нет, нет, все, что было с ней, не должно считаться жизнью. Жизнь в конце, в самом конце. Каждый человек награждается Аллахом смертью, которую тот сочтет для него достойной. И когда Финае дойдет до последней остановки поворотов жизни, она превратится в совсем иного человека. Она с почтением пожмет руку смерти, не испугается ее. Кажется, из всех мужчин, с которыми до сих пор встречалась Финае, самым сильным, самым смелым оказался не кто иной, как смерть. Пусть будет так! Если это так, то она будет любить смерть больше всего и всех! Что ее тянуло подниматься по этим холодным ступенькам? Ведь она в каждое мгновение своей жизни искала только счастье. А где то, что она искала? По сути, в тех тайных, полных страсти ночах, Финае искала свое счастье. Что же она ищет сейчас?

Она закрыла глаза. Самые различные подвенечные платья – белые, красные, золотистые – выстроились перед ней в ряд. Подвенечное платье Садиги на ее свадьбе с Саррафом показалось ей смешным, тяжелым, как кандалы, навевающим тоску. Но отчего тогда вдруг в ней возникла тайное и вместе с тем почтительное уважение? И сейчас она в мечтах видела в этих белых, красных, золотистых свадебных платьях символ счастья. Значит, иронические взгляды, которыми она с детства смотрела на подвенечные платья, были ложью. Она это осознала только сейчас, когда поднялась на эту высоту. Ведь и она могла бы надеть на себя свадебное платье. Ведь и она могла переехать в дом мужа под звуки «Вагзалы». Ведь и она могла бы стать для какого-нибудь достойного, честного, хорошего парня возлюбленной, спутницей жизни. Ведь и она пришла в этот мир для того, чтобы стать матерью. Отчего же она была столь безумной, что отказалась выполнить этот священный долг? Оттолкнула право стать матерью, хозяйкой дома. Потеряла ребенка, которого вынашивала, принесла свою чистую, достойную жизнь в жертву страстям...

Изнутри поднялось тепло, и эта приятная теплота разлилась по всему телу. Но мгновенно побледнело лицо, неожиданный страх и холодный ветер сотряс ее тело. В одно мгновение и теплота, и дрожь; ее трясло, как листик мяты. Отчего это случилось? Она вспомнила, что когда была беременной, испытывала такое. Нет, куда она, и куда беременность? Это ей не дано уже никогда!..

Она никогда уже не сможет стать матерью! Ее не обнимут руки младенца... Она разрыдалась. Конечно, в такое время дня никто не услышал бы ее рыданий...

Постепенно все вокруг у нее на глазах укутывалось в свадебные платья, усеялось голубыми, красными, белыми цветами. Она плакала и, плача, успокаивалась, становилась уверенней, оправдывала какие-то страшные мысли, приходившие ей в голову, туман в ее голове исчезал... А природа вокруг продолжала надевать свадебные платья. Но отчего же Финае не примеряла их на себя? Отчего она отказалась от разноцветных цветов счастья? На какое-то мгновение ей показалось, что она поднимается по этим каменным ступенькам, держа за руку ребенка. Пухлая рука ребенка грела ее сердце, приносила утешение ее бьющемуся, как птица, сердцу. Она немного задержалась. Посмотрела на идущего рядом с ней парня. Посмотрела и вздрогнула: «О Всевышний, на кого похож этот ребенок? На Хариса? Нет, ни капли! Но на кого?.. На Федаи. Да что там похож, это он и есть. Та же осанка, тот же рост...»

Она вздрогнула и отдернула руку. Рука коснулась пустоты... Небо, и земля закружились перед ее глазами...

Она прислонилась к сырой стене минарета. В теле пылал жар, но она дрожала. Федаи... Он искал себе не любовницу на месяц или год, а спутницу на всю жизнь. Он искал себе девушку, краснеющую, когда с ней заговорят, честную, совестливую, невинную. Он искал истинного счастья, а не лживой фальшивой радости...

Приближалось время утреннего намаза. Скоро муэдзин поднимется по этим ступенькам на самый верх минарета и призовет всех мусульман к святости, чистоте, поклонению Аллаху...

Еще пару ступенек, и Финае достигнет самой высокой ступеньки минарета. Но для чего она поднимается вверх? Наверху что-то есть? Или она поднималась для того, чтобы умереть? Разве надо прилагать столько усилий, чтобы слиться со смертью? Разве для этого недостаточно земли? Как это пришло тебе в голову Финае? Разве ты не сможешь умереть в проклятом доме своего отца? Или ты и свою смерть хочешь показать людям?

Нет, она не могла умереть, как все, в «проклятом доме отца». Разве не он и живущие там люди стали причиной всех несчастий, обрушившихся на ее голову?..

...Когда она пришла к Юсифджану, когда она вошла в его мастерскую, в ее сердце было чистое желание жить. Но несчастная судьба вырвала ее в одну ночь из пьянящего, лишаящего рассудка, равного всей ее жизни счастья, которое возвышало ее с вечностью...

... Ступеньки закончились, стена закончилась, вот и конец... Когда-то она точно также стояла на пороге дома Хариса. Тогда перед ней не было провала, созданного пустотой неба. Откуда у нее свадебное платье? Она была в старой одежде, в повседневном платье. Харис положил к ее ногам фарфоровую тарелку. «Наступи на нее, разбей ее, Финае!», – сказал он. С тарелки под ногами на нее смотрела пара глаз. Эти глаза, в которых ненависть была смешана с добротой, принадлежали продавцу газет Федаи.

Тогда Финае захотела вскрикнуть, но не смогла. «Разбей! Ударь и разбей!», – кричал громким голосом Харис, торопясь от страсти. Финае против воли подняла ногу и ударила по тарелке. Два устремленных на нее глаза вылезли из орбит и упали к ее ногам. Финае перешагнула через эти глаза, чтобы не раздавить их, и в странном ужасе отскочила...

Она хотела плакать, но не могла, хотела разрыдаться, но не получалось. Голос ее оборвался изнутри...

Солнце, словно искупавшись в море, поднималось, оно было чистым, ярко-красным, пылало, как тендир. Финае не могла оторвать глаз от неба, может, в последний раз взглянула на город. Еще раз взглянула на море, на колышущиеся волны. Казалось, солнце владело голубим Каспием. Там, в объятиях моря, был виден ее портрет, написанный Юсифджаном масляными красками. Портрет возносился прямо к небу, к солнцу, полному света и тепла. Нет, Юсифджан был не мертвым, в руке он держал краски. Наверное, готовился нарисовать портрет Финае. Ничто, кроме этого желания, не могло вернуть на землю Юсифджана, ушедшего в мир иной...

Она наклонилась и посмотрела вниз. Все вокруг мечети было укрыто черными, серыми камнями. Ей показалось, что она умирает на этих черных камнях... А из ее губ текла кровь. Люди собрались вокруг тела. Среди них были люди, похожие на Хариса. До чего же отвратительные и жадные лица были у них. Если б она еще раз смогла увидеть Федаи, она сказала бы ему: плюнь в эти отвратительные и жадные физиономии... Может, таково и было последнее желание, последняя мечта Финае. Другого желания у нее не могло быть, ее душа стремилась с вершины священного минарета к солнцу. Точнее, от земли, от людей – очень далеко, к невинному, чистейшему солнцу. Она хотела улететь. И вместе с тем мечтала, чтобы на ней было белоснежное свадебное платье.

Грудью она прижалась к голубым перилам. Над ней парили чайки, горлицы, сизые голуби. Деревья, здания, словно взявшись за руки, кружились в танце. В этот миг море взволновалось, волны, как закусившие удила кони, поднялись, выплеснулись на берег.

Казалось, что все, что есть на свете, взявшись вместе с ней за руки, устремилось к солнцу. Финае тоже захотела присоединиться к ним, обрести крылья. Но взлететь не удалось... Да и как можно было взлететь со сломанными крыльями...

...Она упала на спину. словно ничего не случилось. Ничего! Угасающими глазами она искала солнце, смотрела на красное небо. И солнце, и небо были взволнованы, беспокойны, в смятении. Может, это была не Финае, испускающая последний вздох, а умирал весь мир?

Казалось, и лениво плывущие по небу облака и само небо окропилось в красный цвет...

Солнце – это огромное, сияющее зеркало в одно мгновение раскололось, распалось на части, и куски его полетели на нее. И она словно исчезла в этом расколовшемся, раненном потоке света, растаяла в нем.

Финае достигла своей последней мечты...

В ее взгляде угасал свет последней надежды, последней мечты... Ей стало холодно. Чтобы согреться, она в последний раз посмотрела на солнце. Хотела что-то сказать солнцу. Но Финае ничего сказать не смогла... Ничего!..

Баку – 2009

Редактор: Оксана Буланова